Цѣна 40 к.

РУССКАЯ КЛАССНАЯ БИБЛІОТЕКА,
ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ
А. Н. ЧУДИНОВА.
ПОСОБІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.
ВЫПУСКЪ XI-й.

Г. Р. ДЕРЖАВИНЪ.

ИЗБРАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

Лучшія стихотворенія съ примѣчаніями, объяснительныя статьи.

2-е изданіе, И. Глазунова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ УЛ., № 8.
1911.

Русская классная библіотека, издаваемая подъ редакціею А. Н. Чудинова.
Пособіе при изученіи русской литературы.

Вып. I. **Слово о полку Игоря.** Текстъ памятника съ примѣчаніями, прозаическій поэтическій, его переводы, матеріалы для сравнительнаго изученія, объяснительныя статьи словарь. Изд. 9-е. Спб. 1911. Ц. 30 к.

Вып. II. **Домострой** Сильвестровскаго извода. Текстъ памятника съ примѣчаніями, матеріалы для сравнительнаго изученія [образцы Домостроевъ: Ксенофонта и 3-хъ западноевропейскихъ], объяснительныя статьи и словарь. Изд. 3-е. Спб. 1911. Ц. 45 к.

Вып. III. **Басни русскихъ писателей** въ сравнительномъ изученіи. Текстъ басенъ Крылова, Дмитріева, Хемницера, Измайлова, Сумарокова, В. Майкова, Тредьяковскаго др., въ пяти группахъ, сравнительно съ русскими народными сказками и пословицами, баснями Эзопа, Лафонтена и др., примѣчанія, объяснительныя статьи. Спб. 1891. Ц. 40 к.

Вып. IV. **Григорій Котошихинъ.** Текстъ сочиненія „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича". гл. I, II и XIII, съ примѣчаніями, исторія памятника, біографія автора. Спб. 1891. Ц. 30 к.

Вып. V. **Баллады В. А. Жуковскаго.** Полное собраніе балладъ, съ примѣчаніями, объяснительныя статьи. Изд. 2-е. Спб. 1907. Ц. 65 к.

Вып. VI. **А. С. Грибоѣдовъ.** Горе отъ ума. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Текстъ комедія съ примѣчаніями, біографія автора, критич. отзывы Пушкина, Гоголя и Бѣлинскаго. „Мильонъ терзаній", крит. этюдъ И. А. Гончарова. Изд. 2-е. Спб. 1903. Ц. 45 к.

Вып. VII. **Д. И. Фонъ-Визинъ.** Избранныя сочиненія. Недоросль. — Бригадиръ. — Чистосердечныя признанія.—Объяснительныя статьи. Спб. Изд. 2-е. 1909. Ц. 50 к.

Вып. VIII. **Н. М. Карамзинъ.** Ч. I. Повѣсти. — Разсужденія. — Стихотворенія. Спб. Изд. 2-е. 1911. Ц. 55 к.

Вып. IX. **Н. М. Карамзинъ.** Избранныя сочиненія. Часть II. Письма русскаго путешественника, съ примѣчаніями. Изд. 2-е, исправленное. Спб. 1910. Ц. 60 к.

Вып. X. **М. В. Ломоносовъ.** Избранныя сочиненія. Избранныя стихотворенія. — Прозаическія статьи. Матеріалы для изученія его сочиненій. Спб. 1892. Ц. 35 к.

Вып. XI. **Г. Р. Державинъ.** Избранныя сочиненія. Лучшія стихотворенія съ примѣчаніями, объяснительныя статьи. Спб. Изд. 2-е. 1911. Ц. 40 к.

Вып. XII. **Кн. А. Д. Кантеміръ.** Избранныя сатиры. Сатиры I, II и IX, съ примѣчаніями.—Объяснительныя статьи. Спб. 1893. Ц. 40 к.

Вып. XIII. **Былины.** Былины про старшихъ богатырей.—Былины кіевскаго и новгородскаго цикловъ.—Духовные стихи.—Историческія пѣсни.—Восемь объяснительныхъ статей. Изд. 2-е. Спб. 1904. Ц. 50 к.

Вып. XIV. **А. П. Сумароковъ.** Избранныя драматическія произведенія. Хоревъ, траг.—Синавъ и Труворъ, траг.—Опекунъ, ком.—Матеріалы для изученія его произведеній. Спб. 1893. Ц. 50 к.

Вып. XV. **Типы скупого** въ произведеніяхъ литературы русской и иностранныхъ.— Кубышка, ком. Плавта.—Скупой, ком. Мольера.—Плюшкинъ Гоголя.—Скупой рыцарь, Пушкина.—Три характеристики Ѳеофраста.—Русскія пословицы о скупости. Спб. 1893. Ц. 40 к.

Вып. XVI. **Лѣтопись Нестора** со включеніемъ поученія Владиміра Мономаха. Текстъ лѣтописи по Лаврентьевскому списку, съ примѣчаніями. — Поученія Владиміра Мономаха.—Три объяснительныя статьи.—Словарь. Изд. 2-е. Спб. 1903. Ц. 50 к.

Вып. XVII. **Императрица Екатерина II.** Избранныя сочиненія. Начальное ученіе.—Пословицы.—Сказки. — Были и небылицы.—О время! ком.—Объяснительныя статьи. Спб. 1894. Ц. 45 к.

Вып. XVIII. **Русская народная лирика.** Пѣсни обрядовыя.—Пѣсни семейныя.— Пѣсни бытовыя.—Пѣсни удалыя.—Объяснительныя статьи. Изд. 2-е. Спб. 1910. Ц. 40 к.

Вып. XIX. **Древне-русскія повѣсти и романы.** — Слово о Бовѣ. — Троянскія сказанія. — Девгеніево дѣяніе. — Соломонъ и Китоврасъ.—Повѣсть о Басаргѣ.—Повѣсть о Горѣ-Злосчастьѣ.—Судное дѣло у Леща съ Ершомъ.—Объяснит. статьи. Спб. 1895. Ц. 40 к.

Вып. XX. **М. М. Херасковъ.** (1733 — 1807). Россіада; поэма въ 12-ти пѣсняхъ. Полный текстъ поэмы.—Объяснительныя статьи. Спб. 1895. Ц. 60 к.

Вып. XXI. **И. И. Дмитріевъ.** Избранныя стихотворенія. Лирическія стихотворенія.—Пѣсни.—Сатиры.—Сказки.—Басни.—Апологи.—Объяснит. статьи. Спб. 1896. Ц. 40 к.

Вып. XXII. **В. Н. Татищевъ.** (1685 — 1750). Духовная моему сыну. Текстъ Духовной и Увѣщанія. — Содержаніе Разговора о пользѣ наукъ и др. сочиненій. Объяснит. статьи. Спб. 1896. Ц. 50 к.

ЦѢНА 40 к.

РУССКАЯ КЛАССНАЯ БИБЛІОТЕКА,

ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. Н. ЧУДИНОВА.

ПОСОБІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

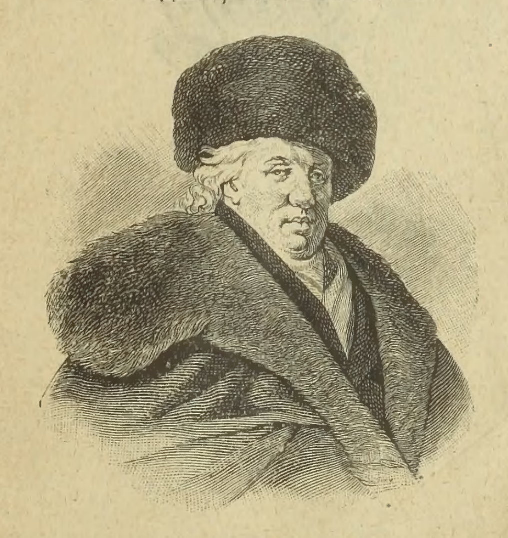
ВЫПУСКЪ XI-й.

Г. Р. ДЕРЖАВИНЪ.

ИЗБРАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

Лучшія стихотворенія съ примѣчаніями, объяснительныя статьи.

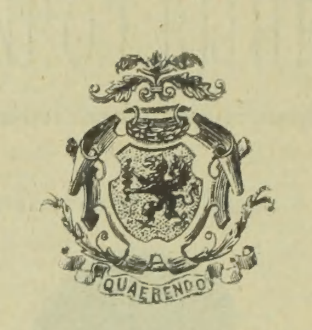
2-е изданіе, И. Глазунова.

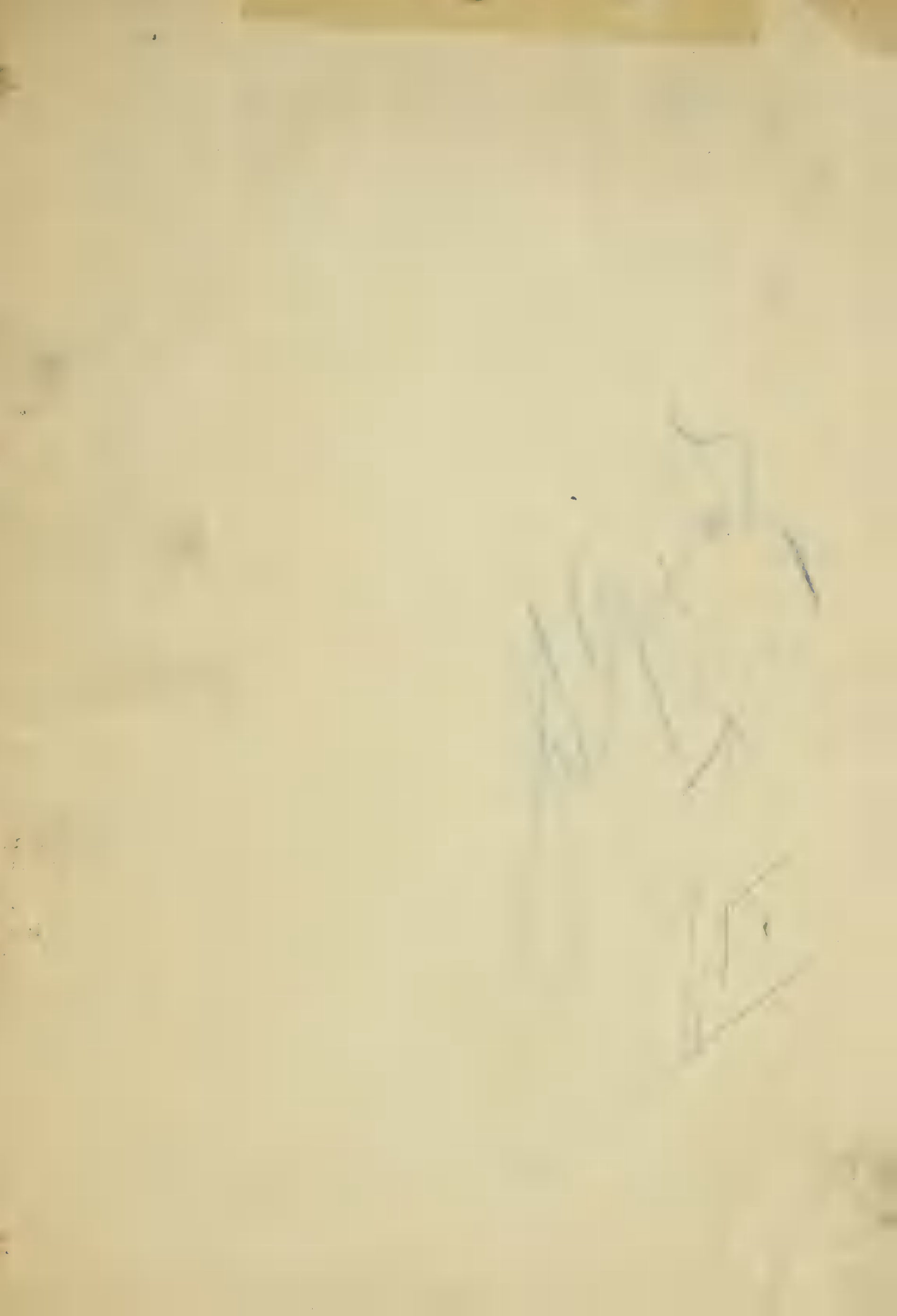

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ УЛ., № 8.

1911.

QUAERENDO

...Шумитъ и, какъ звѣзда, блистаетъ
И искры въ слѣдъ свой разсыпаетъ.
(Водопадъ Г. Державина строфа 40-я).

ТИП. ГЛАЗУНОВА, СПБ.

Предисловіе.

Въ настоящемъ выпускѣ собраны лучшія стихотворенія Державина, совершенно достаточныя для характеристики знаменитаго пѣвца Фелицы. Текстъ стихотвореній напечатанъ по классическому изданію Я. К. Грота; къ каждому изъ стихотвореній присоединены объяснительныя примѣчанія. Стихотворенія расположены въ хронологическомъ порядкѣ, удобномъ уже потому, что они могутъ быть разбираемы въ связи съ біографіей поэта, сообщаемой преподавателемъ.

Въ приложеніи мы напечатали два отрывка, представляющіе: характеристику поэтической дѣятельности Державина Я. К. Грота и образецъ критическаго его анализа изъ статьи В. Бѣлинскаго. Какъ та, такъ и другая статьи могутъ служить пополненіемъ классныхъ свѣдѣній ученика о поэтѣ и, вмѣстѣ, образцами критическаго разбора его произведеній. Біографіи поэта не помѣщаемъ, такъ какъ общеизвѣстные факты ея удобнѣе всего сообщить самому преподавателю въ той формѣ, какую онъ признаетъ наиболѣе удобною, сообразуясь съ даннымъ уровнемъ класса.

Къ книгѣ приложены портретъ поэта и рисунокъ.

Предисловіе ко 2-му изданію.

Настоящее изданіе представляетъ воспроизведеніе предыдущаго съ исправленіями лишь опечатокъ.

1911 г. *Издатель.*

СОДЕРЖАНІЕ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ ПОЭТА.

1) Петру Великому [1].

1776.

Россія, въ славу облеченна,
Куда свой взоръ не обратитъ,
Вездѣ, весельемъ восхищенна,
Вездѣ труды Петровы зритъ.
Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ ты, великій Петръ!
Онъ, древній мракъ нашъ побѣждая,
Науки въ полночь водворилъ;
Во тмѣ свѣтильникъ возжигая,
И въ насъ благіе нравы влилъ.
Неси... и т. д.
Какъ Богъ, великимъ провидѣньемъ
Онъ все собою озиралъ;
Какъ рабъ, неслыханнымъ раченьемъ
Онъ все собою исполнялъ.
Неси... и т. д.
Прошелъ землями и морями,
Учился самъ, чтобъ насъ учить;

---

[1] Это стихотвореніе, назв. *пѣснью Петру В.*, было написано по тому поводу, что тогда изготовлялась Фальконетомъ статуя Петра В., окончательно отлитая въ слѣд. году, и, безъ сомнѣнія, въ Петербургѣ было много толковъ по этому обстоятельству. Эта пѣсня была въ большомъ употребленіи въ ложахъ у масоновъ, почитавшихъ память Петра В. и любившихъ это произведеніе Державина за выраженную въ немъ похвалу человѣколюбію, смиренію, христіанскому братству и равенству.

Искалъ бесѣдовать съ царями,
Чтобъ послѣ всѣхъ ихъ удивить.
Неси... и т. д.
Ко скипетру рожденны руки
На трудъ несродный простиралъ;
Звучатъ доднесь по свѣту звуки,
Какъ онъ сѣкирой ударялъ.
Неси... и т. д.
Его младенчески забавы
Родили громы наконецъ;
А посреди военной славы
Онъ былъ отечества отецъ.
Неси... и т. д.
Лучи величества скрывая,
Простымъ онъ воиномъ служилъ;
Вождей искусству научая,
Онъ самъ полки на брань водилъ.
Неси... и т. д.
Вселенну храбрость устрашала,
Какъ онъ противныхъ поражалъ;
Вселенну милость утѣшала,
Какъ онъ плѣненныхъ угощалъ.
Неси... и т. д.
Владыка будучи полсвѣта,
Герой въ поляхъ и на моряхъ,
Не презиралъ давать отчета
Своимъ рабамъ въ своихъ дѣлахъ.
Неси... и т. д.
Вѣнцы, тріумфы, колесницы
Не для себя онъ учреждалъ:
Отличность, блески багряницы
Заслугъ въ наградѣ полагалъ.
Неси... и т. д.
Былъ въ вѣрѣ твердъ и ей послушенъ;
Пѣвецъ онъ самъ былъ алтарей;

Средь золъ, средь благъ великодушенъ,
Нелестный другъ своихъ друзей.
Неси... и т. д.
Монархамъ возвращалъ короны,
Законы подданнымъ писалъ;
Что должны дѣлать милліоны,
Собой всѣмъ образъ подавалъ.
Неси... и т. д.
Чрезъ горы проточилъ онъ воды,
На блатахъ грады насадилъ:
Довольство ввелъ въ свои народы,
Съ Востокомъ Западъ съединилъ.
Неси... и т. д.
Онъ, истины любя уставы,
Хранилъ нелицемѣрный судъ;
Поднесь его полезны правы [1])
Ко благоденствію ведутъ.
Неси... и т. д.
Поднесь вселенну изумляетъ
Величіе его чудесъ;
Премудрыхъ умъ не постигаетъ,
Не Богъ ли въ немъ сходилъ съ небесъ?
Неси... и т. д.
О Россы, славой лучезарны!
О родъ героевъ и соборъ!
Петру вы будьте благодарны,
Да ввѣкъ Петру гремитъ вашъ хоръ!
Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ ты, великій Петръ!

---

[1]) Писатели XVIII в. часто употребляютъ слово: *правы* въ смыслѣ *законы*.

2) На изображеніе Ѳеофана[1].

1777.

Россійской церкви столпъ, совѣта мудрый мужъ,
Филосовъ, богословъ, историкъ, пастырь душъ.
Витійствомъ словъ его до днесь Россія блещетъ:
Петровымъ похваламъ вселенна совосплещетъ.

3) На Кантемира.

1777.

Старинный слогъ его достоинствъ не умалитъ.
Порокъ! не подходи: сей взоръ тебя ужалитъ.

4) Модное остроуміе[2].

1776.

Не мыслить ни о чемъ и презирать сомнѣнье,
На все давать тотчасъ свободное рѣшенье,

[1]) Эта и слѣд. надписи написаны по поводу вызова, напечатаннаго въ предисловіи къ С.-Петербургскимъ Ученымъ Вѣдомостямъ 1777 г., издатели которыхъ приглашали желающихъ сочинить и доставить къ нимъ надписи къ портретамъ этихъ лицъ.

Ѳеофанъ Прокоповичъ, архіепископъ Новгородскій и первенствующій членъ св. сунода, одинъ изъ энергическихъ сторонниковъ Петровскихъ преобразованій, род. 1681 г., ум. 1736.

Кн. Антіохъ Дмитріевичъ Кантемиръ, бывшій русскимъ резидентомъ въ Лондонѣ, а потомъ чрезвычайнымъ посломъ въ Парижѣ, извѣстный сатирикъ, избр. сочиненія котораго составляютъ вып. XIII Русск. Кл. Библ., род. 1708, ум. 1744 г.

[2]) Авторъ слѣд. образомъ объясняетъ мотивы появленія въ свѣтъ этого стихотворенія, въ письмѣ къ издателямъ „Собесѣдника“: „Я долго плв, лучше сказать, повидимому большую часть дней, кои судьбою мнѣ опредѣлены, проводилъ въ недоразумѣніи, отъ чего нахальные и коварные люди съ безпримѣрною удачею достигаютъ до своихъ желаній тогда, когда скромность и честность вездѣ и у всѣхъ ни вниманія, ни помощи не об-

Не много разумѣть, о многомъ говорить;
Быть дерзку, но умѣть продерзостями льстить;
Красивой пустошью плодиться въ разговорахъ,
И другу и врагу являть прiятство въ взорахъ:
Блистать учтивостью, но чтя, пренебрегать,
Смѣяться дуракамъ, и имъ же потакать,
Любить по прибыли, по случаю дружиться,
Душою подличать, а внѣшностью гордиться,
Казаться богачемъ, а жить на счетъ другихъ;
Съ осанкой важничать въ бездѣлицахъ самихъ:
Для остраго словца шутить и надъ закономъ,
Не уважать отцомъ, ни матерью, ни трономъ;
И, словомъ, лишь умомъ въ поверхности блистать
Въ познанiяхъ одни цвѣты только срывать,
Тотъ узелъ разсѣкать, что̀ развязать не знаемъ:
Вотъ остроумiемъ что часто мы считаемъ!

5) Къ портрету Ломоносова.

1779.

Се Пиндаръ, Цицеронъ, Виргилiй,—слава Россовъ,
Неподражаемый, безсмертный Ломоносовъ.
Въ восторгахъ онъ своихъ гдѣ лишь черкнулъ перомъ,
Отъ пламенныхъ картинъ понынѣ слышенъ громъ.

рѣтаетъ? Въ сумнѣнiи.... я предпрiялъ у всѣхъ добиваться разрѣшенiя такому вопросу: нынѣ болѣе всего за остроумiемъ гоняются, остроумныхъ хвалятъ и предпочитаютъ всѣмъ.... въ чемъ нынѣ остроумiе полагается? Отвѣтъ одного человѣка, пожелавшаго дать мнѣ его, находится въ слѣд. стихахъ“.

6) На смерть князя Мещерскаго [1]).

1779.

Глаголъ временъ! металла звонъ! [2])
Твой страшный гласъ меня смущаетъ;
Зоветъ меня, зоветъ твой стонъ,
Зоветъ—и къ гробу приближаетъ.
Едва увидѣлъ я сей свѣтъ,
Уже зубами смерть скрежещетъ;
Какъ молніей, косою блещетъ
И дни мои, какъ злакъ, сѣчетъ.
Ничто отъ роковыхъ когтей,
Никая тварь не убѣгаетъ:
Монархъ и узникъ—снѣдь червей;
Гробницы злость стихій снѣдаетъ;
Зіяетъ Время славу стерть:
Какъ въ море льются быстры воды,
Такъ въ вѣчность льются дни и годы;
Глотаетъ царства алчна Смерть.
Скользимъ мы бездны на краю,
Въ которую стремглавъ свалимся;

---

[1]) Кн. Александръ Ивановичъ Мещерскій служилъ президентомъ главнаго магистрата въ Петербургѣ и извѣстенъ былъ роскошной жизнью и хлѣбосольствомъ. Державинъ познакомился съ нимъ вскорѣ послѣ пугачевщины и бывалъ на его роскошныхъ пирахъ. Услышавъ вдругъ о его смерти, поэтъ выразилъ свое впечатлѣніе въ этой одѣ, посвященной другу умершаго Степану Васильевичу Перфильеву. Основная мысль ея — грозное владычество смерти, встрѣчается у Горація (4-я ода 1-й кн. къ Секстію, перев. Фета):

Смерть блѣдная равно стучитъ своей пятою
Въ лачуги бѣдняковъ и терема царей.

Встрѣчается она и у другихъ поэтовъ; но едва-ли не болѣе всѣхъ чувствуется въ этой одѣ вліяніе Юнговыхъ „Ночей".

[2]) Здѣсь, по мнѣнію Я. К. Грота, поэтъ обращается не къ погребальному звону колокола, а къ бою часовъ.

Пріемлемъ съ жизнью смерть свою;
На то, чтобъ умереть, родимся;
Безъ жалости все Смерть разитъ:
И звѣзды ею сокрушатся,
И солнцы ею потушатся,
И всѣмъ мірамъ она грозитъ.
Не мнитъ лишь смертный умирать
И быть себя онъ вѣчнымъ чаетъ;
Приходитъ Смерть къ нему, какъ тать,
И жизнь внезапу похищаетъ.
Увы! гдѣ меньше страха намъ,
Тамъ можетъ смерть постичь скорѣе;
Ея и громы не быстрѣе
Слетаютъ къ гордымъ вышинамъ.
Сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ,
Куда, Мещерскій, ты сокрылся?
Оставилъ ты сей жизни брегъ,
Къ брегамъ ты мертвыхъ удалился:
Здѣсь персть твоя, а духа нѣтъ.
Гдѣ жъ онъ?—Онъ тамъ.—Гдѣ тамъ?—Не знаемъ.
Мы только плачемъ и взываемъ:
„О горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!"
Утѣхи, радость и любовь
Гдѣ купно съ здравіемъ блистали,
У всѣхъ тамъ цѣпенѣетъ кровь
И духъ мятется отъ печали.
Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ;
Гдѣ пиршествъ раздавались клики,
Надгробные тамъ воютъ лики, [1])
И блѣдна Смерть на всѣхъ глядитъ...
Глядитъ на всѣхъ—и на царей,
Кому въ державу тѣсны міры;
Глядитъ на пышныхъ богачей,

---

[1]) Лики—пѣвчіе.

Что̀ въ златѣ и сребрѣ кумиры;
Глядитъ на прелесть и красы,
Глядитъ на разумъ возвышенный,
Глядитъ на силы дерзновенны—
И точитъ лезвее косы.

Смерть, трепетъ естества и страхъ!
Мы—гордость, съ бѣдностью совмѣстна:
Сегодня богъ, а завтра прахъ;
Сегодня льститъ надежда лестна,
А завтра—гдѣ ты, человѣкъ?
Едва часы протечь успѣли,
Хаоса въ бездну улетѣли,
И весь, какъ сонъ, прошелъ твой вѣкъ.

Какъ сонъ, какъ сладкая мечта,
Исчезла и моя ужъ младость;
Не сильно нѣжитъ красота,
Не столько восхищаетъ радость,
Не столько легкомысленъ умъ,
Не столько я благополученъ:
Желаніемъ честей размученъ;
Зоветъ, я слышу, славы шумъ.

Но такъ и мужество пройдетъ,
И вмѣстѣ къ славѣ съ нимъ стремленье;
Богатствъ стяжаніе минетъ,
И въ сердцѣ всѣхъ страстей волненье
Прейдетъ, прейдетъ въ чреду свою.
Подите, счастья, прочь, возможны!
Вы всѣ премѣнны здѣсь и ложны:
Я въ дверяхъ вѣчности стою.

Сей день иль завтра умереть,
Перфильевъ! [1]) должно намъ конечно:
Почто жъ терзаться и скорбѣть,
Что смертный другъ твой жилъ не вѣчно?

---

[1]) Пріятель Мещерскаго и Державина. См. прим. въ началѣ оды.

Жизнь есть Небесъ мгновенный даръ;
Устрой ее себѣ къ покою,
И съ чистою твоей душою
Благословляй судебъ ударъ.

7) При чтеніи описанія зимы въ „Россіядѣ“[1]) во время жестокаго морозу 1779 г.

Останови свою, Херасковъ, кисть ты льдяну:
Ужъ отъ твоей зимы
Всѣ содрагаемъ мы.
Стой, стой! я весь замерзъ—и вмигъ дышать престану

8) Властителямъ и Судіямъ.

(заимствовано изъ 81 псалма).

1780.

Возсталъ Всевышній Богъ, да судитъ
Земныхъ боговъ во сонмѣ ихъ.
„Доколѣ“, рекъ, „доколь вамъ будетъ
Щадить неправедныхъ и злыхъ?
„Вашъ долгъ есть: сохранять законы,
На лица сильныхъ не взирать,
Безъ помощи, безъ обороны
Сиротъ и вдовъ не оставлять.
„Вашъ долгъ—спасать отъ бѣдъ невинныхъ,
Несчастливымъ подать покровъ;
Отъ сильныхъ защищать безсильныхъ,
Исторгнуть бѣдныхъ изъ оковъ“.
Не внемлютъ!—видятъ и не знаютъ!
Покрыты мздою очеса:
Злодѣйства землю потрясаютъ,
Неправда зыблетъ небеса.

---

[1]) Поэма Хераскова.

Цари!—я мнилъ: вы боги властны,
Никто надъ вами не судья;
Но вы, какъ я, подобно страстны
И такъ-же смертны, какъ и я.
И вы подобно такъ падете,
Какъ съ древъ увядшій листъ падетъ:
И вы подобно такъ умрете,
Какъ вашъ послѣдній рабъ умретъ!
Воскресни, Боже! Боже правыхъ!
И ихъ моленію внемли:
Приди, суди, карай лукавыхъ
И будь единъ царемъ земли!

9) На рожденіе на сѣверѣ порфиророднаго Отрока [1].

1780.

Съ бѣлыми Борей[2]) власами
И съ сѣдою бородой,
Потрясая небесами,
Облака сжималъ рукой;
Сыпалъ инеи пушисты
И метели воздымалъ;
Налагая цѣпи льдисты,
Быстры воды оковалъ.
Вся природа содрогала
Отъ лихаго старика
Землю въ камень претворяла
Хладная его рука;
Убѣгали звѣри въ норы,
Рыбы крылись въ глубинахъ,
Пѣть не смѣли птичекъ хоры,

---

[1]) Подъ „порфироносным Отрокомъ" разумѣется великій князь Александръ Павловичъ, род. 12 дек. 1777 г.

[2]) Сѣв.-вост. холодный вѣтеръ. Стихи начинаются картиной олицетворенія борея въ образѣ богатыря земли.

Пчелы прятались въ дуплахъ;
Засыпали Нимфы съ скуки
Средь пещеръ и камышей;
Согрѣвать Сатиры руки
Собирались вкругъ огней.
Въ это время столь холодно,
Какъ Борей былъ разъяренъ,
Отроча порфирородно
Въ царствѣ сѣверномъ рожденъ.
Родился—и въ ту минуту
Ересталъ ревѣть Борей;
Онъ дохнулъ—и зиму люту
Удалилъ Зефиръ съ полей;
Онъ воззрѣлъ—и солнце красно
Обратилося къ веснѣ;
Онъ вскричалъ—и лиръ согласно
Звукъ разнесся въ сей странѣ;
Онъ простеръ лишь дѣтски руки—
Ужъ порфиру въ руки бралъ;
Раздались громовы звуки—
И весь Сѣверъ возсіялъ.
Я увидѣлъ въ восхищеньи:
Растворенъ Судебъ чертогъ,
И подумалъ въ изумленьи:
Знать, родился нѣкій богъ.
Геніи къ нему слетѣли
Въ свѣтломъ облакѣ съ небесъ;
Каждый Геній къ колыбели
Даръ рожденному принесъ:
Тотъ принесъ ему громъ въ руки
Для предбудущихъ побѣдъ;
Тотъ художества, науки,
Украшающія свѣтъ;
Тотъ обиліе, богатство,
Тотъ сіяніе порфиръ;

Тотъ утѣхи и пріятство,
Тотъ спокойствіе и миръ;
Тотъ принесъ ему тѣлесну,
Тотъ душевну красоту;
Прозорливость тотъ небесну,
Разумъ, духа высоту.
Словомъ: всѣ ему блаженства
И таланты подаря,
Всѣ вліяли совершенства,
Составляющи царя;
Но послѣдній, добродѣтель
Зараждаючи въ немъ, рекъ:
„Будь страстей твоихъ владѣтель,
Будь на тронѣ человѣкъ!“
Всѣ крылами восплескали;
Каждый Геній восклицалъ:
„Се божественный“, вѣщали,
„Даръ младенцу онъ избралъ!
Даръ, всему полезный міру!
Даръ, добротамъ всѣмъ вѣнецъ!
Кто пріемлетъ съ нимъ порфиру,
Будетъ подданнымъ отецъ!“—
„Будетъ“!—и Судьбы гласили:
„Онъ монархамъ образецъ!“
Лѣсъ и горы повторили:
„Утѣшеніемъ сердецъ!“—
Симъ Россія восхищенна
Токи слезны пролила,
На колѣни преклоненна
Въ руки отрока взяла;
Восиріявъ его, лобзаетъ
Въ перси, очи и уста.
Въ немъ геройство возрастаетъ,
Возрастаетъ красота.
Всѣ его ужъ любятъ страстно,

Всѣхъ сердца ужъ онъ возжегъ.
Возрастай, дитя прекрасно!
Возрастай нашъ полубогъ!
Возрастай, уподобляясь
Ты родителямъ во всемъ:
Съ ихъ ты матерью равняясь,
Соравняйся съ Божествомъ!...

10) Фелица [1]).

1782.

Богоподобная царевна
Киргизъ-кайсацкія орды,

---

[1]) Въ 1781 г. была напечатана написанная Екатериною для 5-ти лѣтняго внука ея, великаго князя Александра Павловича: „Сказка о царевичѣ Хлорѣ". Хлоръ былъ сынъ князя или царя Кіевскаго, во время отсутствія отца похищенный ханомъ *киргизскимъ*. Желая провѣрить молву о способностяхъ мальчика, ханъ ему приказалъ отыскать *розу безъ шиповъ*. Царевичъ отправился съ этимъ порученіемъ. Дорогой ему попалась на встрѣчу дочь хана, веселая и любезная *Фелица* — богиня блаженства, какъ объясняетъ это имя Державинъ. Она хотѣла итти провожать царевича, но ей помѣшалъ въ томъ суровый мужъ ея, султанъ Брюзга, и тогда она выслала къ ребенку своего сына, Разсудокъ. Продолжая путь, Хлоръ подвергся разнымъ искушеніямъ, и между прочимъ, его зазвалъ въ избу свою мурза Лѣнтягъ, который соблазнами роскоши старался отклонить царевича отъ предпріятія слишкомъ труднаго. Но Разсудокъ насильно увлекъ его далѣе. Наконецъ они увидѣли передъ собой крутую каменистую гору, на которой растетъ *роза безъ шиповъ*, т. е. *добродѣтель*. Съ трудомъ взобравшись на гору, царевичъ сорвалъ этотъ цвѣтокъ и поспѣшилъ къ хану. Ханъ отослалъ его вмѣстѣ съ розой къ великому князю. „Сей обрадовался столько пріѣзду царевича и его успѣхамъ, что забылъ всю тоску и печаль...." Эта сказка подала Державину мысль написать оду къ Фелицѣ, подъ именемъ которой поэтъ изобразилъ императрицу Екатерину, описалъ въ шутливомъ тонѣ ея приближенныхъ. Ода доставила Державину богатый подарокъ отъ императрицы и извѣстность въ высшемъ кругу. Съ появленіемъ этого произведенія, прочно устанавливается слава Державина, какъ поэта, проложившаго новый путь на Парнассъ введеніемъ новаго стихотворнаго рода, въ противоположность напыщеннымъ одамъ.

Которой мудрость несравненна
Открыла вѣрные слѣды
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высоку гору,
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ,
Гдѣ добродѣтель обитаетъ!
Она мой духъ и умъ плѣняетъ;
Подай найти ее совѣтъ.

Подай, Фелица, наставленье,
Какъ пышно и правдиво жить,
Какъ укрощать страстей волненье
И счастливымъ на свѣтѣ быть.
Меня твой голосъ возбуждаетъ,
Меня твой сынъ препровождаетъ;
Но имъ послѣдовать я слабъ:
Мятясь житейской суетою,
Сегодня властвую собою,
А завтра прихотямъ я рабъ.

Мурзамъ твоимъ не подражая,
Почасту ходишь ты пѣшкомъ,
И пища самая простая
Бываетъ за твоимъ столомъ;
Не дорожа твоимъ покоемъ,
Читаешь, пишешь предъ налоемъ
И всѣмъ изъ твоего пера
Блаженство смертнымъ проливаешь [1]);
Подобно въ карты не играешь,
Какъ я, отъ утра до утра.

Не слишкомъ любишь маскарады,
А въ клобъ не ступишь и ногой;
Храня обычаи, обряды,
Не донкишотствуешь собой;

---

[1]) Составленіе императрицею разныхъ законовъ: дворянской грамоты, устава благочинія и пр.

Коня парнасска [1]) не сѣдлаетъ,
Къ духамъ въ собранье не въѣзжаетъ [2]),
Не ходитъ съ трона на Востокъ [3]);
Но, кротости ходя стезею,
Благотворящею душою
Полезныхъ дней проводитъ токъ.

А я, проспавши до полудни,
Курю табакъ и кофе пью;
Преобращая въ праздникъ будни,
Кружу въ химерахъ мысль мою:
То тронъ отъ Персовъ похищаю [4]),
То стрѣлы къ Туркамъ обращаю;
То возмечтавъ, что я султанъ,
Вселенну устрашаю взглядомъ;
То вдругъ, прельщаяся нарядомъ,
Скачу къ портному по кафтанъ [5]).

Или въ пиру я пребогатомъ,
Гдѣ праздникъ для меня даютъ,
Гдѣ блещетъ столъ сребромъ и златомъ,
Гдѣ тысячи различныхъ блюдъ,—
Тамъ славный окорокъ вестфальской,
Тамъ звенья рыбы астраханской,
Тамъ пловъ и пироги стоятъ [6]),—
Шампанскимъ вафли запиваю
И все на свѣтѣ забываю
Средь винъ, сластей иароматъ.

. . . .

---

[1]) Екатерина не умѣла сочинять стиховъ, о чемъ часто упоминаетъ въ письмахъ къ Вольтеру.

[2]) Императрица не жаловала масоновъ, которыхъ иронически называла сектою духовъ, и въ ложи къ нимъ не ѣзжала.

[3]) Востокомъ сокращенно наз. масонскія ложи.

[4]) Намекъ на мечты о завоеваніи Персіи.

[5]) Шутливый намекъ на Потемкина, любившаго наряжаться.

[6]) Пловъ—пилавъ, восточное кушанье изъ риса и говядины.

Или великолѣпнымъ цугомъ [1]
Въ каретѣ англійской, златой,
(Съ собакой, шутомъ, или другомъ [2]),
Или съ красавицей какой
Я подъ качелями гуляю,
Въ шинки пить меду заѣзжаю;
Или, какъ то наскучитъ мнѣ,
По склонности моей къ премѣнѣ,
Имѣя шапку на бекренѣ,
Лечу на рѣзвомъ бѣгунѣ [3]).

Или музыкой и пѣвцами,
Органомъ и волынкой вдругъ,
Или кулачными бойцами
И пляской веселю мой духъ [4]);
Или, о всѣхъ дѣлахъ работу
Оставя, ѣзжу на охоту
И забавляюсь лаемъ псовъ [5]);
Или надъ невскими брегами
Я тѣшусь по ночамъ рогами
И греблей удалыхъ гребцовъ [6]).

Иль, сидя дома, я прокажу,
Играя въ дураки съ женой;
То съ ней на голубятню лажу,
То въ жмурки рѣзвимся порой,
То въ свайку съ нею веселюся,
То ею въ головѣ ищуся [7]);

---

[1]) По старинному обычаю, число лошадей, запряженныхъ цугомъ, соотвѣтствовало знатности или званію лица.

[2]) Шутъ-любимецъ Потемкина, по имени Моссъ.

[3]) Относится къ графу Алексѣю Григорьевичу Орлову, охотнику до конскихъ скачекъ.

[4]) Все это тоже было любимымъ занятіемъ гр. Орлова.

[5]) Рѣчь идетъ о графѣ Петрѣ Ивановичѣ Панинѣ, любителѣ псовой охоты.

[6]) Потѣха того-же Орлова.

[7]) Старинные обычаи и забавы русскихъ.

То въ книгахъ рыться я люблю,
Мой умъ и сердце просвѣщаю:
Полкана и Бову[1]) читаю,
За Библіей, зѣвая, сплю.
Таковъ, Фелица, я развратенъ!
Но на меня весь свѣтъ похожъ.
Кто сколько мудростью ни знатенъ,
Но всякій человѣкъ есть ложь.
Не ходимъ свѣта мы путями,
Бѣжимъ разврата за мечтами.
Между Лѣнтяемъ и Брюзгой[2]),
Между тщеславья и порокомъ
Нашелъ кто развѣ ненарокомъ
Путь добродѣтели прямой.
Нашелъ... но льзя ль не заблуждаться
Намъ, слабымъ смертнымъ, въ семъ пути,
Гдѣ самъ разсудокъ спотыкаться
И долженъ вслѣдъ страстямъ идти;
Гдѣ намъ ученые невѣжды [3]),
Какъ мгла у путниковъ, тмятъ вѣжды?
Вездѣ соблазнъ и лесть живетъ;
Пашей всѣхъ роскошь угнетаетъ.
Гдѣ жъ добродѣтель обитаетъ?
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ?
Тебѣ единой лишь пристойно,
Царевна, свѣтъ изъ тмы творить;
Дѣля хаосъ на сферы стройно,
Союзомъ цѣлость ихъ крѣпить;
Изъ разногласія согласье
И изъ страстей свирѣпыхъ счастье
Ты можешь только созидать.

---

[1]) Державинъ, поступивъ на службу къ князю Вяземскому, часто читалъ ему подобныя книги.

[2]) См. прим. къ заглавію этой оды.

[3]) Мысль согласная со взглядомъ самой Екатерины на ученыхъ.

Такъ кормщикъ, черезъ понтъ[1]) плывущій,
Ловя подъ парусъ вѣтръ ревущій,
Умѣетъ судномъ управлять.
Едина ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого,
Дурачества сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного;
Проступки снисхожденьемъ правишь;
Какъ волкъ овецъ, людей не давишь,—
Ты знаешь прямо цѣну ихъ:
Царей они подвластны волѣ,
Но Богу правосудну болѣ,
Живущему въ законахъ ихъ.
Ты здраво о заслугахъ мыслишь,
Достойнымъ воздаешь ты честь;
Пророкомъ ты того не числишь,
Кто только риѳмы можетъ плесть.
А что сія ума забава—
Калифовъ добрыхъ честь и слава,
Снисходишь ты на лирный ладъ:
Поэзія тебѣ любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ.
Слухъ идетъ о твоихъ поступкахъ,
Что ты нимало не горда,
Любезна и въ дѣлахъ и въ шуткахъ,
Пріятна въ дружбѣ и тверда;
Что ты въ напастяхъ равнодушна,
А въ славѣ такъ великодушна,
Что отреклась и мудрой слыть[2]).

---

[1]) Море.

[2]) Намекъ на то, что Екатерина отказалась отъ наименованій: Великой, Премудрой, Матери Отечества, которыя были поднесены ей сенатомъ и депутатами, въ 1767 г., созванными для составленія проекта новаго уложенія.

Еще же говорятъ не ложно,
Что будто завсегда возможно
Тебѣ и правду говорить.
Неслыханное также дѣло,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смѣло
О всемъ, и въявь и подъ рукой,
И знать и мыслить позволяешь
И о себѣ не запрещаешь
И быль и небыль говорить;
Что будто самымъ крокодиламъ,
Твоихъ всѣхъ милостей зоиламъ[1]),
Всегда склоняешься простить.
Стремятся слезъ пріятныхъ рѣки
Изъ глубины души моей.
О, коль счастливы человѣки
Тамъ должны быть судьбой своей,
Гдѣ ангелъ кроткій, ангелъ милый,
Сокрытый въ свѣтлости порфирной,
Съ небесъ ниспосланъ скиптръ носить!
Тамъ можно пошептать въ бесѣдахъ,
И казни не боясь, въ обѣдахъ
За здравіе царей не пить.
Тамъ съ именемъ Фелицы можно
Въ строкѣ описку поскоблить[2]),
Или портретъ неосторожно
Ея на землю уронить [3]).
Тамъ свадебъ шутовскихъ не парятъ,

---

[1]) Императрица была очень снисходительна къ людямъ, злорѣчиво отзывавшимся о ея слабостяхъ, какъ видно изъ 482 ст. XX гл. ея Наказа.

[2]) При императрицѣ Аннѣ, считалось за великое преступленіе, если въ императорскомъ титулѣ что-нибудь было подскоблено или поправлено.

[3]) Тяжелой отвѣтственности подвергался также тотъ, кто нечаянно ронялъ изъ рукъ монету съ портретомъ государыни.

*

Въ ледовыхъ баняхъ ихъ не жарятъ[1]),
Не щелкаютъ въ усы вельможъ;
Князья насѣдками не клохчутъ,
Любимцы въявь имъ не хохочутъ
И сажей не мараютъ рожъ.[2])
Ты вѣдаешь, Фелица, правы
И человѣковъ и царей:
Когда ты просвѣщаешь нравы,
Ты не дурачишь такъ людей;
Въ твои отъ дѣлъ отдохновенья
Ты пишешь въ сказкахъ поученья
И Хлору въ азбукѣ[3]) твердишь:
„Не дѣлай ничего худаго—
И самаго сатира злаго
Лжецомъ презрѣннымъ сотворишь.“
Стыдишься слыть ты тѣмъ великой,
Чтобъ страшной, нелюбимой быть;
Медвѣдицѣ прилично дикой
Животныхъ рвать и кровь ихъ пить.
Безъ крайняго въ горячкѣ бѣдства
Тому ланцетовъ нужны ль средства,
Безъ нихъ кто обойтися могъ?
И славно ль быть тому тираномъ,
Великимъ въ звѣрствѣ Тамерланомъ,
Кто благостью великъ, какъ Богъ?
Фелицы слава—слава Бога,
Который брани усмирилъ,
Который сира и убога
Покрылъ, одѣлъ и накормилъ;

---

[1]) Шутовская свадьба кн. Голицына въ ледяномъ домѣ на Невѣ.

[2]) Импер. Анна любила окружать себя шутами, и кн. Голицынъ однажды, въ наказаніе, посаженъ былъ въ лукошко, гдѣ и кудахталъ, какъ курица.

[3]) Азбука, составл. Екатериной для своихъ внуковъ.

Который окомъ лучезарнымъ
Шутамъ, трусамъ, неблагодарнымъ
И праведнымъ свой свѣтъ даритъ,
Равно всѣхъ смертныхъ просвѣщаетъ,
Больныхъ покоитъ, исцѣляетъ,
Добро лишь для добра творитъ;
Который даровалъ свободу
Въ чужія области скакать,
Позволилъ своему народу
Сребра и золота искать;
Который воду разрѣшаетъ
И лѣсъ рубить не запрещаетъ;
Велитъ и ткать, и прясть, и шить;
Развязывая умъ и руки,
Велитъ любить торги, науки,
И счастье дома находить;
Котораго законъ, десница
Даютъ и милости, и судъ.
Вѣщай, премудрая Фелица:
Гдѣ отличенъ отъ честныхъ плутъ?
Гдѣ старость по міру не бродитъ?
Заслуга хлѣбъ себѣ находитъ?
Гдѣ месть не гонитъ никого?
Гдѣ совѣсть съ правдой обитаютъ?
Гдѣ добродѣтели сіяютъ?
У трона развѣ твоего!
Но гдѣ твой тронъ сіяетъ въ мірѣ?
Гдѣ, вѣтвь небесная, цвѣтешь?
Въ Багдадѣ—Смирнѣ—Кашемирѣ?
Послушай: гдѣ ты ни живешь,—
Хвалы мои тебѣ примѣтя,
Не мни, чтобъ шапки иль бешметя[1])
За нихъ я отъ тебя желалъ.

---

[1]) Татарское стеганое полукафтанье.

Почувствовать добра пріятство
Такое есть души богатство,
Какого Крезъ не собиралъ.
Прошу великаго пророка,
Да праха ногъ твоихъ коснусь,
Да словъ твоихъ сладчайша тока
И лицезрѣнья насладжусь.
Небесныя прошу я силы,
Да, ихъ простря сафирны крылы,
Невидимо тебя хранятъ
Отъ всѣхъ болѣзней, золъ и скуки;
Да дѣлъ твоихъ въ потомствѣ звуки,
Какъ въ небѣ звѣзды, возблестятъ!

11) Видѣніе Мурзы [1].

1783.

На темноголубомъ эфирѣ
Златая плавала луна:
Въ серебряной своей порфирѣ
Блистаючи съ высотъ, она
Сквозь окна домъ мой освѣщала
И палевымъ своимъ лучемъ
Златыя стекла рисовала
На лаковомъ полу моемъ.
Сонъ томною своей рукою
Мечты различны разсыпалъ;
Кропя забвенія росою,
Моихъ домашнихъ усыплялъ.
Вокругъ вся область почивала,
Петрополь съ башнями дремалъ,

---

[1]) Эту оду Державинъ написалъ для отраженія тѣхъ разнородныхъ обвиненій, которыя взводились на него за *Фелицу*, оскорбившую самолюбіе многихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возбудившую противъ него зависть.

Нева изъ урны чуть мелькала,
Чуть Бельтъ[1]) въ брегахъ своихъ сверкалъ.
Природа въ тишину глубоку
И въ крѣпкомъ погруженна снѣ,
Мертва казалась слуху, оку
На высотѣ и въ глубинѣ;
Лишь вѣяли одни зефиры,
Прохладу чувствамъ принося.
Я не спалъ и, со звономъ лиры
Мой тихій голосъ согласяя,
„Блаженъ", воспѣлъ я, „кто доволенъ
Въ семъ свѣтѣ жребіемъ своимъ,
Обиленъ, здравъ, покоенъ, воленъ
И счастливъ лишь собой самимъ;
Кто сердце чисто, совѣсть праву
И твердый нравъ хранитъ въ свой вѣкъ
И всю свою въ томъ ставитъ славу,
Что онъ лишь добрый человѣкъ;
Что карлой онъ и великаномъ
И дивомъ свѣта не рожденъ,
И что не созданъ истуканомъ
И оныхъ чтить не принужденъ;
Что всѣ сего блаженства міра
Находитъ онъ съ семьѣ своей;
Что нѣжная его Плѣнира [2])
И вѣрныхъ нѣсколько друзей
Съ нимъ могутъ въ часъ уединенный
Дѣлить и скуку и труды!
Блаженъ и тотъ, кому царевны
Какой бы ни было орды

---

[1]) Слово: *Бельтъ* употреблялось стихотворцами того времени въ значеніи Балтійскаго моря.

[2]) Подъ этимъ именемъ Державинъ воспѣвалъ первую жену свою.

Изъ теремовъ своихъ янтарныхъ [1])
И сребророзовыхъ свѣтлицъ,
Какъ будто изъ улусовъ дальныхъ,
Украдкой отъ придворныхъ лицъ
За розсказни, за растабары,
За вирши иль за что-нибудь
Исподтишка драгіе дары
И въ доскапцахъ червонцы шлютъ! [2])
Блаженъ"!... Но съ рѣчью сей незапно
Мое все зданье потряслось:
Раздвиглись стѣны, и стократно
Ярчѣе молній пролилось
Сіянье вкругъ меня небесно;
Сокрылась, поблѣднѣвъ, луна.
Видѣнье я узрѣлъ чудесно:
Сошла со облаковъ жена,
Сошла—и жрицей очутилась
Или богиней предо мной.
Одежда бѣлая струилась
На ней серебряной волной,
Градская [3]) на главѣ корона,
Сіялъ при персяхъ поясъ златъ;
Изъ черноогненна виссона [4]),
Подобный радугѣ, нарядъ
Съ плеча деснаго полосою

---

[1]) Въ царскосельскомъ дворцѣ донынѣ находится одна комната, вся убранная янтаремъ, другая изъ розовой фольги съ серебряною рѣзьбой.

[2]) Намекъ на золотую табакерку съ 500 червонцевъ, пожалованную Державину послѣ появленія его „*Фелицы*".—Досканцы—ящички, въ которыхъ сохранялись мушки и другія принадлежности женскаго туалета.

[3]) Описаніе портрета, сдѣланнаго извѣстнымъ живописцемъ Левицкимъ и нынѣ хранящагося въ Импер. Публ. Библіотекѣ. Градская — въ смыслѣ гражданская.

[4]) Тонкая, драгоцѣнная ткань у древнихъ.

Висѣлъ на лѣвую бедру [1]).
Простертой на алтарь рукою
На жертвенномъ она жару,
Сжигая маки благовонны,
Служила вышню Божеству.
Орелъ полунощный, огромный,
Сопутникъ молній торжеству,
Геройской провозвѣстникъ славы,
Сидя предъ ней на грудѣ книгъ,
Священны блюлъ ея уставы;
Потухшій громъ въ когтяхъ своихъ
И лавръ съ оливными вѣтвями
Держалъ, какъ будто бы уснувъ.
Сафиросвѣтлыми очами,
Какъ въ гнѣвѣ иль въ жару, блеснувъ,
Богиня на меня воззрѣла.
Пребудетъ образъ ввѣкъ во мнѣ,
Она который впечатлѣла!
„Мурза“! она вѣщала мнѣ:
„Ты быть себя счастливымъ чаешь,
Когда по днямъ и по ночамъ
На лирѣ ты своей играешь
И пѣсни лишь поешь царямъ.
Вострепещи, мурза несчастный,
И страшны истины внемли,
Которымъ стихотворцы страстны,
Едва ли вѣрятъ на земли;
Одно къ тебѣ лишь доброхотство
Мнѣ ихъ открыть велитъ. Когда
Поэзія не сумасбродство,
Но вышній даръ боговъ, тогда
Сей даръ боговъ лишь къ чести

---

[1]) Лента Владимірскаго ордена, которую императрица возложила на себя по написаніи ею учрежденія о губерніяхъ, какъ награду за труды.

И къ поученью ихъ путей
Быть долженъ обращенъ, не къ лести
И тлѣнной похвалѣ людей.
Владыки свѣта—люди тѣ же;
Въ нихъ страсти, хоть на нихъ вѣнцы;
Ядъ лести ихъ вредитъ не рѣже,
А гдѣ поэты не льстецы?
И ты Сиренъ [1]) поющихъ грому
Въ вредъ добродѣтели не строй:
Благотворителю прямому
Въ хвалѣ нѣтъ нужды никакой.
Хранящій мужъ честные нравы,
Творяй свой долгъ, свои дѣла,
Царю приноситъ больше славы,
Чѣмъ всѣхъ піитовъ похвала.
Оставь нектаромъ наполненну
Опасну чашу, гдѣ скрытъ ядъ". —
„Кого я зрю, столь дерзновенну,
И чьи уста меня разятъ?
Кто ты? богиня или жрица?"
Мечту стоящу я спросилъ.
Она рекла мнѣ: „Я—Фелица!"
Рекла—и свѣтлый обликъ скрылъ
Отъ глазъ моихъ ненасыщенныхъ
Божественны ея черты;
Куреніе мастикъ безцѣнныхъ
Мой домъ, и мѣсто то цвѣты
Покрыли, гдѣ она явилась,
Мой богъ, мой ангелъ во плоти!...
Душа моя за ней стремилась,
Но я за ней не могъ идти.
Подобно громомъ оглушенный,
Безчувственъ я, безгласенъ былъ;

---

[1]) Т. е. не пой, какъ сирены, во вредъ добродѣтели.

Но, токомъ слезнымъ орошенный,
Пришелъ въ себя и возгласилъ:
„Возможно ль, кроткая царевна,
И ты къ мурзѣ чтобъ своему
Была сурова столь и гнѣвна,
И стрѣлы къ сердцу моему
И ты, и ты чтобы бросала,
И пламени души моей
Къ себѣ и ты не одобряла?
Довольно безъ тебя людей,
Довольно безъ тебя поэту
За кажду мысль, за каждый стихъ
Отвѣтствовать лихому свѣту
И отъ сатиръ щититься злыхъ!
Довольно золотыхъ кумировъ,
Безъ чувствъ мои что́ пѣсни чли;
Довольно кадіевъ, факировъ,
Которы въ зависти сочли
Тебѣ ихъ неприличной лестью,—
Довольно нажилъ я враговъ!
Иной отнесъ себѣ къ безчестью,
Что не дерутъ его усовъ;
Иному показалось больно,
Что онъ насѣдкой не сидитъ; [1]
Иному—очень своевольно
Съ тобой мурза твой говоритъ;
Иной вмѣнялъ мнѣ въ преступленье,
Что я посланницей съ небесъ
Тебя быть мыслилъ въ восхищеньѣ
И лилъ въ восторгѣ токи слезъ.
И словомъ, тотъ хотѣлъ арбуза,
А тотъ соленыхъ огурцовъ. [2])

---

[1]) См. прим. 2, на стр. 20.

[2]) Намекъ на прихоти Потемкина, который разсылалъ нарочныхъ за огурцами, арбузами и пр.

Но пусть имъ здѣсь докажетъ Муза,
Что я не изъ числа льстецовъ;
Что сердца моего товаровъ
За деньги я не продаю
И что не изъ чужихъ анбаровъ
Тебѣ наряды я крою.
Но, вѣнценосна добродѣтель!
Не лесть я пѣлъ и не мечты,
А то, чему весь міръ свидѣтель:
Твои дѣла суть красоты.
Я пѣлъ, пою и пѣть ихъ буду,
И въ шуткахъ правду возвѣщу;
Татарски пѣсни изъ-подъ спуду,
Какъ лучъ, потомству сообщу;
Какъ солнце, какъ луну, поставлю
Твой образъ будущимъ вѣкамъ;
Превознесу тебя, прославлю,
Тобой безсмертенъ буду самъ".

12) Рѣшемыслу [1]).

1783.

Веселонравная, младая,
Нелицемѣрная, простая,
Подруга Флаккова [2]) и дщерь
Природой даннаго мнѣ смысла!
Приди ко мнѣ, приди теперь,
О муза! славить Рѣшемысла.

---

[1]) Ода эта написана, по просьбѣ кн. Дашковой, въ качествѣ привѣтствія Потемкину, назв. Рѣшемысломъ, по имени лица, выведеннаго Екатериной въ сказкѣ о царевичѣ Февеѣ и подъ которымъ онъ разумѣлъ Потемкина. Въ сказкѣ этой описывается мудрое воспитаніе и успѣшное развитіе въ разумѣ и смиренномудріи молодого Февея, отъ дѣтства его до женитьбы.

[2]) Выраженіе, подтверждающее, что Державинъ вполнѣ опредѣленно и сознательно подражалъ Горацію въ этой одѣ, какъ и въ другихъ.

Приди, иль въ облакѣ спустися,
Или хоть въ санкахъ прикатися
На легкихъ, рѣзвыхъ, шестерней,
Оленяхъ бѣлыхъ, златорогихъ,
Какъ ѣздятъ барыни зимой
Въ странахъ сибирскихъ, хладомъ строгихъ [1]).
Приди, и на своей свирѣли
Не онаго пой мужа, древле
Служившаго царицѣ той,
Которая въ здоровьи маломъ
Блистала славой и красой
Подъ соболинымъ одѣяломъ [2]);
Но пой ты, пой здѣсь Рѣшемысла,
Великаго вельможу смысла,
Наперсника царицы сей,
Которая сама трудится
Для блага области своей
И спать въ полудни не ложится [3]);
Которая законы пишетъ,
Любовію къ народу дышетъ,
Плѣнитъ сосѣдей безъ оковъ;
Военны отвращая звуки,
Даритъ и счастье, и покровъ
И не сидитъ, поджавши руки.
Сея царицы всепочтенной,
Великой, дивной, несравненной,
Сотрудниковъ достойно чтить;
Достойно честью и хвалами
Ея вельможъ превозносить
И осыпать ихъ вкругъ цвѣтами.

---

[1]) Подробность, заимствованная изъ Сказки о Февеѣ.

[2]) Сибирская царица изъ этой же сказки.

Здѣсь разумѣется Екатерина II, которая обыкновенно вставала въ ч. утра и почти никогда не ложилась въ полдень отдыхать.

Ты, Муза, съ самыхъ древнихъ вѣковъ,
Великихъ, сильныхъ человѣковъ
Всегда умѣла поласкать;
Ты можешь въ быляхъ, небылицахъ [1])
И въ басняхъ правду представлять:
Представь мнѣ Рѣшемысла въ лицахъ.

Скажи, скажи о семъ героѣ,
Каковъ въ войнѣ, каковъ въ покоѣ,
Каковъ умомъ, каковъ душой,
Каковъ и всякими дѣлами;
Скажи, и ничего не скрой:
Не хочешь прозой, такъ стихами.

Бывали прежде дни такіе,
Что люди самые честные
Страшилися близъ трона быть,
Любимцевъ царскихъ убѣгали [2])
И не могли тѣхъ змѣй любить,
Которыя ихъ кровь сосали.

А онъ хоть выше всѣхъ главою,
Какъ лавръ цвѣтетъ надъ муравою,
Но всюду всѣмъ бросаетъ тѣнь:
Однимъ онъ милъ, другимъ любезенъ;
Едва прохаживалъ ли день,
Кому бы не былъ онъ полезенъ.

Иной ползетъ, какъ черепаха,
Другому милъ топоръ да плаха;
А онъ паритъ, какъ бы орелъ,
И все съ высотъ далече видитъ;
Онъ въ сердцѣ злобы не имѣлъ
И даже мухи не обидитъ.

Онъ сердцемъ царскій тронъ объемлетъ,
Душой народнымъ нуждамъ внемлетъ

---

[1]) Сатирическіе разсказы Екатерины, подъ заглавіемъ: „Были и Небылицы".

[2]) Это относится къ Бирону.

И правду между ихъ хранитъ;
Отечеству онъ вѣрно служитъ,
Монаршу волю свято чтитъ,
А о себѣ никакъ не тужитъ;
Не ищетъ почестей лукавствомъ,
Мздоимнымъ не прельщенъ богатствомъ,
Не жаждетъ тщетно санъ носить;
Но тщится тѣмъ себя лишь славить,
Что любитъ онъ добро творить
И можетъ счастіе доставить.
Закону Божію послушенъ,
Чувствителенъ, великодушенъ,
Не гордъ, не подлъ и не трусливъ,
Къ себѣ строжае, чѣмъ къ другому,
Къ поступкамъ хитрымъ не ревнивъ,
Идетъ лишь по пути прямому.
Не празденъ, не лѣнивъ, а точенъ;
Въ дѣлахъ и скоръ, и безпороченъ
И не кубаритъ кубарей; [1])
Но столько же великъ и дома,
Въ деревнѣ, хижинѣ своей,
Какъ былъ когда метатель грома.
Глубокъ и быстръ и тихъ и смѣтливъ,
При всей онъ важности привѣтливъ,
При всей онъ скромности шутливъ;
Въ миру онъ кажется роскошенъ,
Но въ самой роскоши ретивъ
И никогда онъ не оплошенъ.

---

[1]) Выраженіе взято изъ Былей и Небылицъ, гдѣ оно объясняется слѣд. образомъ: „Всѣ тѣ, кои мѣшкаютъ въ одномъ мѣстѣ, не дѣлая ничего или то, въ чемъ нужда не настоитъ, тогда, когда предпріяли или опредѣлили дѣлать что-нибудь иное, какъ то: ѣхать, идти, спать, писать, кушать или чтобъ то ни было такое, а вмѣсто того сидятъ, говорятъ, изъ комнаты въ комнату бродятъ, или съ лѣстницы на лѣстницу всходятъ безъ дѣла, всѣ тѣ люди поступкомъ своимъ походятъ на кубаря: кубарь-же кубаритъ“.

Хотя бы возлежалъ на розахъ,
Но въ буряхъ, знояхъ и морозахъ
Готовъ онъ съ лона нѣги встать;
Готовъ среди своей забавы
Внимать, судить, повелѣвать
И молніей летѣть въ храмъ славы.

Другъ честности и другъ Минервы,
Восшедъ на степень къ трону первый,
И безъ подпоръ, собою твердъ,
Ходить умѣетъ по паркету
И, устремяся славѣ вслѣдъ,
Готовитъ миръ и громы свѣту.

Безъ битвъ, безъ браней побѣждаетъ,
Искусство уловлять онъ знаетъ:
Своихъ, чужихъ сердца плѣнитъ.
Я слышу плескъ ему сугубый:
Онъ вольность плѣнникамъ даритъ,
Героямъ шьетъ коты да шубы. [1])

Но, Муза! вижу, ты лукава,
Ты хочешь быть предъ свѣтомъ права:
Ты Рѣшемысловымъ лицомъ
Вельможей должность представляешь:
Конечно, ты своимъ перомъ
Хвалить достоинства лишь знаешь.

13) Богъ [2]).

1784.

О Ты, пространствомъ безконечный,
Живый въ движеньи вещества,

---

[1]) Потемкинъ, командуя войсками въ Крыму, позволилъ тамошнимъ татарамъ выселяться, куда кто захочетъ. Въ облегченіе арміи, выпросилъ для нея новую форму: прорѣзные мундиры, разрѣшеніе не пудриться и отрѣзать косы, а зимой носить коты и шубы.

[2]) Въ вѣкъ Державина, духовная поэзія была въ большомъ ходу во всей Европѣ. Почти у каждаго поэта XVIII-го ст. можно найти одно или нѣ-

Теченьемъ времени превѣчный,
Безъ лицъ, въ трехъ лицахъ Божества [1])!
Духъ, всюду сущій и единый,
Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никто постичь не могъ,
Кто все Собою наполняетъ,
Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ,
Кого мы называемъ—Богъ!

Измѣрить океанъ глубокій,
Сочесть пески, лучи планетъ
Хотя и могъ бы умъ высокій,
Тебѣ числа и мѣры нѣтъ!
Не могутъ духи просвѣщенны,
Отъ свѣта Твоего рожденны,
Изслѣдовать судебъ Твоихъ;
Лишь мысль къ Тебѣ взнестись дерзаетъ,—
Въ Твоемъ величьи исчезаетъ,
Какъ въ вѣчности прошедшій мигъ.

Хаоса бытность довременну
Изъ безднъ Ты вѣчности воззвалъ,
А вѣчность, прежде вѣкъ рожденну;
Въ себѣ самомъ Ты основалъ.
Себя собою составляя,

сколько стихотвореній, посвященныхъ прославленію Бога. Знаменитая ода Державина явилась слѣдствіемъ увлеченія поэта этимъ общимъ направленіемъ. Изъ всѣхъ произведеній на эту тему ни одно не имѣло такого всемірнаго успѣха, какъ ода „Богъ", переведенная много разъ на всѣ европейскіе языки и даже на японскій; на франц. яз., кромѣ перваго перевода, сдѣланнаго Жуковскимъ, извѣстны еще 14 другихъ. Въ цѣломъ, это произведеніе совершенно оригинальное, и лишь въ немногихъ отдѣльныхъ чертахъ представляетъ сходство съ нѣкоторыми другими иностранными произведеніями одинаковаго содержанія.

[1]) Кромѣ лицъ Св. Троицы, авторъ разумѣлъ здѣсь „три лица метафизическія", т. е. безконечное пространство, безпрерывную жизнь въ движеніи вещества и нескончаемое теченіе времени, которыя Онъ въ Себѣ совмѣщаетъ.

Собою изъ себя сіяя,
Ты свѣтъ, откуда свѣтъ истекъ,
Создавый все единымъ словомъ,
Въ твореньи простираясь новомъ,
Ты былъ, Ты есь, Ты будешь вѣкъ!
Ты цѣпь существъ въ себѣ вмѣщаешь,
Ее содержишь и живишь,
Конецъ съ началомъ сопрягаешь
И смертію животъ даришь.
Какъ искры сыплются, стремятся,
Такъ солнцы отъ тебя родятся;
Какъ въ мразный ясный день зимой
Пылинки инея сверкаютъ,
Вратятся, зыблются, сіяютъ,
Такъ звѣзды въ безднахъ подъ Тобой.
Свѣтилъ возжженныхъ милліоны,
Въ неизмѣримости текутъ;
Твои они творятъ законы,
Лучи животворящи льютъ.
Но огненны сіи лампады,
Иль рдяныхъ кристалей громады,
Иль волнъ златыхъ кипящій сонмъ,
Или горящіе эѳиры,
Иль въ купѣ всѣ свѣтящи міры—
Передъ Тобой, какъ нощь предъ днемъ.
Какъ капля въ море опущенна,
Вся твердь передъ Тобой сія;
Но что мной зримая вселенна?
И что передъ Тобою я?
Въ воздушномъ океанѣономъ,
Міры умножа милліономъ
Стократъ другихъ міровъ, и то,
Когда дерзну сравнить съ Тобою,
Лишь будетъ точкою одною,
А я передъ Тобой—ничто.

Ничто!—Но Ты во мнѣ сіяешь
Величествомъ Твоихъ добротъ,
Во мнѣ себя изображаешь,
Какъ солнце въ малой каплѣ водъ.
Ничто! Но жизнь я ощущаю,
Несытымъ нѣкакимъ летаю
Всегда пареньемъ въ высоты;
Тебя душа моя быть чаетъ,
Вникаетъ, мыслитъ разсуждаетъ:
Я есмь—конечно есь и Ты!
Ты есь!—Природы чинъ вѣщаетъ,
Гласитъ мое мнѣ сердце то,
Меня мой разумъ увѣряетъ:
Ты есь—и я ужъ не ничто!
Частица цѣлой я вселенной,
Поставленъ, мнится мнѣ, въ почтенной
Срединѣ естества я той,
Гдѣ кончилъ тварей Ты тѣлесныхъ,
Гдѣ началъ Ты духовъ небесныхъ
И цѣпь существъ связалъ всѣхъ мной.
Я связь міровъ повсюду сущихъ,
Я крайня степень вещества,
Я средоточіе живущихъ,
Черта начальна Божества.
Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю,
Я царь—я рабъ, я червь—я богъ!
Но будучи я столь чудесенъ,
Отколѣ происшелъ?—безвѣстенъ,
А самъ собой я быть не могъ.
Твое созданье я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь!
Источникъ жизни, благъ податель,
Душа души моей и царь!
Твоей то правдѣ нужно было,

Чтобъ смертну бездну преходило
Мое безсмертно бытіе,
Чтобъ духъ мой въ смертность облачился
И чтобъ чрезъ смерть я возвратился,
Отецъ! въ безсмертіе Твое.

Неизъяснимый, Непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображенія безсильны
И тѣни начертать Твоей;
Но если славословить должно,
То слабымъ смертнымъ невозможно
Тебя ничѣмъ инымъ почтить,
Какъ имъ къ Тебѣ лишь возвышаться,
Въ безмѣрной разности теряться
И благодарны слезы лить.

14) На шведскій миръ [1]).

1790.

Ты шествуешь въ Петрополь съ миромъ
И лавры на главѣ несешь;
Ты провождаешься зефиромъ
И Россамъ пальмы раздаешь.
Ты шествуешь!—Воззри, царица,

---

[1]) Шведскій король Густавъ III хотѣлъ воспользоваться войной Екатерины II съ Турціей для нападенія на беззащитный Петербургъ и отторженія отъ Россіи областей, нѣкогда принадлежавшихъ Швеціи. Въ іюлѣ 1788 г. открылись военныя дѣйствія какъ на морѣ, такъ и на сухомъ пути. Но шведская армія передъ Фридрихсгамомъ не хотѣла сражаться подъ предлогомъ, что король началъ наступательную войну безъ согласія сейма. При такихъ неблагопріятныхъ для Густава обстоятельствахъ, миръ былъ заключенъ въ деревнѣ Верелэ, въ августѣ 1790 г., съ сохраненіемъ тѣхъ же отношеній и границъ, какія были до начала войны. 15-го числа императрица Екатерина изъ Царскаго Села пріѣхала съ объявленіемъ мира прямо въ Казанскій соборъ и отслужила благодарственный молебенъ. На этотъ-то случай написана Державинымъ настоящая ода.

На радостныя всюду лица,
На сонмы вкругъ тебя людей!
Не такъ ли на тебя взираютъ,
Какъ нѣжную весну встрѣчаютъ
Въ одеждѣ розовыхъ зарей?
Ты шествуешь и осклабляешь
Твой взоръ на нихъ, какъ божество;
Одной улыбкой составляешь
Восторгъ ты нашъ и торжество:
Средь свѣтлаго вельможей строя
Въ тебѣ царя, вождя, героя
И мироносицу мы зримъ;
Ужъ изумленны наши взгляды
Въ тебѣ читаютъ тѣ отрады,
Что̀ миромъ мы получимъ симъ.
Какъ царь, ты наградишь заслуги,
Какъ матерь, призришь ты сиротъ;
Лишенные дѣтей супруги
Воскреснутъ отъ твоихъ щедротъ;
Освободишь ты заключенныхъ,
Обогатишь ты разоренныхъ,
Незлобно винныхъ ты простишь.
По нуждѣ ты лила токъ крови;
Ты въ мирѣ будешь богъ любови
И счастье наше обновишь.
Продлишь златые наши годы,
Продлишь всеобщій нашъ покой:
Безчисленны твои народы
Воздремлютъ подъ твоей рукой.
Отъ хижинъ даже до престола,
На холмѣ и въ срединѣ дола
Почіетъ бранный Россовъ духъ;
Всѣ будутъ счастливы тобою:
Законовъ подъ одной чертою
Равенъ вельможа и пастухъ.

Простретъ ты животворны длани
На тяжкій земледѣльцевъ трудъ;
Отпустишь неимущимъ дани,
Да нивы и луга цвѣтутъ;
Дохнешь въ вѣтрила корабельны,
Пошлешь избытки рукодѣльны,
И рѣки злата и сребра
Отъ Орма до Невы прольются;
Народы чужды къ намъ сберутся
Вкусить покоя и добра.

И се ужъ возвѣщаютъ громы
Событіе блаженныхъ дней;
По вѣтру трубный звукъ несомый
Сзываетъ тысящи людей:
Народъ колеблется, какъ волны;
Течетъ вездѣ, веселья полный;
Враговъ цѣлуетъ и друзей;
По стогнамъ гласы раздаются,
Въ домахъ нѣжнѣйши слезы льются;
Объемлютъ женъ, отцовъ, дѣтей.

О вы, носящи душу львину,
Герои, любящіе бой!
Воззрите на сію картину,
Сравните вы ее съ войной:
Тамъ всюду ужасъ, стонъ и крики:
Здѣсь всюду радость, плескъ и лики;
Тамъ смерть, болѣзнь; здѣсь жизнь, любовь.
Я вижу убіенныхъ тѣни
И слышу вамъ ихъ грозны пени:
Вы пролили невинну кровь!

Но, вѣнценосна добродѣтель!
О ангелъ нашихъ тихихъ дней.
Екатерина! мы свидѣтель:
Не ты виной была смертей;
Ты бранной не искала славы,

Ты наши просвѣщала нравы
И украшалась тишиной.
Слеза, щедротой извлеченна,
Тебѣ пріятнѣй, чѣмъ вселенна,
Пріобрѣтенная войной!

15) Водопадъ [1]).

1791.

Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четыремя скалами;
Жемчугу бездна и сребра
Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми;
Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ,
Далече ревъ въ лѣсу гремитъ [2]).
Шумитъ—и средь густаго бора
Теряется въ глуши потомъ;
Лучъ чрезъ потокъ сверкаетъ скоро,
Подъ зыбкимъ сводомъ древъ, какъ сномъ
Покрыты, волны тихо льются,
Рѣкою млечною влекутся.
Сѣдая пѣна по брегамъ
Лежитъ клубами въ дебряхъ темныхъ;
Стукъ слышенъ млатовъ по вѣтрамъ,
Визгъ пилъ и стонъ мѣховъ подъемныхъ:
О водопадъ! въ твоемъ жерлѣ
Все утопаетъ въ безднѣ, въ мглѣ!
Вѣтрами ль сосны пораженны,
Ломаются въ тебѣ въ куски;
Громами ль камни отторженны,

---

[1]) Произведеніе это написано подъ впечатлѣніемъ извѣстія о неожиданной кончинѣ Потемкина, во время путешествія, на полѣ, близъ Яссъ.

[2]) Четыре уступа, по которымъ надаетъ водопадъ Кивачъ. Это картина пороговъ р. Суны, впадающей въ Онежское озеро.

Стираются тобой въ пески;
Сковать ли воду льды дерзаютъ,
Какъ пыль стеклянна ниспадаютъ.
Волкъ рыщетъ, вкругъ тебя и, страхъ
Въ ничто вмѣняя, становится:
Огонь горитъ въ его глазахъ
И шерсть на немъ щетиной зрится:
Рожденный на кровавый бой,
Онъ воетъ, согласясь съ тобой.
Лань идетъ робко, чуть ступаетъ,
Внявъ водъ твоихъ падущихъ ревъ;
Рога на спину преклоняетъ
И быстро мчится межъ деревъ;
Ее страшитъ вкругъ шумъ, бурь свистъ
И хрупкій подъ ногами листъ.
Ретивый конь, осанку горду
Храня, къ тебѣ порой идетъ;
Крутую гриву, жарку морду
Поднявъ, храпитъ, ушми прядетъ
И, подстрекаемъ бывъ, бодрится,
Отважно въ хлябь твою стремится [1]).
Подъ наклоненнымъ кедромъ внизъ,
При страшной сей красѣ природы,
На утломъ пнѣ, который свисъ
Съ утеса горъ на яры воды,
Я вижу—нѣкій мужъ сѣдой
Склонился на руку главой.
Копье и мечъ и щитъ великой,
Стѣна отечества всего,
И шлемъ, обвитый повиликой,
Лежатъ во мху у ногъ его:

---

[1]) Картина нарисованная поэтомъ частью подъ впечатлѣніемъ воспоминаній о мѣстности Кивача, частью подъ вліяніемъ пѣсней Оссіана, переводы которыхъ, въ то время, стали появляться въ русской литературѣ.

Въ бронѣ блистая златордяной,
Какъ вечеръ во зарѣ румяной,—
Сидитъ и, взоръ вперя къ водамъ,
Въ глубокой думѣ разсуждаетъ:
„Не жизнь ли человѣковъ намъ
Сей водопадъ изображаетъ?
Онъ также благомъ струй своихъ
Поитъ надменныхъ, кроткихъ, злыхъ.
Не такъ ли съ неба время льется,
Кипитъ стремленіе страстей,
Честь блещетъ, слава раздается,
Мелькаетъ счастье нашихъ дней,
Которыхъ красоту и радость
Мрачатъ печали, скорби, старость?
Не зримъ ли всякій день гробовъ,
Сѣдинъ дряхлѣющей вселенной?
Не слышимъ ли въ бою часовъ
Гласъ смерти, двери скрыпъ подземной?
Не упадаетъ ли въ сей зѣвъ
Съ престола царь и другъ царевъ?
Падутъ—и вождь непобѣдимый,
Въ сенатѣ Цезарь средь похвалъ,
Въ тотъ мигъ, желалъ какъ діадимы,
Закрывъ лице плащемъ, упалъ;
Исчезли замыслы, надежды,
Сомкнулись алчны къ трону вѣжды!
Падутъ,—и несравненный мужъ
Торжествъ несмѣтныхъ съ колесницы,
Примѣръ великихъ въ свѣтѣ душъ,
Презрѣвшій прелесть багряницы,
Плѣнившій Велизаръ царей
Въ темницѣ палъ, лишенъ очей,
Падутъ,—и не мечты прельщали
Когда меня въ цвѣтущій вѣкъ,
Давно ли города встрѣчали,

Какъ въ лаврахъ я, въ оливахъ текъ?
Давноль?—Но, ахъ! теперь во брани
Мои не мещутъ молній длани!
Ослабли силы, буря вдругъ
Копье изъ рукъ моихъ схватила;
Хотя и бодръ еще мой духъ,
Судьба побѣдъ меня лишила“.
Онъ рекъ—и тихимъ позабылся сномъ,
Морфей покрылъ его крыломъ.
Сошла октябрска ночь на землю,
На лоно мрачной тишины;
Нигдѣ я ничего не внемлю,
Кромѣ ревущія волны,
О камни съ высоты дробимой
И снѣжною горою зримой.
Пустыня, взоръ насупя свой,
Утесы и скалы дремали,
Волнистой облака грядой
Тихонько мимо пробѣгали,
На коихъ, трепетна, блѣдна,
Поглядывала внизъ луна.
Глядѣла и едва блистала,
Предъ старцемъ преклонивъ рога,
Какъ бы съ почтеньемъ познавала
Въ немъ своего того врага,
Котораго она страшилась,
Кому вселенная дивилась.
Онъ спалъ—и чудотворный сонъ
Мечты ему являлъ геройски:
Казалося ему, что онъ
Непобѣдимы водитъ войски;
Что вкругъ его Перунъ молчитъ,
Его лишь мановенья зритъ;
Что огнедышущи за перстомъ
Ограды вслѣдъ его идутъ;

Что въ полѣ гладкомъ, вкругъ отверзтомъ,
По слову одному растутъ
Полки его изъ скрытыхъ становъ,
Какъ холмы въ морѣ изъ тумановъ;
Что только по травѣ росистой
Ночные знать его шаги;
Что утромъ пыль, подъ твердью чистой,
Ужъ поздно зрятъ его враги;
Что остротой своихъ зѣницъ
Блюдетъ онъ ихъ, какъ ястребъ птицъ;
Что, положа чертежъ и мѣры,
Какъ волхвъ невидимый въ шатрѣ,
Тѣмъ кажетъ онъ въ долу химеры,
Тѣмъ въ тиграхъ агнцевъ на горѣ,
И вдругъ рѣшительнымъ умомъ
На тысячи бросаетъ громъ;
Что орлю дерзость, гордость луну,
У черныхъ и янтарныхъ волнъ,
Смирилъ Колхиду златоруну
И бѣлаго царя уронъ
Рая вечерня предъ границей
Отмстилъ побѣдами сторицей;
Что, какъ румяной лучъ зари,
Страну его покрыла слава;
Чужіе вожди и цари,
Своя владычица, держава,
И всѣ вездѣ его почли,
Тріумфами превознесли;
Что образъ, имя и дѣла
Цвѣтутъ его средь разныхъ глянцевъ;
Что верхъ сребристаго чела
Въ вѣнцѣ изъ молнійныхъ румянцевъ
Блистаетъ въ будущихъ родахъ,
Отсвѣчиваяся въ сердцахъ;

Что зависть отъ его сіянья
Свой блѣдный потупляетъ взоръ,
Среди безмолвнаго стенанья
Ползетъ и ищетъ только норъ,
Куда бы отъ него сокрыться,
И что никто съ нимъ не сравнится.

Онъ спитъ—и въ сихъ мечтахъ веселыхъ
Внимаетъ завыванье псовъ,
Ревъ вѣтровъ, скрыпъ деревъ дебелыхъ,
Стенанье филиновъ и совъ,
И вѣщихъ гласъ вдали животныхъ
И тихій шорохъ вкругъ безплотныхъ.

Онъ слышитъ: сокрушилась ель,
Станица врановъ встрепетала,
Кремнистый холмъ далъ страшну щель,
Гора съ богатствами упала,
Грохочетъ эхо по горамъ,
Какъ громъ гремящій по громамъ.

Онъ зритъ одѣту въ ризы черны
Крылату нѣкую жену,
Власы имѣвшу распущенны,
Какъ смертну вѣсть или войну,
Съ косой въ рукахъ, съ трубой стоящу,
И, слышитъ онъ, „проснись“ гласящу.

На шлемѣ у нея орелъ
Сидѣлъ съ перуномъ помраченнымъ;
Въ немъ гербъ отечества онъ зрѣлъ
И, бывъ мечтой сей возбужденнымъ,
Вздохнулъ и, испустя слезъ дождь,
Вѣщалъ: „Знать, умеръ нѣкій вождь!

„Блаженъ, когда, стремясь за славой,
Онъ пользу общую хранилъ,
Былъ милосердъ въ войнѣ кровавой
И самыхъ жизнь враговъ щадилъ:

Благословенъ средь позднихъ вѣковъ
Да будетъ другъ сей человѣковъ!
„Благословенна похвала
Надгробная его да будетъ,
Когда не блескъ его прельщалъ,
И славы ложной не искалъ!
О слава, слава въ свѣтѣ сильныхъ!
Ты точно сей есть водопадъ.
Онъ водъ стремленіемъ обильныхъ
И шумомъ льющихся прохладъ
Великолѣпенъ, свѣтлъ, прекрасенъ,
Чудесенъ, силенъ, громокъ, ясенъ;
„Дивиться вкругъ себя людей
Всегда толпами собираетъ;
Но если онъ водой своей
Удобно всѣхъ не напояетъ,
Коль рветъ брега, и въ быстротахъ
Его нѣтъ выгодъ смертнымъ:—ахъ!
„Не лучше ль менѣе извѣстнымъ,
А болѣе извѣстнымъ быть;
Подобясь ручейкамъ прелестнымъ,
Поля, луга, сады кропить
И тихимъ вдалекѣ журчаньемъ
Потомство привлекать съ вниманьемъ?
„Пусть на обросшій дерномъ холмъ
Пріидетъ путникъ и возсядетъ
И, наклонясь своимъ челомъ
На подписанье гроба, скажетъ:
Не только славной лишь войной,
Здѣсь скрытъ великій мужъ душой.
О! будь безсмертенъ витязь бранный,
Когда ты весь соблюлъ свой долгъ!"
Вѣщалъ сѣдиной мужъ вѣнчанный
И, въ небеса воззрѣвъ, умолкъ.

Умолкъ—и гласъ его промчался,
Гласъ мудрый всюду раздавался.
Но кто тамъ идетъ по холмамъ,
Глядясь, какъ мѣсяцъ, въ воды черны?
Чья тѣнь спѣшитъ по облакамъ
Въ воздушныя жилища горни?
На темномъ взорѣ и челѣ
Сидитъ глубока дума въ мглѣ!
Какой чудесный духъ крылами
Отъ сѣвера паритъ на югъ?
Вѣтръ медленъ течь его стезями:
Обозрѣваетъ царство вдругъ;
Шумитъ и, какъ звѣзда, блистаетъ
И искры въ слѣдъ свой разсыпаетъ.
Чей трупъ, какъ на распутьи мгла,
Лежитъ на темномъ лонѣ нощи [1])?
Простое рубище чресла,
Два лепта [2]) покрываютъ очи,
Прижаты къ хладной груди персты,
Уста безмолвствуютъ отверзты!
Чей одръ—земля; кровъ—воздухъ синь;
Чертоги—вкругъ пустынны виды?
Не ты ли Счастья, Славы сынъ,
Великолѣпный князь Тавриды?
Не ты ли съ высоты честей
Незапно палъ среди степей?
Не ты ль наперсникомъ близъ трона
У сѣверной Минервы былъ;
Во храмѣ музъ другъ Аполлона,
На полѣ Марса вождемъ слылъ;

[1]) Потемкинъ, почувствовавъ себя дурно во время пути, велѣлъ положить себя среди поля, и тамъ скончался.

[2]) Гусаръ, бывшій съ нимъ, тамъ-же, на полѣ, положилъ на глаза его двѣ денежки, чтобъ они закрылись.

Рѣшитель думъ въ войнѣ и мирѣ,
Могущъ—хотя и не въ порфирѣ?
Не ты ль, который взвѣсить смѣлъ
Мощь Росса, духъ Екатерины,
И, опершись на нихъ, хотѣлъ
Вознесть твой громъ на тѣ стремнины,
На коихъ древній Римъ стоялъ
И всей вселенной колебалъ?
Не ты ль, который орды сильны
Сосѣдей хищныхъ истребилъ,
Пространны области пустынны
Во грады, въ нивы обратилъ,
Покрылъ понтъ Черный кораблями,
Потрясъ среду земли громами?
Не ты ль, который зналъ избрать
Достойный подвигъ россКой силѣ,
Стихіи самыя попрать
Въ Очаковѣ и въ Измаилѣ,
И твердой дерзостью такой
Быть дивомъ храбрости самой?
Се ты, отважнѣйшій изъ смертныхъ!
Парящій замыслами умъ!
Не шелъ ты средь путей извѣстныхъ,
Но проложилъ ихъ самъ—и шумъ
Оставилъ по себѣ въ потомки;
Се ты, о чудный вождь Потемкинъ!
Се ты, которому врата
Торжественныя созидали;
Искусство, разумъ, красота
Недавно лавръ и миртъ сплетали;
Забавы, роскошь вкругъ цвѣли
И счастье съ славой слѣдомъ шли.
Се ты, небеснаго плодъ дара
Кому едва я посвятилъ;

Въ созвучность громкаго Пиндара
Мою настроить лиру мнилъ;
Воспѣлъ побѣду Измаила,
Воспѣлъ... Но смерть тебя скосила!
Увы! и хоровъ сладкій звукъ
Моихъ въ стенанье превратился;
Свалилась лира съ слабыхъ рукъ,
И я тамъ въ слезы погрузился,
Гдѣ бездны разноцвѣтныхъ звѣздъ
Чертогъ являли райскихъ мѣстъ.
Увы! и громы онѣмѣли,
Ревущіе тебя вокругъ;
Полки твои осиротѣли,
Наполнили рыданьемъ слухъ;
И все, что близъ тебя блистало,
Уныло и печально стало.
Потухъ лавровый твой вѣнокъ,
Гранена булава упала,
Мечъ въ полножны войти чуть могъ,—
Екатерина возрыдала!
Полсвѣта потряслось за ней
Незапной смертію твоей!
Оливы свѣжи и зелены
Принесъ и бросилъ Миръ изъ рукъ;
Родства и дружбы вопли, стоны
И Музъ ахейскихъ жалкій звукъ
Вокругъ Перикла раздается;
Маронъ по Меценатѣ рвется;
Который почестей въ лучахъ,
Какъ нѣкій царь, какъ бы на тронѣ
На сребророзовыхъ коняхъ,
На златозарномъ фаэтонѣ,
Во сонмѣ всадниковъ блисталъ
И въ смертный черный одръ упалъ!

Гдѣ слава? гдѣ великолѣпье?
Гдѣ ты, о сильный человѣкъ?
Маѳусаила долголѣтье
Лишь было бъ сонъ, лишь тѣнь нашъ вѣкъ:
Вся наша жизнь ничто иное
Какъ лишь мечтаніе пустое...
Иль нѣтъ!—тяжелый нѣкій шаръ,
На нѣжномъ волоскѣ висящій,
Въ который бурь, громовъ ударъ
И молніи небесъ ярящи
Отвсюду безпрестанно бьютъ
И, ахъ! зефиры легки рвутъ.
Единый часъ, одно мгновенье
Удобны царства поразить,
Одно стихіевъ дуновенье
Гигантовъ въ прахъ преобразить;
Ихъ ищутъ мѣста—и не знаютъ;
Въ пыли героевъ попираютъ!
Героевъ?—Нѣтъ! но ихъ дѣла
Изъ мрака и вѣковъ блистаютъ;
Нетлѣнна память, похвала
И изъ развалинъ вылетаютъ;
Какъ холмы, гробы ихъ цвѣтутъ!
Напишется Потемкинъ трудъ.
Театръ его былъ край Эвксина,
Сердца обязанныя—храмъ;
Рука съ вѣнцомъ—Екатерина;
Гремяща слава—ѳиміамъ;
Жизнь—жертвенникъ торжествъ и крови,
Гробница—ужаса, любови.
Когда багровая луна
Сквозь мглу блистаетъ темной нощи,
Дуная мрачная волна
Сверкаетъ кровью, и сквозь рощи

Вкругъ Измаила вѣтръ шумитъ
И слышенъ стонъ—что Турокъ мнитъ?
Дрожитъ—и въ очахъ сокрытыхъ
Еще ему штыки блестятъ,
Гдѣ сорокъ тысячъ вдругъ убитыхъ
Вкругъ гроба Вейсмана лежатъ;
Мечтаются ему ихъ тѣни,
И Россъ въ крови ихъ по колѣни!
Дрожитъ—и обращаетъ взглядъ
Онъ робко на окрестны виды;
Столпы на небесахъ горятъ
По сушѣ, по морямъ Тавриды!
И мнитъ, въ Очаковѣ что вновь
Течетъ его и мерзнетъ кровь.
Но въ ясный день, средь свѣтлой влаги,
Какъ ходятъ рыбы въ небесахъ
И вьются полосаты флаги,
Нашъ флотъ на вздутыхъ парусахъ
Вдали бѣлѣетъ на лиманахъ:
Какое чувство въ Россіянахъ?
Восторгъ, восторгъ они, а страхъ
И ужасъ Турки ощущаютъ;
Имъ мохъ и терны во очахъ,
Намъ лавръ и розы разцвѣтаютъ
На мавзолеяхъ у вождей,
Властителей земель, морей.
Подъ древомъ, при зарѣ вечерней,
Задумчиво любовь сидитъ,
Отъ цитры вѣтерокъ весенній
Ея повсюду голосъ мчитъ;
Перлова грудь ея вздыхаетъ,
Геройскій образъ оживляетъ.
Поутру солнечнымъ лучемъ
Какъ монументъ златый зажжется,
Лежатъ объяты серны сномъ

И паръ вокругъ холмовъ вiется,—
Пришедши, старецъ надпись зритъ:
„Здѣсь трупъ Потемкина сокрытъ!“
Алцибiадовъ прахъ!—И смѣетъ
Червь ползать вкругъ его главы?
Взять шлемъ Ахилловъ не робѣетъ,
Нашедши въ полѣ Ѳирсъ? Увы!
И плоть и грудь коль истлѣваетъ:
Чтожъ нашу славу составляетъ?
Лишь истина даетъ вѣнцы
Заслугамъ, кои не увянутъ;
Лишь истину поютъ пѣвцы,
Которыхъ вѣчно не престанутъ
Гремѣть перуны сладкихъ лиръ;
Лишь праведника святъ кумиръ!
Услышьте жъ, Водопады мiра!
О славой шумныя главы!
Вашъ свѣтелъ мечъ, цвѣтна порфира,
Коль правду возлюбили вы;
Когда имѣли только мѣту,
Чтобъ счастiе доставить свѣту.
Шуми, шуми, о водопадъ!
Касаяся странамъ воздушнымъ,
Увеселяй и слухъ и взглядъ
Твоимъ стремленьемъ свѣтлымъ, звучнымъ,
И въ поздней памяти людей
Живи лишь красотой твоей!
Живи!—и тучи пробѣгали
Чтобъ рѣдко по водамъ твоимъ,
Въ умахъ тебя не затмевали
Разжженный громъ и черный дымъ;
Чтобъ былъ вблизи, вдали любезенъ
Ты всѣмъ; сколь дивенъ, столь полезенъ.
И ты, о водопадовъ мать!
Рѣка, на сѣверѣ гремяща,

*

О Суна! Коль съ высотъ блистать
Ты можешь—и, отъ зарь горяща,
Кипишь и сѣешься дождемъ
Сафирнымъ, пурпурнымъ огнемъ:
    То тихое твое теченье,—
Гдѣ ты сама себѣ равна,
Мила, быстра и не въ стремленьѣ,
И въ глубинѣ твоей ясна,
Важна безъ пѣны, безъ порыву,
Полна, велика безъ разливу,
    И, безъ примѣса чуждыхъ водъ,
Поя златые въ нивахъ бреги,
Великолѣпный свой ты ходъ
Вливаешь въ свѣтлый сонмъ Онеги,—
Какое зрѣлище очамъ!
Ты тутъ подобна небесамъ.

16) Вельможа [1]).

1794.

    Не украшеніе одеждъ
Моя днесь муза прославляетъ
Которое въ очахъ невѣждъ
Шутовъ въ вельможи наряжаетъ;
Не пышности я пѣснь пою;
Не истуканы за кристаломъ,
Въ кивотахъ блещущи металломъ,
Услышатъ похвалу мою.
    Хочу достоинства я чтить,
Которыя собою сами

---

[1]) Стихи, послужившіе началомъ этой оды, написаны были вскорѣ послѣ пугачевскаго бунта и напечатаны подъ заглавіемъ: На „знатность". Впослѣдствіи уже, по кончинѣ кн. Потемкина, поэтъ прибавилъ къ нимъ нѣсколько строфъ, столь обильныхъ сатирическою солью и яркими картинами, и въ этомъ новомъ видѣ она озаглавлена уже была: „Вельможа".

Умѣли титла заслужить
Похвальными себѣ дѣлами;
Кого ни знатный родъ, ни санъ,
Ни счастіе не украшали;
Но кои доблестью снискали
Себѣ почтенье отъ гражданъ.

Кумиръ, поставленный въ позоръ [1]),
Несмысленную чернь прельщаетъ;
Но коль художниковъ въ немъ взоръ
Прямыхъ красотъ не ощущаетъ:
Се образъ ложныя молвы,
Се глыба грязи позлащенной!
И вы, безъ благости душевной,
Не всѣ-ль, вельможи, таковы?

Не перлы персскія на васъ
И не бразильски звѣзды ясны;
Для возлюбившихъ правду глазъ
Лишь добродѣтели прекрасны:
Онѣ суть смертныхъ похвала.
Калигула! твой конь въ сенатѣ
Не могъ сіять, сіяя въ златѣ:
Сіяютъ добрыя дѣла.

Оселъ останется осломъ,
Хотя осыпь его звѣздами;
Гдѣ должно дѣйствовать умомъ,
Онъ только хлопаетъ ушами.
О! тщетно счастія рука,
Противъ естественнаго чина,
Безумца рядитъ въ господина
Или въ шумиху дурака.

Какихъ ни вымышляй пружинъ,
Чтобъ мужу бую [2]) умудриться,—

---

[1]) На показъ.

[2]) Человѣку злонравному и непросвѣщенному.

Не можно вѣкъ носить личинъ,
И истина должна открыться.
Когда не свергъ въ бояхъ, въ судахъ,
Въ совѣтахъ царскихъ, супостатовъ:
Всякъ думаетъ, что я Чупятовъ
Въ марокскихъ лентахъ и звѣздахъ [1]).

Оставя скипетръ, тронъ, чертогъ,
Бывъ странникомъ, въ пыли и въ потѣ,
Великій Петръ, какъ нѣкій Богъ,
Блисталъ величествомъ въ работѣ:
Почтенъ и въ рубищѣ герой!
Екатерина въ низкой долѣ
И не на царскомъ бы престолѣ
Была великою женой.

И впрямь, коль самолюбья лесть
Не обуяла бъ умъ надменный:
Что наше благородство, честь,
Какъ не изящности душевны?
Я князь—коль мой сіяетъ духъ;
Владѣлецъ—коль страстьми владѣю,
Бояринъ—коль за всѣхъ болѣю,
Царю, закону, церкви другъ.

Вельможу должны составлять
Умъ здравый, сердце просвѣщенно;
Собой примѣръ онъ долженъ дать,
Что званіе его священно,
Что онъ орудье власти есть,
Подпора царственнаго зданья.
Вся мысль его, слова, дѣянья
Должны быть—польза, слава, честь.

---

[1]) Чупятовъ былъ гжатскій купецъ, торговавшій пенькою. Впослѣдствіи онъ помѣшался и ходилъ по улицамъ, увѣшанный разноцвѣтными лентами и медалями, присланными, какъ онъ увѣрялъ, влюбленною въ него марокской принцессой.

А ты, второй Сарданапалъ! [1])
Къ чему стремишь всѣхъ мыслей бѣги?
На то ль, чтобъ вѣкъ твой протекалъ
Средь игръ, средь праздности и нѣги?
Чтобъ пурпуръ, злато всюду взоръ
Въ твоихъ чертогахъ восхищали,
Картины въ зеркалахъ дышали,
Мусія [2]), мраморъ и фарфоръ?
На то ль тебѣ пространный свѣтъ,
Простерши раболѣпны длани,
На прихотливый твой обѣдъ
Вкуснѣйшихъ яствъ приноситъ дани,
Токай густое льетъ вино,
Левантъ—съ звѣздами кофе жирный,
Чтобъ не хотѣлъ за трудъ всемірный
Мгновенье бросить ты одно?
Тамъ воды въ просѣкахъ текутъ
И, съ шумомъ вверхъ стремясь, сверкаютъ;
Тамъ розы средь зимы цвѣтутъ,
И въ рощахъ нимфы воспѣваютъ,
На то ль, чтобы на все взиралъ
Ты окомъ мрачнымъ, равнодушнымъ,
Средь радостей казался скучнымъ
И въ пресыщеніи зѣвалъ?
Орелъ, по высотѣ паря,
Ужъ солнце зритъ въ лучахъ полдневныхъ;
Но твой чертогъ едва заря
Румянитъ сквозь завѣсъ червленныхъ;
. . . .
И ты покойно спишь... а тамъ?—
А тамъ израненный герой,
Какъ лунь во браняхъ посѣдѣвшій,

[1]) Изъ послѣдующихъ объясненій Державина надобно заключить, что онъ въ этой характеристикѣ разумѣлъ Потемкина.

[2]) Мусія—тоже, что мозаика.

Начальникъ прежде бывшій твой,
Въ переднюю къ тебѣ пришедшій
Принять по службѣ твой приказъ,
Межъ челядью твоей златою,
Поникнувъ лавровой главою,
Сидитъ и ждетъ тебя ужъ часъ! [1])
А тамъ—вдова стоитъ въ сѣняхъ
И горьки слезы проливаетъ,
Съ груднымъ младенцемъ на рукахъ
Покрова твоего желаетъ:
За выгоды твои, за честь
Она лишилася супруга;
Въ тебѣ его знавъ прежде друга,
Пришла мольбу свою принесть. [2])
А тамъ—на лѣстничный восходъ
Прибрелъ на костыляхъ согбенный,
Безстрашный, старый воинъ тотъ,
Тремя медальми украшенный,
Котораго въ бою рука
Избавила тебя отъ смерти:
Онъ хочетъ руку ту простерти
Для хлѣба отъ тебя куска.
А тамъ—гдѣ жирный песъ лежитъ,
Гордится вратникъ галунами,—
Заимодавцевъ полкъ стоитъ,
Къ тебѣ пришедшихъ за долгами.
Проснися, сибаритъ!—ты спишь;
Иль только въ сладкой нѣгѣ дремлешь;
Несчастныхъ голосу не внемлешь
И въ развращенномъ сердцѣ мнишь:

---

[1]) Многіе сѣдые заслуженные генералы сиживали по нѣскольку часовъ въ прихожей у Потемкина.—Лунь—родъ бѣлаго ястреба.

[2]) Вдова полковника Косторогова, убитаго на дуэли, происшедшей вслѣдствіе ссоры за Потемкина.

„Мнѣ мигъ покоя моего
Пріятнѣй, чѣмъ въ исторьи вѣки;
Жить для себя лишь одного,
Лишь радостей умѣть пить рѣки,
Лишь вѣтромъ плыть, гнесть чернь ярмомъ;
Стыдъ, совѣсть—слабыхъ душъ тревога!
Нѣтъ добродѣтели! нѣтъ Бога!“—
Злодѣй... увы!... и грянулъ громъ!

Блаженъ народъ, который полнъ
Благочестивой вѣры къ Богу,
Хранитъ царевъ всегда законъ,
Чтитъ нравы, добродѣтель строгу
Наслѣднымъ перломъ женъ, дѣтей,
Въ единодушіи—блаженство,
Во правосудіи—равенство,
Свободу—воуздѣ страстей!

Блаженъ народъ, гдѣ царь главой,
Вельможи—здравы члены тѣла,
Прилежно долгъ всѣ правятъ свой,
Чужаго не касаясь дѣла;
Глава не ждетъ отъ ногъ ума
И силъ у рукъ не отнимаетъ;
Ей взоръ и ухо предлагаетъ,
Повелѣваетъ же сама.

Симъ твердымъ узломъ естества
Коль царство лишь живетъ счастливымъ,—
Вельможи! славы, торжества
Иныхъ вамъ нѣтъ, какъ быть правдивымъ,
Какъ блюсть народъ, царя любить,
О благѣ общемъ ихъ стараться,
Змѣей предъ трономъ не сгибаться,
Стоять—и правду говорить.

О, россійскій бодрственный народъ,
Отечески хранящій нравы!
Когда разслабъ весь смертныхъ родъ,

Какой ты не причастенъ славы?
Какихъ въ тебѣ вельможей нѣтъ?
Тотъ храбрымъ былъ средь бранныхъ звуковъ,
Здѣсь далъ безстрашный Долгоруковъ
Монарху грозному отвѣтъ. [1])

И въ наши вижу времена
Того я славнаго Камилла, [2])
Котораго труды, война
И старость духъ не утомила.
Отъ грома звучныхъ онъ побѣдъ
Сошелъ въ шалашъ свой равнодушно
И отъ сохи опять послушно
Онъ въ полѣ Марсовомъ живетъ.

Тебѣ, герой, желаній мужъ,
Не роскошью вельможа славный,
Кумиръ сердецъ, плѣнитель душъ,
Вождь, лавромъ, маслиной вѣнчанный,
Я праведну здѣсь пѣснь воспѣлъ!
Ты ею славься, утѣшайся,
Борись вновь съ бурями, мужайся,
Какъ юный возносись орелъ.

Пари—и съ высоты твоей
По мракамъ смутнаго эфира
Громовой пролети струей
И, опочивъ на лонѣ мира,
Возвесели еще царя;
Простри твой поздній блескъ въ народѣ,
Какъ отдаетъ свой долгъ природѣ
Румяна [3]) вечера заря!

---

[1]) Кн. Яковъ Өедоровичъ, извѣстный современникъ Петра Великаго.

[2]) Разумѣется, Румянцевъ, который, по наговорамъ Потемкина, долженъ былъ не только оставить армію, но и удалиться въ Молдавію; но, послѣ смерти кн. Таврическаго, назначенъ былъ главнокомандующимъ въ Польшѣ и содѣйствовалъ Суворову къ успѣшному окончанію этой войны.

[3]) Въ словѣ „румяна“—намекъ на Румянцева.

17) Памятникъ.

1796.

Я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный;
Металловъ тверже онъ и выше пирамидъ:
Ни вихрь его, ни громъ не сломитъ быстротечный
И времени полетъ его не сокрушитъ.
Такъ!—Весь я не умру; но часть меня большая,
Отъ тлѣна убѣжавъ, по смерти станетъ жить,
И слава возрастетъ моя, не увядая,
Доколь Славяновъ родъ вселенна будетъ чтить.
Слухъ пройдетъ обо мнѣ отъ Бѣлыхъ водъ до Черныхъ,
Гдѣ Волга, Донъ, Нева, съ Рифея льетъ Уралъ;
Всякъ будетъ помнить то въ народахъ неисчетныхъ,
Какъ изъ безвѣстности я тѣмъ извѣстенъ сталъ,
Что первый я дерзнулъ въ забавномъ русскомъ слогѣ
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить,
Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ
И истину царямъ съ улыбкой говорить.
О, Муза! возгордись заслугой справедливой,
И презритъ кто тебя, сама тѣхъ презирай;
Непринужденною рукой, неторопливой
Чело твое зарей безсмертія вѣнчай!

Къ Мельпоменѣ.

Ода Горація (кн. III, 30), перев. А. Фета

Воздвигъ я памятникъ вѣчнѣе мѣди прочной,
И зданій царственныхъ превыше пирамидъ;
Его ни ѣдкій дождь, ни аквилонъ полночной,
Ни рядъ безчисленный годовъ не истребитъ.
Нѣтъ, я не весь умру, и жизни лучшей долей
Избѣгну похоронъ, и славный мой вѣнецъ
Все будетъ зеленѣть, доколѣ въ Капитолій
Съ безмолвной дѣвою верховный ходитъ жрецъ.

Слухъ обо мнѣ пройдетъ на берегъ говорливый
Ауфида быстраго и до безводныхъ странъ,
Гдѣ съ трона судитъ Давнъ народъ трудолюбивый,—
Что изъ ничтожества былъ славой я избранъ,
За то, что первый я на голосъ Эолійскій
Свелъ пѣснь Италіи. О, Мельпомена! свей
Въ награду мнѣ за трудъ сама вѣнецъ дельфійскій
И лавромъ увѣнчай руно моихъ кудрей[1]).

18) Безсмертіе Души.

1796.

Умолкни, чернь непросвѣщенна,
Слѣпые свѣта мудрецы!
Небесна истина, священна!
Твою мнѣ тайну ты прорцы.
Вѣщай: я буду-ли жить вѣчно?
Безсмертна ли душа моя?
Се слово мнѣ гремитъ предвѣчно:
Живъ Богъ—жива душа твоя!

Жива душа моя!—и вѣчно
Она жить будетъ, безъ конца;
Сіянье длится безпресѣчно,
Текуще свѣта отъ Отца.
Отъ лучезарной Единицы,
Въ комъ всѣхъ существъ вратится кругъ,
Какія ни текутъ частицы,
Всѣ живы, вѣчны:—вѣченъ духъ.

Духъ тонкій, мудрый, сильный, сущій
Въ единый мигъ и тамъ и здѣсь,
Быстрѣе молніи текущій

---

[1]) Приводимъ оду Горація въ переводѣ Фета, послужившую для Державина образцемъ его стих. „Памятникъ". Ср. переводъ той же оды, сдѣланный Ломоносовымъ. (См. Русск. классн. библ. вып. X), а также переводъ Капниста и стих. Пушкина, являющееся подражаніемъ Державину.

Всегда, вездѣ и вкупѣ весь,
Неосязаемый, незримый,
Въ желаньи, въ памяти, въ умѣ
Непостижимо содержимый,
Живущій внутрь меня и внѣ;
Духъ, чувствовать, внимать способный,
Все знать, судить и заключать,
Какъ легкій прахъ, такъ міръ огромный
Вкругъ мѣрить, вѣсить, исчислять,
Ревущи отвращать перуны,
Чрезъ бездны преплывать морей,
Сквозь своды воздуха лазурны
Свѣтъ черпать солнечныхъ лучей;
Могущій время скоротечность,
Прошедше съ будущимъ вязать,
Воображать блаженство, вѣчность
И съ мертвыми совѣтъ держать,
Плѣняться истинъ красотою,
Надѣятся безсмертнымъ быть,—
Сей духъ возможенъ ли косою
Пресѣчься смерти и не жить?
Какъ можно, чтобы царь всемірный,
Господь стихій и вещества,
Сей духъ, сей умъ, сей огнь эѳирный,
Сей истый образъ Божества,
Являлся съ славою такою,
Чтобъ только мигъ въ семъ свѣтѣ жить,
Потомъ покрылся бъ вѣчной тьмою?
Нѣтъ! нѣтъ! сего не можетъ быть.
Не можетъ быть, чтобъ съ плотью тлѣнной,
Не чувствуя нетлѣнныхъ силъ,
Противу смерти разъяренной
Въ сраженье воинъ выходилъ;
Чтобъ властью царь не ослѣплялся,
Судья противъ даровъ стоялъ

И человѣкъ съ страстьми сражался,
Когда бы духъ не укрѣплялъ.
Сей духъ въ пророкахъ предвѣщаетъ,
Паритъ въ піитахъ въ высоту,
Въ витіяхъ сонмы убѣждаетъ,
Съ народовъ гонитъ слѣпоту;
Сей духъ и въ узахъ не боится
Тиранамъ правду говорить:
Чего безсмертному страшиться?
Онъ будетъ и за гробомъ жить.
Премудрость вѣчная и сила,
Во знаменье чудесъ своихъ,
Въ персть земну душу, духъ вложила,
И такъ во мнѣ связала ихъ,
Что сдѣлались они причастны
Другъ друга свойствъ и естества:
Въ сей водворился міръ прекрасный
Безсмертный образъ Божества!
Безсмертенъ я!—и увѣряетъ
Меня въ томъ даже самый сонъ:
Мои онъ чувства усыпляетъ,
Но дѣйствуетъ душа и въ немъ;
Оставя неподвижно тѣло,
Лежащее въ моемъ одрѣ,
Она свой путь свершаетъ смѣло,
Въ стихійной пролетая прѣ.
Сравнимъ ли и прошедши годы
Съ исчезнувшимъ, минувшимъ сномъ:
Не всѣ ли виды намъ природы
Лишь бывшихъ мечтъ явятся сонмъ?
Когда жъ оспорить то не можно,
Чтобъ въ прошломъ времѣ не жилъ я:
По смертномъ снѣ такъ непреложно
Жить будетъ и душа моя.

Какъ тма есть свѣта отлученье,
Такъ отлученье жизни—смерть;
Но коль лучей, во удаленьѣ,
Умершими нельзя почесть,
Такъ и души, отшедшей тѣла:
Она жива, какъ живъ и свѣтъ;
Превыше тлѣннаго предѣла
Въ своемъ источникѣ живетъ.
Я здѣсь живу,—но въ цѣломъ мірѣ
Крылата мысль моя паритъ;
Я здѣсь умру,—но и въ эѳирѣ
Мой гласъ по смерти возгремитъ.
О! если бъ стихотворство знало
Брать краску солнечныхъ лучей,—
Какъ ночью бы луна, сіяло
Безсмертіе души моей.
Но если нѣтъ души безсмертной,
Почто жъ живу въ семъ свѣтѣ я?
Что въ добродѣтели мнѣ тщетной,
Когда умретъ душа моя?
Мнѣ лучше, лучше быть злодѣемъ,
Попрать законъ, низвергнуть власть,
Когда по смерти мы имѣемъ,
И злой, и добрый, равну часть.
Ахъ, нѣтъ!—коль плоть, разрушась, тлѣнна
Мертвила бъ нашъ и духъ съ собой,
Давно бы потряслась вселенна,
Земля покрылась кровью, мглой;
Упали бъ троны, царства, грады,
И все погибло бъ золъ въ борьбѣ;
Но духъ безсмертный ждетъ награды
Отъ правосудія себѣ.
Дѣла и сами наши страсти—
Безсмертья знаки нашихъ душъ:
Богатствъ алкаемъ, славы, власти;

Но, всѣ ихъ получа, мы въ тужъ
Минуту вновь—и близъ могилы—
Не престаемъ еще желать;
Такъ мыслей простираемъ крылы,
Какъ будто бъ ввѣкъ не умирать.
Нашъ прахъ слезами оросится,
Гробъ скоро мохомъ зарастетъ;
Но огнь отъ праха въ томъ родится,
Надгробну надпись кто прочтетъ:
Блеснетъ,—и вновь подъ небесами
Начнетъ свой фениксъ новый кругъ.
Все движется, живетъ дѣлами,
Душа безсмертна, мысль и духъ.
Какъ сѣрный паръ прикосновеньемъ
Вмигъ возгарается огня,
Подобно мысли сообщеньемъ
Возможно вдругъ возжечь меня;
Вослѣдъ же моему примѣру
Пойдетъ отважно и другой:
Такъ дѣлъ и мыслей атмосферу
Мы простираемъ за собой!
И всяко сѣмя роду сродно
Какъ своему приноситъ плодъ,
Такъ всяка мысль себѣ подобно
Дѣянье за собой ведетъ.
Благіе въ мірѣ духи, злые
Суть вѣчны чада сихъ сѣменъ;
Отъ нихъ тѣ свѣтъ, а тму другіе
Въ себя пріемлютъ, жизнь иль тлѣнъ.
Бываю веселъ и спокоенъ,
Когда я сотворю добро;
Бываю скученъ и разстроенъ,
Когда содѣлаю я зло:
Отколь же разность чувствъ такая?
Отколь борьба и перевѣсъ?

Не то ль, что плоть есть персть земная,
И духъ—вліяніе небесъ?
Отколѣ, чувствъ по насыщеньѣ,
Объемлетъ душу пустота?
Не оттого ль, что наслажденье
Для ней благъ здѣшнихъ—суета,
Что есть для насъ другой міръ краше,
Есть вѣчныхъ радостей чертогъ?
Безсмертіе—стихія наша,
Покой и верхъ желаній—Богъ!
Болѣзнью изнуренна смертной
Зрю мужа праведна въ одрѣ,
Покрытаго ужъ тѣнью мертвой;
Но при возблещущей зарѣ
Надъ нимъ прекрасной, вѣчной жизни,
Горѣ онъ взоръ возводитъ вдругъ;
Спѣша въ объятія отчизны,
Съ улыбкой испускаетъ духъ.
Какъ червь, оставя паутину
И въ бабочкѣ взявъ новый видъ,
Въ лазурну воздуха равнину
На крыльяхъ блещущихъ летитъ,
Въ прекрасномъ веселясь убранствѣ,
Съ цвѣтовъ садится на цвѣты:
Такъ, и душа, небесъ въ пространствѣ
Не будешь ли безсмертна ты?
О нѣтъ! безсмертіе прямое—
Въ единомъ Богѣ вѣчно жить,
Покой и счастіе святое
Въ его блаженномъ свѣтѣ чтить.
О радость! о восторгъ любезный!
Сіяй, надежда, лучъ лія,
Да на краю воскликну бездны:
Живъ Богъ—жива душа моя!

19) Урна [1]).

1797.

Сраженнаго косой Сатурна,
Кого средь воющихъ здѣсь рощъ
Печальная сокрыла урна
Во мрачну, непробудну нощь?
Кому на ней чудесъ картина
Во мраморѣ изражена?
Крылатый жезлъ, котурнъ, личина, [2])
Рѣзецъ и съ лирой кисть видна!
Надъ кѣмъ сей мавзолей священный
Вкругъ отѣняетъ кипарисъ,
И лира гласы льетъ плачевны?
Кто, Меценатъ иль Медицисъ,
Тутъ орошается слезами?
Чьи блѣдныя лица черты
Луной блистаютъ межъ вѣтвями?
Кто зрится мнѣ? Шуваловъ, ты!
Ахъ... ты!.. Могу ль тебя оставить
Безъ благодарной пѣсни я?
Тебя ли мнѣ, тебя ль не славить?
Я твой питомецъ и судья. [3])
О нѣтъ! Ужъ Муза возлетаетъ
Моя ко облакамъ златымъ,
Вслѣдъ выспреннихъ пѣвцовъ дерзаетъ
Воспѣть тебѣ надгробный гимнъ.

---

[1]) Написано по случаю смерти И. И. Шувалова, 14 ноября 1797, котораго Державинъ считалъ своимъ благодѣтелемъ.

[2]) Меркурiевъ кадуцей — символъ краснорѣчiя, маска и пр. эмблематическiе знаки искусствъ указываютъ на покровителя ихъ, какимъ былъ Шуваловъ, основатель Академiи Художествъ и одинъ изъ лицъ, наиболѣе способствовавшихъ учрежденiю театра.

[3]) Шуваловъ поручилъ себя третейскому суду Державина, бывшаго уже сенаторомъ, во время тяжбы съ гр. А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ.

Смерть мужа праведна—прекрасна!
Какъ умолкающій органъ,
Какъ лучъ послѣдній солнца ясна
Блистаетъ, тонетъ въ океанъ:
Подобно въ неизмѣрны бездны,
Отъ міра тлѣннаго спѣша,
Летитъ сквозь миріады звѣздны
Блаженная твоя душа;
Или, какъ странникъ, путь опасный
Прошедшій межъ стремнинъ и горъ;
Змѣй, слыша свистъ, львовъ ревъ ужасный
Позадь себя во тмѣ и, взоръ
Отъ зубъ ихъ отвратя, взбѣгаетъ
Съ весельемъ на высокій холмъ:
Отъ міра духъ твой возлетаетъ
Такъ вѣчности въ прекрасный домъ.
Коль тѣнь и прообразованье
Небеснаго—сей дальній міръ,
Съ высотъ лазурныхъ восклицанье
И сладкое согласье лиръ
Я слышу; вижу: душъ блаженныхъ
Полки встрѣчать тебя идутъ!
Въ эѳирныхъ ризахъ, позлащенныхъ,
Торжественную пѣснь поютъ:
„Гряди къ намъ, новый неба житель!
И, отрясая прахъ земной,
Войди въ нетлѣнную обитель
И съ высоты ея святой
Воззри на долъ твой смертный, слезный,
На жизнь твою, и наконецъ
За подвиги твои полезны
Прими возмездія вѣнецъ!
„Ты бѣдныхъ былъ благотворитель,
И вѣчныхъ насладился благъ;
Ты просвѣщенья былъ любитель,

*

И Божества сіяй въ лучахъ;
Ты поощрялъ пѣть славу Россовъ,
Ты чтилъ Петра, Елисаветъ:
Внимай, какъ звучно Ломоносовъ
Здѣсь славу вѣчную поетъ!“
Поэзіи безсмертно пѣнье
На небесахъ и на земли;
Тотъ будетъ гробъ у всѣхъ въ почтеньѣ,
Надъ коимъ лавры расцвѣли.
Науки сѣялъ благотворной
Рукой и возращалъ, любя:
Свѣтъ отъ лампады благовонной
Возблещетъ вѣчно чрезъ тебя.
Планета ты, что́ съ солнца міра
Лучи бросала на другихъ:
Ты въ славѣ не являлъ кумира,
Ты видѣлъ смертныхъ, слышалъ ихъ.
Картина ты, которой тѣни,
Не рама въ золотѣ—хвала:
Великолѣпіе—для черни;
Для благородныхъ душъ—дѣла.
Но мраченъ, теменъ сердца свитокъ:
Въ немъ скрыты нашихъ чувствъ черты;
Оселокъ честности—прибытокъ:
На немъ блисталъ, какъ злато, ты.
Какъ полное мастикъ кадило,
Горя, другимъ ты запахъ далъ;
Какъ полное лучей свѣтило,
Ты дарованье озарялъ.
О, сколько юношей тобою
Познанія пріяли свѣтъ!
Какою пламенной струею
Сей свѣтъ въ потомство протечетъ!
Надъ царедворцевой могилой,
Надъ вождемъ молньеносныхъ грозъ

Когда раздастся вздохъ унылый,—
Сверкнетъ здѣсь искра нѣжныхъ слезъ.
Стой, урна, вѣчно невредима,
Шувалова являя видъ!
Будь лирами піитовъ чтима:
Въ тебѣ предстатель ихъ сокрытъ.
Внуши, тверди его доброты
Сей надписью вельможамъ въ слухъ:
„Онъ жилъ для всенародной льготы
И покровительства наукъ".

20) О удовольствіи [1]).
1798.

Прочь, буйна чернь, непросвѣщенна
И презираемая мной!
Прострись вкругъ тишина священна!
Плѣнилъ меня восторгъ святой!
Высоку пѣснь и дерзновенну,
Неслыханну и невнушенну,
Я слабымъ смертнымъ днесь пою:
Всякъ преклони главу свою!
Сидятъ на тронахъ возвышенны
Надъ всей вселенною цари;
Ужасной стражей окруженны,
Подъемля скиптры, судятъ при;
Но Богъ есть вышній и надъ ними:
Блистая молньями своими,
Онъ свергъ гигантовъ съ горнихъ мѣстъ
И перстомъ водитъ хоры звѣздъ.
Пусть занялъ юными древами
Тотъ область цѣлую подъ садъ;
Тотъ гордъ породою, чинами;
Предъ тѣмъ полки рабовъ стоятъ,

[1]) Довольно близкое подражаніе Горацію или даже переложеніе 1-й оды III-й кн. его одъ.

А сей звучитъ трубой военной;
Но въ урнѣ рока неизмѣрной,
Кто малъ и кто великъ, забвенъ;
Своимъ всякъ жребьемъ надѣленъ.
Когда мечъ острый, обнаженный,
Злодѣя надъ главой виситъ,
Обиліемъ отягощенный
Его столъ вкусный не прельститъ:
Ни нѣжной цитры гласъ звенящій,
Ни птицъ весеннихъ хоръ гремящій
Ужъ чувствъ его не усладятъ,
И крѣпка сна не возвратятъ:
Сонъ сладостный не презираетъ
Ни хижинъ бѣдныхъ поселянъ,
Ниже дубравъ не убѣгаетъ,
Ни низменныхъ, ни тихихъ странъ,
На коихъ по колосьямъ нивы
Подъ тѣнью облаковъ игривый
Перебирается зефиръ,
Гдѣ царствуетъ покой и миръ.
Кто хочетъ только, что̀ лишь нужно,
Тотъ не заботится никакъ,
Что море взволновалось бурно;
Что, огненный вращая зракъ,
Медвѣдица нисходитъ въ бездны;
Что Левъ [1]), на сводъ несяся звѣздный,
Отъ гривы сыплетъ вкругъ лучи;
Что блещетъ молнія въ ночи;
Не безпокоится, что градомъ
На холмахъ виноградъ побитъ;
Что проливныхъ дождей упадомъ
Надежда цвѣтъ полей не льститъ;

---

[1]) Медвѣдица и Левъ—названія созвѣздій, которыми Державинъ замѣнилъ: Арктура и Козлятъ—созвѣздія, названныя у Горація.

Что жретъ и мразъ, и зной жестокій
Поля, лѣса, а тамъ въ глубоки
Моря отломки горъ валятъ
И рыбъ въ жилищахъ ихъ тѣснятъ.
Здѣсь тонутъ зиждущихъ плотину
Работниковъ и зодчихъ тьма,
Затѣмъ, что стали властелину
На сушѣ скучны терема;
Но и средь волнъ въ чертоги входитъ
Страхъ; грусть и тамъ вельможъ находитъ;
Рой скукъ за кораблемъ жужжитъ
И вслѣдъ за всадникомъ летитъ.
Когда ни мраморы прекрасны
Не утоляютъ скорби мнѣ,
Ни пурпуръ, что́, какъ облакъ ясный,
На свѣтлой блещетъ вышинѣ,
Ни грозды, сокомъ наполненны,
Ни вина, вкусомъ драгоцѣнны,
Ни благовонья ароматъ
Минуты жизни не продлятъ:
Почто жъ великолѣпьемъ пышнымъ,
Удобнымъ зависть возрождать,
По новымъ чертежамъ отличнымъ
Огромны зданья созидать?
Почто спокойну жизнь, свободну,
Мнѣ всѣмъ пріятну, всѣмъ довольну,
И сельскій домикъ мой—желать
На свѣтлый блескъ двора мѣнять?

21) Похвала сельской жизни [1].

1798.

Блаженъ, кто, удалясь отъ дѣлъ,
Подобно смертнымъ первороднымъ,

[1]) Первая половина этой пьесы составляетъ близкій переводъ изъ Горація (книга эподовъ, ода 2-я); вторая заключаетъ черты русскаго быта.

Оретъ отеческій удѣлъ
Не откупнымъ трудомъ— свободнымъ,
На собственныхъ своихъ волахъ;
Кого ужасный гласъ, отъ сна
На брань, трубы не возбуждаетъ,
Морская не страшитъ волна,
Въ судъ ябеда не призываетъ;
И господамъ не бьетъ челомъ,
Но садитъ онъ въ саду своемъ
Кусты и овощи цвѣтущи,
Иль, дикихъ древъ кривымъ ножемъ
Обрѣзавъ ими, и плодъ дающи
Черенья прививаетъ къ нимъ;
Иль зритъ вдали ходящій скотъ,
Рычащій въ вьющихся долинахъ;
Иль перечищенную льетъ
И прячетъ патоку въ кувшинахъ,
Или стрижетъ своихъ овецъ;
Но осень какъ главу въ поляхъ,
Гордясь, съ плодами возвышаетъ,
Какъ радъ, что рветъ ихъ на вѣтвяхъ,
Привитыхъ имъ,—и посвящаетъ
Даръ Богу, пурпура краснѣй.
На брегѣ ли въ травѣ густой,
Подъ дубъ ли древній онъ ложится:
Въ лѣсу гамъ птицъ, съ скалы крутой
Журча къ нему ручей стремится,
И все наводитъ сладкій сонъ.
Когдажъ гремящій въ тучахъ Богъ
Покроетъ землю всю снѣгами,
Звѣрей онъ ищетъ слѣдъ и логъ;
Тамъ зайца гонитъ, травитъ псами,
Здѣсь ловитъ волка въ тенета;
Иль тонкіе въ гумнахъ силки
На куропатокъ разставляетъ,

На рябчиковъ въ кустахъ пружки:
О, коль пріятну получаетъ
Награду за свои труды!
    Но будетъ ли любовь притомъ
Со прелестьми ея забыта,
Когда прекрасная лицомъ
Хозяйка мила, домовита
Печется о его дѣтяхъ?
    Какъ ею, русскихъ честныхъ женъ
По древнему обыкновенью,
Весь бытъ хозяйскій снаряженъ,
Домъ теплъ, чистъ, свѣтлъ, и къ возвращенью
Съ охоты мужа столъ накрытъ:
    Бутылка добраго вина,
Въ прокъ пива русскаго варена,
Съ гренками коновка [1]) полна,
Изъ коей клубомъ лѣзетъ пѣна,
И столъ обѣденный готовъ.
    Горшокъ горячихъ, добрыхъ щей,
Копченный окорокъ подъ дымомъ:
Обсаженный семьей моей,
Средь коей самъ я господиномъ,
И тутъ-то вкусенъ мнѣ обѣдъ!
    А какъ жаркой еще баранъ,
Младой, къ Петрову дню блюденый,
Капусты сочныя кочанъ,
Пирогъ, груздями начиненный,
И нѣсколько молочныхъ блюдъ:
    Тогда-то устрицы го-гу [2]),
Всѣхъ мушелей заморскихъ грузы,
Лягушки, фрикасе, рагу,
Чѣмъ окормляютъ насъ Французы,
И ужъ ничто не вкусно мнѣ.

[1]) Кòновъ и Конòбъ—котелъ, горшокъ.
[2]) Т. е. haut-goût высокаго вкуса.

Межъ тѣмъ пріятно изъ окна
Зрѣть карду [1]) съ тучными волами:
Кобылъ, коровъ, овецъ полна;
Дворъ рѣзвыми кишитъ рабами:
Какъ веселъ таковой обѣдъ!—
Такъ откупщикъ вчерась судилъ,
Сбираясь быть поселяниномъ;
Но правежемъ долги лишь сбрилъ,
Остался паки мѣщаниномъ,
А нынѣ деньги отдалъ въ ростъ.

22) Орелъ [2]).

1799.

Носитель молніи и грома
Всесильнаго Петрова дома!
Куда несешься съ высоты?
Принявъ перуны въ когти мочны,
Куда паришь, орелъ полночный,
И на кого ихъ бросишь ты?
Еще ль, по манію Беллоны, [3])
Стремишься въ прахъ низвергнуть троны,
Брать царства, королей плѣнить?—
Нѣтъ, нѣтъ! предъ Павла знаменами
Ты съ росскими летишь полками
Престолы падши возносить.
Гряди спасать царей, Суворовъ[4]),
Избавить царства отъ раздоровъ

---

[1]) Карда—въ понизовыхъ губ. зимняя загородь для скота.

[2]) Подъ орломъ поэтъ разумѣлъ Суворова. Самое стих. написано по случаю назначенія Суворова предводителемъ союзной арміи для войны съ французами въ Италіи, по желанію австрійскаго императора.

[3]) Богиня войны у римлянъ.

[4]) При представленіи Императору, Суворовъ, услышавъ его волю, палъ предъ нимъ на колѣни и сказалъ словами псалма: „Господи, спаси Царя!“ Государь, отвѣчалъ ему: „Ты иди спасать Царей“.

И власть въ порфиру облещи;
Соименитому герою
Подобно, ты рожденъ судьбою
Коварства узелъ разсѣщи. [1])
Гряди, Алкидъ, на гидру дерзку[2]),
Смири ея ты лютость звѣрску,
Спаси отъ бѣдъ вселенну вновь.
Ужасно жалъ ея сверканье,
Тлетворно, пагубно дыханье,
И смертно ядовита кровь.
Но ты одѣтъ въ броню нетлѣнну,
Въ надежду, вѣру несомнѣнну,
Любовью выспренней горишь;
Полкъ ангелъ предъ тобой сомкнется—
И зло тебѣ не прикоснется;
Рога ты буйству сокрушишь.
Съ тобою Богъ идетъ—и Россы,
Во знаменье побѣдъ, колоссы
Воздвигнутъ по твоимъ слѣдамъ;
Слухъ пройдетъ въ позднее потомство:
„Тобой стеръ Павелъ вѣроломство
И скиптры возвратилъ царямъ“.

23) Снигирь [3]).

1800.

Что ты заводишь пѣсню военну,
Флейтѣ подобно, милый Снигирь?

---

[1]) Намекъ на Гордіевъ узелъ, разсѣченный соименнымъ Суворову Александромъ Великимъ.

[2]) Революція.

[3]) Элегическіе стансы, написанные по случаю смерти Суворова. У поэта былъ снигирь, умѣвшій пѣть одно колѣно военнаго марша. Вернувшись съ похоронъ великаго полководца, поэтъ услышалъ пѣніе снигиря, подъ впечатлѣніемъ котораго и написаны эти стансы.

Съ кѣмъ мы пойдемъ войной на гіену?
Кто теперь вождь нашъ? кто богатырь?
Сильный гдѣ, храбрый, быстрый Суворовъ?
Сѣверны громы въ гробѣ лежатъ.
Кто передъ ратью будетъ, пылая,
Ѣздить на клячѣ, ѣсть сухари;
Въ стужѣ и въ зноѣ мечъ закаляя,
Спать на соломѣ, бдѣть до зари;
Тысячи воинствъ, стѣнъ и затворовъ,
Съ горстью Россіянъ все побѣждать?
Быть вездѣ первымъ въ мужествѣ строгомъ;
Шутками—зависть, злобу—штыкомъ,
Рокъ низлагать молитвой и Богомъ;
Скиптры давая, зваться рабомъ;
Доблестей бывъ страдалецъ единыхъ,
Жить для царей, себя изнурять?
Нѣтъ теперь мужа въ свѣтѣ столь славна:
Полно пѣть пѣсню военну, Снигирь!
Бранна музыка днесь не забавна:
Слышенъ отвсюду томный вой лиръ;
Львинаго сердца, крыльевъ орлиныхъ
Нѣтъ уже съ нами! Что воевать?

24) Утро [1].

1800.

Огнистый Сиріусъ сверкающія стрѣлы
Металъ еще съ небесъ въ подлунные предѣлы;
Лежала на холмахъ вкругъ нощь и тишина,
Вселенная была безмолвія полна,
А только вѣтровъ свистъ,. лѣсовъ листы шептали;
Шумъ бьющихъ въ камни волнъ, со скалъ потоковъ ревъ

---

[1]) Стих. составляетъ введеніе въ „Гимнъ Богу“ Клеанта. Поэтъ изображеніемъ великолѣпнаго утра хочетъ показать, какъ созерцаніе природы пробудило вдохновеніе Клеанта и внушило ему гимнъ Зевсу.

И изрѣдка вдали рычащій левъ
Молчанье прерывали.
Клеантъ [1]), проснувшійся въ пещерѣ, всталъ
И свѣта дожидался.
Но говоръ птицъ едва помалу слышенъ сталъ,
Вкругъ по брегамъ раздался
И вскликнулъ соловей;
Тумана, свѣта сѣть по небу распростерлась,
Сокрылся Сиріусъ за ней,
И нощь бѣгущая чуть зрѣлась.
Мудрецъ восшелъ на вышній холмъ,
И тамъ, сѣдымъ склонясь челомъ,
Возсѣлъ на мшистый пень подъ дубомъ многолѣтнымъ
И внизъ изъ-подъ вѣтвей пустилъ свой взоръ
На море, на лѣса, на сини цѣпи горъ
И зрѣлъ съ восторгомъ благолѣпнымъ
Отъ сна на возстающій міръ.
Какое зрѣлище! какой прекрасный пиръ
Открылся всей ему природы!
Онъ видѣлъ землю вкругъ, и небеса, и воды,
И блескъ планетъ,
Тонущій тихо въ юный, рдяный свѣтъ.
Онъ зрѣлъ, какъ солнцу путь заря уготовляла,
Лиловые ковры съ улыбкой разстилала,
Врата востока отперла,
Крылатыхъ коней запрягла,
И звѣздъ царя, сего вѣнчаннаго возницу,
Румяною рукой взвела на колесницу;
Какъ, хоромъ утреннихъ часовъ окружена,
Подвигнулась въ свой путь она,
И восшумѣла вслѣдъ съ колесъ ея волна;
Багряны возжи напряглися

---

[1]) Ученый грекъ Клеантъ уроженецъ мизійскаго г. Асса, жившій за 260 л. до Р. Х., ученикъ Зенона.

По конскимъ блещущимъ хребтамъ:
Летятъ, вверхъ пышутъ огнь, свѣтъ мещутъ по странамъ,
И мглы подъ ними улеглися;
Тумановъ рѣки разлилися,
Изъ коихъ зыблющихъ сѣдинъ,
Челомъ сверкая золотымъ,
Возстали горы изъ долинъ
И воскурился сверхъ ихъ тонкій дымъ.
Онъ зрѣлъ: какъ свѣта богъ съ морями лишь сравнялся,
То алый лучъ по нихъ восколебался;
Посыпались со скалъ
Рубины, яхонты, кристалъ,
И бисеры перловы
Зажглися на вѣтвяхъ;
Багряны тѣни, бирюзовы
Слилися съ златомъ въ облакахъ,—
И все сіяніе покрыло!
Онъ видѣлъ, какъ сіе божественно свѣтило
На высоту небесъ вознесло свое чело,
И пропастей лицо лучами расцвѣло!
Открылося морей огнисто протяженье:
Тамъ съ холма внизъ глядитъ, навѣсясь, темный кедръ,
Тамъ съ шумомъ вержетъ китъ на воздухъ рѣкъ стремленье,
Тамъ челнъ на парусахъ бѣжитъ средь водныхъ нѣдръ;
Тамъ, выплывъ изъ пучины,
Играютъ, рѣзвятся дельфины
И рыбъ стада сверкаютъ чешуей,
И блещутъ чуды чрева бѣлизной;
А тамъ среди лѣсовъ гора переступаетъ,—
Подъемлетъ хоботъ слонъ и съ древъ плоды снимаетъ,
Здѣсь вмѣстѣ два холма срослись
И на верблюдѣ поднялись;
Тамъ конь, пустя по вѣтру гриву,
Бѣжитъ и мнетъ волнисту ниву;
Здѣсь кроликъ подъ кустомъ лежитъ,

Глазами красными блеститъ;
Тамъ серны, прядая съ холма на холмъ стрѣлами,
Стоятъ на крутизнахъ, висятъ подъ облаками;
Тутъ, взоры пламенны вверхъ устремляя къ нимъ,
На лапахъ жилистыхъ сидитъ зубастый скимнъ [1]);
Здѣсь пестрый, алчный тигръ въ лѣсъ крадется дебристый
И ищетъ, гдѣ залегъ олень роговѣтвистый;
Тамъ къ плещущимъ ключамъ въ зеленый мягкій логъ
Стремится въ жаждѣ пить единорогъ;
А здѣсь по воздуху витаетъ
Пернатыхъ, насѣкомыхъ рой,
Лѣса, поля, моря и холмы населяетъ
Чудесной пестротой:
Тѣ въ златѣ, тѣ въ сребрѣ, тѣ въ розахъ, тѣ въ багрянцахъ,
Тѣ въ свѣтлыхъ заревахъ, тѣ въ желтыхъ, сизыхъ глянцахъ
Гуляютъ по цвѣтамъ вдоль рѣкъ и вкругъ озеръ;
Надъ ними въ высотѣ ширяется орелъ!
А тамъ съ пологихъ горъ селъ кровы, башенъ спицы,
Лучами отразясь, мелькаютъ на водахъ;
Тутъ слышенъ рога зовъ, тамъ эхо отъ цѣвницы,
Блеянье, ржанье, ревъ и топотъ на лугахъ;
А здѣсь сквозь птичій хоръ и шумъ отъ водопада
Несутся громы въ слухъ съ великолѣпна града
И изъявляютъ зодчихъ трудъ;
Тамъ поселяне плугъ влекутъ,
Здѣсь сѣти рыболовъ кидаетъ,
На удѣ блещетъ серебро;
Тамъ огнь съ оружья войскъ сверкаетъ.—
И все то благо, все добро!
Клеантъ на все сіе взирая,
Былъ внѣ себя природы отъ чудесъ;
Верховный умъ Творца воображая,
Излилъ потоки сладкихъ слезъ·

[1]) Скимнъ—дикій левъ.

„Все дѣло рукъ твоихъ"! вскричалъ во умиленьи,
И, арфу въ восхищеньи
Пріявъ, благоговѣнья полнъ,
Въ фригическій [1]) настроя тонъ,
Умолкъ. Но лишь съ небесъ, сквозь дуба сводъ листвяный
Проникнувъ, на него палъ свѣтъ багряный,—
Брада сребристая, чело,
Зардѣвшися, какъ солнце, расцвѣло;
Ударилъ по струнамъ—и отъ холма съ вершинъ
Какъ искръ струн въ долъ быстро покатились;
Далеко звуки разгласились;
Воспѣлъ онъ Богу гимнъ.

25) Бесѣда съ геніемъ [2]).

1801.

Восхищенный явнымъ сномъ
Въ небо я моей душою,
Видѣлъ: Геній подъ вѣнцомъ
Собесѣдовалъ со мною.
Бѣлокуръ, голубоокъ,
Молодъ и лицомъ прекрасенъ,
Ростомъ строенъ и высокъ,
Тихъ, привѣтливъ и пріятенъ
Взору, сердцу и уму...
И во снѣ, его былъ внятенъ
Голосъ сердцу моему:
„Слушай, старый пѣснопѣвецъ!
Послужи еще мнѣ", рекъ:
„Я не грозный громовержецъ,—
Кроткій царь и человѣкъ:

---

[1]) Фригійскій тонъ, которымъ греки пѣли гимны богамъ.

[2]) Стих. написано по поводу порученія, даннаго Государемъ Державину—ѣхать въ Калугу для разслѣдованія дѣла по обвиненію калужскаго губернатора Лопухина въ различныхъ безпорядкахъ.

Прозвучи мою ты славу!“
Взялъ я лиру, строю вновь,—
И пою его державу
И къ отечеству любовь.

26) Къ Царевичу Хлору [1]).

1802.

Прекрасный Хлоръ! Фелицынъ внукъ,
Сынъ матери примилосердной,
Сестеръ и братьевъ нѣжный другъ,
Супругъ супругѣ милый, вѣрный!
О ты, чей ростъ, и взоръ, и станъ
Есть витязя, породы царской,
Который больше другъ, чѣмъ ханъ
Орды, страны своей татарской!
Послушай, неба серафимъ,
Ниспосланный счастливить смертныхъ,
Что пишетъ солнцевъ сынъ, браминъ,
Желая благъ тебѣ несметныхъ:

Достигъ внезапно громкій слухъ
До насъ, живущихъ въ Кашемирѣ,
Что будто Зороастровъ духъ
Воскресъ въ подлунномъ здѣшнемъ мірѣ
И, воплотясь въ тебѣ, о Хлоръ!
Возсѣлъ на нѣкоемъ престолѣ,
Дабы разсцвѣлъ добротъ соборъ
На немъ, неслыханныхъ дотолѣ.

Такъ точно: говорятъ, что ты
Какой то чудный есть владѣтель;
Души и тѣла красоты
Совокупя на добродѣтель,

---

[1]) Написано въ томъ-же родѣ, какъ и ода „Фелица“, при которой уже объясненъ поводъ къ названію Хлоромъ внука императрицы Екатерины II.

Быть хочешь всѣхъ земныхъ владыкъ
Страшнѣй, не страхомъ, но любовью,
Блаженствомъ подданныхъ великъ,
Не покореньемъ царствъ и кровью.
Такъ: шепчутъ, будто саму власть,
Въ твоихъ рукахъ самодержавну,
Господства безпредѣльну страсть,
Ты чтишь за власть самоуправну;
Что будто мудрая та блажь
Нерѣдко въ умъ тебѣ приходитъ,
Что царь—законовъ только стражъ,
Что онъ лишь въ дѣйство ихъ приводитъ
И ставитъ въ томъ въ примѣръ себя;
Что ты живешь лишь для народовъ,
А не народы для тебя,
И что не свыше ты законовъ;
А тѣхъ пашей, эмировъ, мурзъ
Не любишь и не терпишь точно,
Что̀, сами ползая средь узъ,
Мухъ давятъ въ лапахъ полномочно
И бить себѣ велятъ челомъ;
Что ты не кажешься имъ богомъ,
Не ѣздя на царяхъ верхомъ [1]);
Сидишь и ходишь врядъ съ народомъ;
Что, не стирая съ туфлей прахъ
У муфтьевъ, дервишей, имановъ,
Въ сѣдыхъ считаешь бородахъ
Ихъ гласъ за гласъ ты алкорановъ;
Что, чувствуя въ себѣ одномъ
Ты власть небесъ, а слабость смертныхъ,
Имъ разбирать себя судомъ
Велишь чрезъ гражданъ частныхъ, честныхъ;

---

[1]) Намекъ на египет. царя Сезостриса, который запрягалъ побѣжденныхъ царей въ свою колесницу.

Раздоры миромъ прекращать,
Закону съ совѣстью поладить,
И больше, шерсть чтобъ не терять,
Овцамъ въ репейники не лазить [1]).
Еще толкуютъ тожъ, что гласъ
Къ тебѣ народа тайно входитъ;
Что тысячью ты смотришь глазъ
И въ шапкѣ-невидимкѣ бродитъ
Вездѣ твой духъ,—и на коврахъ
Летаетъ будто самолетахъ,
Въ чалмахъ, жупанахъ, чеботахъ,
А нужно гдѣ, то и въ жилетахъ,
Чтобъ какъ-нибудь невинность спасть;
И, словомъ, многими путями
Ты, кротку простирая власть,
Какъ сонце, грѣешь міръ лучами.
И даже будто бы съ собой
Даешь ты случай всѣмъ встрѣчаться,
Писать на голубяхъ [2]), съ тобой
Такъ-сякъ и лично объясняться;
И злость, и глупость на позоръ
Печатавъ, выставлять листами;
Молоть языкомъ всякій вздоръ
И въ лавкахъ торговать умами;
И будто ты, увидя разъ
Лису иль волка въ агнчей кожѣ,
Вмигъ отъ своихъ сгоняешь глазъ,
Хотя бъ ихъ зрѣлъ въ какомъ вельможѣ.
А наконецъ, хотя и ханъ,
Но такъ ты чудно, странно мыслишь,
Что будто на себѣ кафтанъ

---

[1]) Какъ овцы-де изъ репейниковъ, такъ тяжущіеся изъ судебныхъ мѣстъ не выходятъ, не потерявъ своей шерсти.

[2]) Почта голубиная.

Народу подлежащим числишь;
Пиров богатых не даешь,
Убранство, роскошь презираешь,
Въ чертогахъ низменныхъ живешь,
Царицу четверней катаешь
И, ходя иногда пѣшкомъ,
Ты по садамъ цвѣты срываешь,
Но злата не соришь мѣшкомъ;
Торопишься въ дѣлахъ не скоро;
Такъ шьешь, чтобъ послѣ не пороть;
Мнишь, не доходомъ въ домѣ споро,
А гдѣ умѣренный расходъ.
И подлинно, весьма чудесный
Бывалъ ли гдѣ такой султанъ?
Да Оромазъ блюдетъ небесный
Тебя, гаремъ, сѣдой диванъ
И всю твою орду татарску!
Да ангелъ самъ Исфендармасъ [1]).
Покрывъ главу крылами ханску,
Съ своихъ тебя не спуститъ глазъ
И узелъ укрѣпитъ священный
На поясѣ твоемъ всегда!
Да ароматомъ растворенный
Твой огнь не гаснетъ никогда,
И я дивлюсь и восхищаюсь
Лишь добродѣтелямъ твоимъ,
Какъ той звѣздѣ, что̀ покланяюсь
И коей подношу здѣсь гимнъ!
Въ хвалу тебѣ и въ присвоенье
Ея красотъ и всѣхъ потребъ,
Да имя, Хлоръ, твое, правленье
Напишется на дскѣ судебъ!

---

[1]) Ангелъ-покровитель страны, по сказаньямъ Зендавесты.

Когда же подлая и даже подкупная,
Прищуря мрачный взоръ, гдѣ зависть или злость
На насъ прольетъ свой ядъ, — простимъ имъ грѣхъ, вздыхая:
Не прейдутъ бѣдные чрезъ Аримановъ [1]) мостъ.

27) На Багратіона [2]).

1806.

О, какъ великъ На-поле-онъ!
Онъ хитръ, и быстръ, и твердъ во брани;
Но дрогнулъ, какъ простеръ лишь длани
Къ нему съ штыкомъ Бог-раті-онъ.

28) Атаману и войску донскому [3]).

1807.

Платовъ! Европѣ ужъ извѣстно,
Что силъ Донскихъ ты страшный вождь:
Въ расплохъ, какъ бы колдунъ, всемѣстно
Падешь, какъ снѣгъ ты съ тучъ, иль дождь;
По черныхъ вороновъ полету,
По дыму, гулу, мхамъ, звѣздамъ,
По рыску волчью видя мѣту,
Подходишь къ вражьимъ вдругъ носамъ
И, зря на тускъ, на блескъ червонца,
По солнцу иль противу солнца

---

[1]) По вѣрованію браминовъ, души по смерти переходятъ чрезъ мостъ злого Аримана, и ежели онѣ не очищены, то свергаются въ бездны.

[2]) Стихи, написанные въ честь князя Петра Ивановича Багратіона, пріобрѣвшаго громкую славу въ Россіи своими подвигами въ арріергардѣ Кутузова.

[3]) Написано по случаю многихъ удачныхъ подвиговъ легкихъ войскъ нашихъ, подъ предводительствомъ Донскаго атамана Платова, съ французами въ 1807 г.

Свой учреждаешь ертаулъ [1])
И тайный ставишь караулъ.
Въ травѣ идешь—съ травою равенъ;
Въ лѣсу—и равенъ лѣсъ съ главой;
На конь вскокнешь—конь тихъ, не нравенъ,
Но вихремъ мчится подъ тобой.
По камню ль черну змѣемъ чернымъ
Ползешь ты въ ночь—и слѣду нѣтъ;
По влагѣ ль бѣлой гусемъ бѣлымъ
Плывешь ли въ день—лишь струйка слѣдъ;
Орломъ ли въ мглѣ паришь сгущенной—
Стрѣлу сѣчешь ей въ слѣдъ пущенной
И, брося петли округъ шей,
Фазановъ удишь, какъ ершей. [2])
Разилъ ты Льва, Лунѣ гнулъ роги,
Ходилъ противу Солнца въ бой [3]);
Медвѣдей, тигровъ средь берлоги
Могучей задушалъ рукой;
Почто жъ вепря щетиночерна [4]),
Залегшаго въ лѣсахъ средь блатъ,
Съ клыковъ котораго кровь, пѣна
Течетъ,—зловоніе и ядъ,—
Отъ рыла взрыты вкругъ могилы,
Отъ взоровъ пламенны свѣтила
Край заревомъ покрыли весь,—

---

[1]) Старинное слово, означаетъ авангардный отрядъ войска, употреблявшійся для развѣдокъ.

[2]) Аллегорическое прозваніе французовъ: хорохорятся, тщеславятся, какъ фазаны, и колятся какъ ерши.

[3]) Левъ—шведы, Луна—турки, Солнце—персіяне, по гербамъ этихъ народовъ.

[4]) Картина „вепря“ основывается па вепрѣ эриманскомъ, котораго убилъ Геркулесъ, и означаетъ непріятеля, скрытаго въ укрѣпленномъ лагерѣ.

Арканомъ не схватилъ поднесь?
Чтожъ сталъ?—Борза коня не стало?
Возьми коверъ свой самолетъ.
Ружейнаго ль снаряду мало?
Махни ширинкой, лѣсъ надетъ.
Запаса ли не видишь хлѣбна?
Гложи желѣзны просфиры.
Жупанъ ли, епанча ль потребна?
Самъ невидимкой все бери.
Сапогъ нѣтъ? ступни самоходны
Надѣнь, перчатки самородны,
И дуй на огнь, на мразъ, на гладъ:
Россійской силѣ нѣтъ преградъ.
Бывало вѣдь и въ прежни годы
Взлетала саранча на Русь,
Многообразные уроды
Грозили ей налогомъ узъ.
Былъ грѣхъ: отъ сваръ своихъ кряхтѣли,
Теряли янствомъ и главы;
Но лишь на Бога мы воззрѣли,
Отъ сна вспрянули, будто львы.
Былъ врагъ Чипчакъ—и гдѣ Чипчаки?
Былъ недругъ ляхъ—и гдѣ тѣ ляхи?
Былъ сей, былъ тотъ: ихъ нѣтъ; а Русь?...
Всякъ, знай, мотай себѣ на усъ.
Да какъ же это такъ случалось?
Заботились, какъ днесь, цари;
Премудро все распоряжалось,
Водили рать богатыри,
При Святославичѣ Добрыня
Убилъ дракона въ облакахъ;
Чернецъ Донскаго—исполина
Татарскаго повергъ во прахъ;
Голицынъ, Шереметевъ, Львовы,
Крушили зубы въ дни Петровы;

Побѣдъ Екатерины лавръ:
Чесма, Кагулъ, Крымъ, Рымникъ, Тавръ.
Неужъ-то Альпы въ мірѣ шашка?
Тамъ молнья Павла видѣлъ Галлъ:
На клячѣ бѣлая рубашка.
Не разъ его въ усы щелкалъ;
Или теперь у Александра
При войскѣ нѣту молодца?
Съ крестомъ на адска Саламандра [1])
Ужель не сыщется бойца?
Внемли же моему ты гласу:
Усердно помоляся Спасу,
Въ четыре стороны поклонъ—
И изъ ноженъ булатъ ты вонъ!
И съ свистомъ, звонкимъ молодецкимъ,
Разбойника сбрось Соловья
Съ дубовъ копьемъ вновь мурзавецкимъ [2]),
И будь у насъ второй Илья;
И, заперши въ желѣзной клѣткѣ,
Какъ желтоглазаго сыча,
Уранга, сфинкса [3]) на веревкѣ
Примчи, за плечьми вторча;
Иль двадцать молодцовъ отборныхъ,
Лицомъ, лѣтами, ростомъ сходныхъ,
Пошли ты за себя за злымъ;
Двадцатый хоть пріѣдетъ съ нимъ.
Для лучшихъ храбрыхъ душъ поджоги
Ты разскажи имъ русску быль,
Что старики, бывъ въ службѣ строги,
Всѣ невозможности чли въ пыль:

---

[1]) Миѳическое существо, живущее въ огнѣ — такъ поэтъ называетъ Наполеона.

[2]) Мурзѣ или дворянину принадлежащимъ, т. е. богато оправленнымъ.

[3]) Все это прозвища, дававшіяся Наполеону.

Сжигали грады воробьями,
Ходили въ лодкахъ по землѣ,
Топили вражій станъ прудами,
Имѣли пищу въ киселѣ,
Спускались въ мрачны подземелья,
Животъ считали за бездѣлья;
Къ отчизнѣ ревностью горя,
За вѣру мерли и царя,
Однакожъ, чтобъ не быть и жертвой,
Ты мечъ имъ кладенецъ отдай,
Живой водой ихъ спрысни, мертвой
И горы злата обѣщай;
. . . .
Я дочь свою и самъ крестову [1]),
Красотку юную, во бракъ
Отдамъ тому, кто грудь орлову
На славный сей отважитъ шагъ;
Денисовымъ и Краснощокимъ [2]),
Орловымъ, Иловайскимъ вслѣдъ,
По безднамъ, по горамъ высокимъ
Въ домъ отчій лавръ кто принесетъ;
Дѣвицы, барыни донскія,
Вздѣвъ платья русскія, златыя,
Введутъ его въ крестовъ чертогъ
И воспоютъ: великъ нашъ Богъ!
Подъ вечеръ, утромъ, на зарянкѣ,
Сей радостный услыша гласъ,
Живя уединеннымъ въ Званкѣ,
Такъ-сякъ взбреду я на Парнассъ
И пѣсню войску тамъ Донскому,
Тебѣ на гусляхъ пробренчу,

---

[1]) Дочь графа Васильева, крестница поэта, впослѣдствіи вышедшая за казачьяго полковника.

[2]) Извѣстные своею храбростью атаманы войска Донскаго.

Да бѣлому царю, младому,
Въ вѣнцѣ алмазы расцвѣчу!
Пусть звукъ ужасныхъ днешнихъ боевъ
Сподвижниковъ его героевъ
Мой повторяетъ холмъ и лѣсъ,
И гулъ шумитъ, какъ громъ небесъ!

29) Евгенію. Жизнь Званская [1]).

1807.

Блаженъ, кто менѣе зависитъ отъ людей,
Свободенъ отъ долговъ и отъ хлопотъ приказныхъ,
Не ищетъ при дворѣ ни злата, ни честей,
И чуждъ суетъ разнообразныхъ!
Зачѣмъ же въ Петрополь на вольну ѣхать страсть,
Съ пространства въ тѣсноту, съ свободы за затворы,
Подъ бремя роскоши, богатствъ, сиренъ подъ власть
И предъ вельможей пышны взоры?
Возможно-ли сравнять что̀ съ вольностью златой,
Съ уединеніемъ и тишиной на Званкѣ?
Довольство, здравіе, согласіе съ женой,
Покой мнѣ нуженъ—дней въ останкѣ.
Возставъ отъ сна, взвожу на небо скромный взоръ:
Мой утренюетъ духъ Правителю вселенной;
Благодарю, что вновь чудесъ, красотъ позоръ [2])
Открылъ мнѣ въ жизни толь блаженной.
Пройдя минувшую и не нашедши въ ней,
Чтобъ черная змѣя мнѣ сердце угрызала,
О! коль доволенъ я, оставилъ что людей
И честолюбія избѣгъ отъ жала [3])!

---

[1]) По примѣру Горація, часто упоминающаго о своей виллѣ, Державину вздумалось описать жизнь въ своемъ имѣніи Званкѣ, Новгородской губ., и посвятить это описаніе извѣстному Евгенію Болховитинову, епископу Старорусскому, своему доброму сосѣду и усердному почитателю.

[2]) Зрѣлище.

Державинъ, въ то время, былъ въ отставкѣ.

Дыша невинность, пью воздухъ, влагу росъ,
Зрю на багрянецъ зарь, на солнце восходяще;
Ищу красивыхъ мѣстъ между лилей и розъ,
Средь сада храмъ жезломъ чертяще.
Иль, накормя моихъ пшеницей голубей,
Смотрю надъ чашей водъ, какъ вьютъ подъ небомъ круги;
На разноперыхъ птицъ, поющихъ средь сѣтей,
На кроющихъ, какъ снѣгомъ, луги;
Пастушьяго вблизи внимаю рога зовъ,
Вдали тетеревей глухое токованье,
Барашковъ въ воздухѣ, въ кустахъ свистъ соловьевъ,
Ревъ кравъ, громъ желнъ [1]) и коней ржанье.
На кровлѣ-жъ зазвенитъ какъ ласточка,—и паръ
Повѣетъ съ дома мнѣ манжурской иль левантской [2]),
Иду за круглый столъ—и тутъ-то растобаръ
О снахъ, молвѣ градской, крестьянской,
О славныхъ подвигахъ великихъ тѣхъ мужей,
Чьи въ рамахъ по стѣнамъ златыхъ блистаютъ лицы,
Для вспоминанья ихъ дѣяній, славныхъ дней,
И для прикрасъ моей свѣтлицы,—
Въ которой поутру, иль въ вечеру, порой
Дивлюся въ „Вѣстникѣ“, въ газетахъ иль журналахъ,
Россіянъ храбрости, какъ всякъ изъ нихъ герой,
Гдѣ есть Суворовъ въ генералахъ;
Въ которой къ госпожѣ, для похвалы гостей,
Приносятъ разныя полотна, сукна, ткани,
Узорны образцы салфетокъ, скатертей,
Ковровъ и кружевъ, и вязани;
Гдѣ съ скотенъ, пчельниковъ и съ птичниковъ, прудовъ,
То въ маслѣ, то въ сотахъ, зрю злато подъ вѣтвями,
То пурпуръ въ ягодахъ, то бархатъ-пухъ грибовъ,
Сребро, трепещуще лещами;

---

[1]) Желна—родъ дятла.

[2]) Чай и кофе.

Въ которой, обозрѣвъ больныхъ въ больницѣ, врачъ
Приходитъ доносить о ихъ вредѣ, здоровьѣ,
Прося на пищу имъ: тѣмъ съ поливкой калачъ,
А тѣмъ лѣкарствица въ подспорье;
Гдѣ также иногда по палкамъ, по костямъ,
Усатый староста, иль скопидомъ брюхатый
Даютъ отчетъ казнѣ и хлѣбу, и вещамъ,
Съ улыбкой часто плутоватой;—
И гдѣ, случается, художники млады
Работы кажутъ ихъ на древѣ, на холстинѣ,
И получаютъ въ даръ подачи за труды,
А въ часъ и денегъ по полтинѣ;
И гдѣ до ужина, чтобы прогнать какъ сонъ,
Въ задорѣ иногда въ игры зѣло горячи
Играемъ въ карты мы, въ ерошки, въ фараонъ.
По грошу въ долгъ и безъ отдачи.
Оттуда прихожу въ святилище я Музъ,
И съ Флаккомъ, Пиндаромъ, боговъ возсѣдши въ пирѣ,
Къ царямъ, къ друзьямъ моимъ иль къ небу возношусь,
Иль славлю сельску жизнь на лирѣ;
Иль въ зеркало временъ, качая головой,
На страсти, на дѣла зрю древнихъ, новыхъ вѣковъ,
Не видя ничего, кромѣ любви одной
Къ себѣ,—и драки человѣковъ.
„Все суета суетъ!“ я, воздыхая, мню;
Но, бросивъ взоръ на блескъ свѣтила полудневна:
„О, коль прекрасенъ міръ! Чтожъ духъ мой бремeню?
Творцомъ содержится вселенна.
Да будетъ на земли и въ небесахъ Его
Единаго во всемъ Вседѣйствующа воля!
Онъ видитъ глубину всю сердца моего
И строится моя Имъ доля“.
Дворовыхъ, между тѣмъ, крестьянскихъ рой дѣтей
Сбираются ко мнѣ, не для какой науки,
А взять по нѣскольку баранокъ, кренделей,

Чтобы во мнѣ не зрѣли буки.
Письмоводитель мой тутъ долженъ на моихъ
Бумагахъ мараныхъ, пастухъ какъ на овечкахъ,
Репейникъ вычищать. Хоть мыслей нѣтъ большихъ,
Блестятъ и тучки въ епанечкахъ.
Бьетъ полдня часъ, рабы служить къ столу бѣгутъ;
Идетъ за трапезу гостей хозяйка съ хоромъ.
Я озрѣваю столъ,—и вижу разныхъ блюдъ
Цвѣтникъ, поставленный узоромъ:
Багряна ветчина, зелены щи съ желткомъ,
Румяно-желтъ пирогъ, сыръ бѣлый, раки красны,
Что смоль, янтарь-икра, и съ голубымъ перомъ
Тамъ щука пестрая—прекрасны!
Прекрасны потому, что взоръ манятъ мой, вкусъ,
Но не обиліемъ иль чуждыхъ странъ приправой,
А что опрятно все и представляетъ Русь:
Припасъ домашній, свѣжій, здравый.
Когда же мы донскихъ и крымскихъ кубки винъ,
И липца, воронка[1]) и чернопѣнна пива
Запустимъ нѣсколько въ румяный лобъ хмелинъ,—
Бесѣда за сластьми шутлива.
Но молча вдругъ встаемъ: бьетъ, искрами горя,
Древъ русскихъ сладкій сокъ до подвѣнечныхъ бревенъ:
За здравье съ громомъ пьемъ любезнаго Царя,
Царицъ, царевичей, царевенъ.
Тутъ кофе два глотка; схрапну минутъ пятокъ;
Тамъ въ шахматы, въ шары иль изъ лука стрѣлами,
Пернатый къ потолку лаптой мечу летокъ
И тѣшусь разными играми.
Иль изъ кристальныхъ водъ, купаленъ, между древъ,
Отъ солнца, отъ людей подъ скромнымъ осѣненьемъ,
Тамъ внемлю юношей, а здѣсь плесканье дѣвъ,
Съ душевнымъ нѣкимъ восхищеньемъ,

---

[1]) Бѣлый липовый медъ и черный, съ воскомъ вареный.

Иль въ стекла оптики картинныя мѣста
Смотрю моихъ усадьбъ; на свиткахъ грады, царства,
Моря, лѣса,—лежитъ вся міра красота
Въ глазахъ, искусствъ черезъ коварства;
Иль въ мрачномъ фонарѣ любуясь, звѣзды зря
Бѣгущи въ тишинѣ по синю волнъ стремленью:
Такъ солнцы въ воздухѣ, я мню, текутъ, горя,
Премудрости ко прославленью.
Иль смотришь, какъ вода съ плотины съ ревомъ льетъ
И, движа машину, древа на доски дѣлитъ;
Какъ сквозь чугунныхъ паръ столповъ на воздухъ бьетъ;
Клокоча, огнь толчетъ и мелетъ.
Иль любопытны, какъ бумажны руны волнъ
Въ лотки сквозь иглъ, колесъ, подобно снѣгу льются
Въ пушистыхъ локонахъ, и тьмы вдругъ веретенъ
Маріиной рукой прядутся[1]).
Иль какъ на ленъ, на шелкъ цвѣтъ, пестрота и лоскъ,
Всѣ прелести, красы, берутся съ поль царицы [2]);
Сталь жесткая, глядимъ, какъ мягкій, алый воскъ,
Куется въ бердыши милицы[3]),
И сельски ратники какъ, царства ставъ щитомъ,
Бѣгутъ съ стремленьемъ въ строй во рыцарскомъ убранствѣ,
„За Вѣру, за Царя, мы, говорятъ, помремъ,
Чѣмъ у французовъ быть въ подданствѣ“!
Иль въ лодкѣ, вдоль рѣки, по брегу пѣшъ, верхомъ,
Качусь на дрожкахъ я сосѣдей съ вереницей;
То рыбу удами, то дичь громимъ свинцомъ,
То зайцевъ ловимъ псовъ станицей.
Иль, стоя, внемлемъ шумъ зеленыхъ, черныхъ волнъ,
Какъ дернъ бугритъ соха, злакъ травъ падетъ косами,

---

[1]) Прядильная машина, выписанная изъ Англіи императрицей Маріей Феодоровной.

[2]) Съ полей царицы цвѣтовъ Флоры.

[3]) Милиціи, т. е. ратниковъ ополченія.

Серпами злато нивъ,—и, ароматовъ полнъ,
Порхаетъ вѣтръ межъ нимфъ рядами.
Иль смотримъ, какъ бѣжитъ подъ черной тучей тѣнь
По копнамъ, по снопамъ, коврамъ желто-зеленымъ,
И сходитъ солнышко на нижнюю ступень
Къ холмамъ и рощамъ синетемнымъ.
Иль, утомясь, идемъ скирдовъ, дубовъ подъ сѣнь;
На брегѣ Волхова разводимъ огнь дымистый;
Глядимъ, какъ на воду ложится красный день
И пьемъ подъ небомъ чай душистый;
Забавно, въ тьмѣ челновъ съ сѣтьми какъ рыбаки,
Лѣнивымъ строемъ плывъ, страшатъ тварь влаги стукомъ;
Какъ парусы суда, и лямкой бурлаки
Влекутъ однимъ подъ пѣснью духомъ.
Прекрасно, тихіе, отлогіе брега
И рѣдки холмики, селеній мелкихъ полны
Какъ, полосаты ихъ клоня поля, луга,
Стоятъ надъ токомъ струй безмолвны.
Пріятно, какъ вдали сверкаетъ лучъ съ косы,
И эхо за лѣсомъ подъ мглой гамитъ народа,
Жнецовъ поющихъ, жницъ полкъ идетъ съ полосы,
Когда мы ѣдемъ изъ похода.
Стеклъ заревомъ горитъ мой храмовидный домъ,
На гору желтый всходъ межъ розъ осіявая,
Гдѣ встрѣчу водометъ шумитъ лучей дождемъ,
Звучитъ музыка духовая:
Изъ жерлъ чугунныхъ громъ по праздникамъ реветъ;
Подъ звѣздной молніей, подъ свѣтлыми древами
Толпа крестьянъ, ихъ женъ вино и пиво пьетъ,
Поетъ и пляшетъ подъ гудками.
Но скучитъ какъ сія забава сельска намъ,
Внутрь дома тѣшимся столицъ увеселеньемъ,
Велимъ талантами родныхъ своихъ дѣтямъ
Блистать, музыкой, пляской, пѣньемъ.
Амурчиковъ, харитъ плетень, иль хороводъ,

Занявъ у Таліи игру и Терпсихоры,
Цвѣточные вѣнки пастухъ пастушкѣ вьетъ;
А мы на нихъ и пялимъ взоры.
Тамъ съ арфы звучныя порывный въ души громъ,
Здѣсь тихогрома[1]) съ струнъ смягченны, плавны тоны
Бѣгутъ,—и въ естествѣ согласія во всемъ
Даютъ намъ чувствовать законы.
Но нѣтъ какъ праздника, и въ будни я одинъ,—
На возвышеніи сидя столбовъ перильныхъ,
При гусляхъ подъ вечеръ, челомъ моихъ сѣдинъ
Склонясь, ношусь въ мечтахъ умильныхъ,
Чего въ мой дремлющій тогда не входитъ умъ?
Мимолетящи суть всѣ времени мечтанья:
Проходятъ годы, дни, ревъ моръ и бурей шумъ,
И всѣхъ зефировъ повѣванья.
Ахъ! гдѣ жъ, ищу я вкругъ, минувшій красный день?
Побѣды, слава гдѣ, лучи Екатерины?
Гдѣ Павловы дѣла?—Сокрылось солнце,—тѣнь!..
Кто вѣсть и впредь полетъ орлиный?
Видъ лѣта краснаго намъ Александровъ вѣкъ:
Онъ сердцемъ нѣжныхъ лиръ удобенъ двигать струны;
Блаженствовалъ подъ нимъ въ спокойствѣ человѣкъ,
Но мещетъ днесь и онъ перуны.
Умолкнутъ ли они?—Сіе лишь знаетъ Тотъ,
Который къ одному концу всѣ правитъ сферы;
Онъ перстомъ ихъ Своимъ, какъ строй какой ведетъ,
Ко благу общему склоняя мѣры.
Онъ корни помысловъ, Онъ зритъ полетъ всѣхъ мечтъ
И поглумляется безумству человѣковъ:
Тѣхъ освѣщаетъ мракъ, тѣхъ помрачаетъ свѣтъ
И днешнихъ, и грядущихъ вѣковъ.
Грудь Россовъ утвердилъ, какъ стѣну онъ въ отпоръ
Темиру новому подъ Пультускомъ, Прейсшъ-Лау;

[1]) Буквальный переводъ слова: фортепіано.

Младыхъ вождей расцвѣлъ побѣдами тамъ взоръ,
А скрылъ орла сѣдаго славу [1]).
Такъ самыхъ свѣтлыхъ звѣздъ блескъ меркнетъ отъ нощей.
Что жизнь ничтожная? моя скудельна лира?
Увы? и даже прахъ спахнетъ съ моихъ костей
Сатурнъ крылами съ тлѣнна міра.
Разрушится сей домъ, засохнетъ боръ и садъ,
Не воспомянется нигдѣ и имя Званки;
Но совъ, сычей изъ дуплъ огнезеленый взглядъ
И развѣ дымъ сверкнетъ съ землянки.
Иль нѣтъ, Евгеній! Ты, бывъ нѣкогда моихъ
Свидѣтель пѣсенъ здѣсь, взойдешь на холмъ тотъ страшный,
Который, тощихъ нѣдръ и сводовъ внутрь своихъ
Вождя, волхва гробъ кроетъ мрачный,
Отъ коего, какъ громъ катается надъ нимъ,
Съ булатныхъ ржавыхъ вратъ и збруи мѣдной гулы
Такъ слышны подъ землей, какъ грохотомъ глухимъ
Въ лѣсахъ, трясясь, звучатъ стрѣлъ тулы.
Такъ, развѣ ты, отецъ, святымъ твоимъ жезломъ
Ударивъ объ доски, заросши мхомъ, желѣзны,
И свитыхъ вкругъ моей могилы змѣй гнѣздомъ
Прогонишь—блѣдну зависть—въ бездны;
Не зря на колесо веселыхъ, мрачныхъ дней,
На возвышеніе, на пониженье счастья,
Единой правдою меня въ умахъ людей
Чрезъ Кліи [2]) воскресишь согласья.
Такъ, въ мракѣ вѣчности, она своей трубой
Удобна лишь явить то мѣсто, гдѣ отзывы
Отъ лиры моея шумящею рѣкой

---

[1]) Престарѣлый главнокомандующій Михаилъ Ѳедотовичъ Каменскій, по прибытіи на театръ войны въ Польшу, сложилъ съ себя званіе. Тогда Бенигсенъ принялъ команду и отразилъ непріятеля при Пултускѣ.

[2]) Державину извѣстны были историко-литературные труды Евгенія и его „Словарь писателей“, въ которомъ помѣщена была и біографія пѣвца Фелицы.

Неслись чрезъ холмы, долы, нивы.
Ты слышалъ ихъ—и ты, будя твоимъ перомъ
Потомковъ ото сна, близъ сѣвера столицы,
Шепнешь въ слухъ страннику, вдали какъ тихій громъ:
„Здѣсь Бога жилъ пѣвецъ, Фелицы".

30) На отъѣздъ Императора.

декабря 7 дня 1812 г. [1]).

Сбылись моихъ надеждъ пророчественны силы:
Россія Францію, а съ ней Европу побѣдила.
На верхъ какой теперь мы славы взнесены!
Спокойство можетъ дать вселенной наша сила.
Пусть Греціи Александръ великъ слыветъ войной;
Но міръ кто умиритъ—тотъ болѣе душой!

31) Послѣдніе стихи Державина [2]).

Рѣка временъ въ своемъ стремленьи
Уноситъ всѣ дѣла людей
И топитъ въ пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрезъ звуки лиры и трубы,
То вѣчности жерломъ пожрется
И общей не уйдетъ судьбы!

---

[1]) На главную квартиру Кутузова для приданія большей настойчивости дѣйствіямъ нашихъ войскъ въ дѣлѣ довершенія пораженія арміи Наполеона.

[2]) Стихи, написанные Державинымъ за три дня до смерти, на аспидной доскѣ, подъ впечатлѣніемъ висѣвшей передъ поэтомъ картины: „Рѣка временъ или эмблематическое изображеніе всемірной исторіи". Стихотвореніе это напечатано было уже послѣ смерти поэта.

Матеріалы для изученія поэтической дѣятельности Державина.

1) Характеристика Державина.

Я. К. Грота.

Немногіе государственные люди знали Россію такъ, какъ Державинъ, изучившій ее лицомъ къ лицу отъ Казани до Бѣлоруссіи, отъ низовьевъ Волги до Сѣвернаго океана, отъ крестьянской хаты и солдатской казармы до царскихъ чертоговъ, немногіе такъ хорошо понимали ея историческія судьбы и призваніе. Самъ отличаясь рѣдкою энергіею и дѣятельностью, онъ велъ неутомимую борьбу противъ нѣкоторыхъ коренныхъ недостатковъ русскаго человѣка, противъ его слабости воли и безпечности, противъ равнодушнаго отношенія его къ закону и легкости, съ какою онъ даетъ употреблять себя орудіемъ враждебныхъ козней. Въ служебной дѣятельности своей Державинъ всегда руководился болѣе опытомъ жизни и практикою, нежели теоріею, часто основанною на непригодныхъ для Россіи началахъ; онъ не дорожилъ канцелярскими формальностями и бюрократическою рутиной, любилъ быстроту производства и гласность, во все вносилъ духъ жизни и правды.

Эта послѣдняя черта составляетъ существенное отличіе и поэзіи его. Въ Державинѣ жила кипучая сила, ознаменовавшаяся въ его литературномъ творчествѣ, между прочимъ, чрезвычайною производительностью. Это одинъ изъ самыхъ плодовитыхъ русскихъ писателей. Вотъ первая трудность полнаго изученія и вѣрной оцѣнки Державина. Другая причина, почему критикѣ нелегко установить свой взглядъ на него, заключается въ разнородности содержанія его сочиненій и неравенствѣ ихъ достоинства.

Превосходное смѣшано у него не только съ посредственнымъ, но и съ дурнымъ. Естественно, что въ сужденія о такомъ писателѣ должно входить много субъективнаго: каждый судитъ о немъ по тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя оказы-

ваются сильнѣе, одинъ болѣе поражается красотами его поэзіи, другой—ея недостатками, и на этомъ основаніи въ приговорахъ о немъ преобладаетъ то похвала, то порицаніе. Не оттого ли происходитъ и различіе между взглядомъ на Державина современниковъ его и большинства нынѣшнихъ его читателей? Старики видѣли въ немъ одно хорошее, внуки склонны замѣчать преимущественно дурное. И это очень понятно: справедливость требуетъ прямо допустить, что поэзія Державина представляетъ много такого, что несогласно съ понятіями и вкусомъ нашего времени. Въ сущности ода, какъ выраженіе высшаго лиризма, составляетъ совершенно законный и всѣмъ временамъ свойственный родъ поэзіи. Но естественно, что характеръ и форма ея не могутъ не видоизмѣняться по требованіямъ каждой эпохи. Оду 18-го столѣтія обыкновенно представляютъ себѣ хвалебною, льстивою по содержанію и напыщенною по формѣ. Но этими чертами обозначается собственно только весьма распространенное въ 18-мъ вѣкѣ злоупотребленіе оды, а не самая ода. Съ тѣхъ поръ литература, вмѣстѣ съ жизнью, постоянно стремилась къ упрощенію формъ, отвергая все изысканное и принужденное, всякую ложь и притворство. Свобода и простота во всѣхъ проявленіяхъ общественной жизни—такова была одна изъ главныхъ задачъ позднѣйшаго времени. Подъ условіемъ этихъ двухъ качествъ и ода могла продолжать свое существованіе, хотя уже и отказавшись отъ своего громкаго имени. Еще и подъ перомъ Пушкина она иногда воскресала, но не иначе, какъ въ чертахъ простой и мужественной красоты, какъ напр. въ его стихотвореніяхъ: „Наполеонъ“, „Бородинская Годовщина“, „Клеветникамъ Россіи“.

Но первый шагъ къ измѣненію у насъ характера оды 18-го столѣтія, введенной Ломоносовымъ, а вмѣстѣ и первый шагъ къ переходу русской поэзіи въ новый періодъ былъ сдѣланъ Державинымъ. Въ „Фелицѣ“ и въ примыкающихъ къ ней стихотвореніяхъ онъ создалъ новый родъ оды, который можно назвать русской народной одой. Но, найдя въ ней настоящую

сферу для своего поэтическаго призванія, Державинъ не могъ вполнѣ отречься и отъ торжественной лирики, въ которой съ неменьшимъ блескомъ являлся его талантъ къ изображенію великихъ дѣлъ и помысловъ человѣка или картинъ природы. Жаль только, что богатству воображенія и высокому настроенію духа не вполнѣ соотвѣтствовало у него умѣнье владѣть языкомъ и художественное чувство. Конечно, и торжественныя оды его, по оригинальности замысла и достоинству подробностей, не похожи на другія стихотворенія этого рода; но нельзя отрицать, что рядомъ съ первоклассными красотами поэзіи у него встрѣчается реторическій паѳосъ, и иногда послѣ выразительнаго возвышенія, поэтъ вдругъ падаетъ, а въ тоже время и языкъ его мѣстами становится въ высшей степени небрежнымъ и неправильнымъ. И вотъ эти-то недостатки мѣшаютъ многимъ справедливо оцѣнивать Державина какъ поэта.

Неровность языка составляетъ въ немъ одно изъ загадочныхъ на первый взглядъ явленій. Съ одной стороны, кажется страннымъ, какъ человѣкъ, не знающій основательно ни грамматики, ни орѳографіи, часто достигаетъ такой пластичности выраженія, такого плавнаго и легкаго стиха, такой легкой и звучной поэтической фразы, какія свойственны только мастеру дѣла. Съ другой стороны, насъ поражаетъ его тяжелая, запутанная неуклюжая проза; наконецъ рядомъ съ совершеннымъ невѣдѣніемъ теоріи слова у него является удивительное богатство матеріала изо всѣхъ сферъ языка: изъ церковно-славянскаго, изъ русскаго книжнаго, изъ простонароднаго, и даже изъ областныхъ нарѣчій. Но противорѣчія, замѣчаемыя въ стихотворномъ языкѣ Державина, объясняются тѣмъ, что онъ, обладая изумительнымъ природнымъ чутьемъ, вообще отличающимъ талантъ, могъ удачно побѣждать трудности версификаціи только тогда, когда былъ окрыленъ вдохновеніемъ, но, никогда не вникавъ въ разнообразныя формы и законы языка, не умѣлъ совладать съ нимъ въ обыкновенномъ, какъ бы будничномъ настроеніи духа. Точно также

онъ вовсе не имѣлъ понятія о законахъ художественной стройности произведенія, и оттого то проистекаетъ господствующее въ его одахъ отсутствіе выдержанности. Эти два существенные недостатка его стихотвореній, неровность языка и слабость художественнаго элемента, всегда останутся тѣнями въ его поэтической славѣ. Естественно, что послѣ совершенства, достигнутаго позднѣйшими поэтами не только въ формѣ, но и въ художественной разработкѣ содержанія, недостатки поэзіи Державина должны сильно чувствоваться въ настоящее время.

Но нашъ взглядъ на писателя другой эпохи никогда не будетъ вѣренъ, если мы, увлекаясь только требованіями настоящаго, не будемъ умѣть стать твердо на почву исторической критики. Посмотримъ теперь, чѣмъ Державинъ былъ для своихъ современниковъ.

Конечно, тогдашнее общество сознавало тѣсную его связь съ собою: иначе оно не могло бы такъ горячо сочувствовать его поэзіи. Потомкамъ трудно представить себѣ неимовѣрную славу, какою Державинъ пользовался въ свое время. Послѣ Ломоносова въ русской литературѣ только и было два писателя, къ которымъ такъ чутко и восторженно прислушивалось общество: Державинъ и Пушкинъ. Всякое новое произведеніе ихъ переписывалось сотнями рукъ, быстро разносилось въ отдаленнѣйшіе концы Россіи и выучивалось наизусть; часто даже и напечатанные стихи ихъ продолжали распространяться въ спискахъ. Поэтому любопытно изслѣдовать, что именно въ такой степени влекло къ нему современниковъ, почему они такъ понимали и цѣнили его. Необходимо всмотрѣться, дѣйствовали ли на нихъ вѣчные нестарѣющіеся элементы поэзіи, или только случайные интересы минуты, теряющіе цѣну для потомства.

Когда началась литературная извѣстность Державина, прошло уже около двадцати лѣтъ съ воцаренія Екатерины; уже давно славился ея „Наказъ“, учреждены были банки и воспитательные дома, присоединена Бѣлоруссія, заключенъ

миръ въ Кучукъ-Кайнарджи, устраивались намѣстничества. Государыня успѣла уже поразить воображеніе своихъ подданныхъ блескомъ славныхъ дѣлъ и внушить имъ довѣріе къ ея мудрости и величію. Уже всѣ сознавали кроткій, благотворный духъ ея царствованія. Много было попытокъ воздать ей стихами заслуженную хвалу; но всѣ эти напыщенныя оды, не имѣвшія никакого отношенія къ жизни, оставались незамѣченными. Тогда то раздался голосъ поэта, который облекъ въ живое, игривое слово то, что многіе чувствовали, но не умѣли выразить. Въ „Фелицѣ“ воплотилась геніальная Екатерина не только со всѣмъ своимъ величіемъ, но и со всею своею глубокою человѣчностью, со своими либеральными воззрѣніями и цѣлями, со своею снисходительной привѣтливостью, со своими литературными занятіями въ тиши царственнаго кабинета. Притомъ она явилась тутъ не одна, но во всемъ блестящемъ своемъ окруженіи, въ средѣ своихъ пышныхъ и прихотливыхъ вельможъ. Въ описаніи ея и ихъ образа жизни, въ тонѣ обращенія поэта къ сильнымъ міра, обитающимъ на высотахъ, считавшихся недосягаемыми, было столько новаго и смѣлаго, что образованное общество съ восторгомъ привѣтствовало появленіе необыкновеннаго таланта.

Но Фелица имѣла еще и другое, чисто-литературное значеніе. Незадолго передъ тѣмъ начали слышаться выходки противъ тяжелыхъ бездушныхъ одъ, которыя наводняли литературу; уже ощущалась потребность чего нибудь болѣе живого, и „Фелица“ явилась неожиданнымъ отвѣтомъ на эту потребность. Шуточно-сатирическій тонъ этой оды, простой языкъ и легкій, естественный стихъ были такъ поразительны, что произведенное ею впечатлѣніе можетъ быть сравнено развѣ только съ тѣмъ, какое ода Ломоносова на взятіе Хотина произвела на его современниковъ своимъ новымъ размѣромъ и складомъ.

Но самымъ существеннымъ условіемъ успѣха „Фелицы“ была та искренность, которую въ ней почувствовали, и это свойство, безъ котораго немыслимо полное торжество таланта,

сдѣлалось одною изъ отличительныхъ принадлежностей поэзіи Державина. Безъ искренняго чувства онъ не могъ воодушевлять ея; тогда ни одинъ писатель не становился такъ безсиленъ, какъ Державинъ. Однихъ житейскихъ побужденій было недостаточно, чтобы дать крылья его таланту; оды „Изображеніе Фелицы“ и „На восшествіе на престолъ императора Павла“, хотя и предпринятыя имъ по внѣшнему побужденію, удались ему потому, что онъ дѣйствительно чувствовалъ все, въ нихъ высказанное. Напротивъ, когда императрица приблизила его къ себѣ, сдѣлавъ его своимъ секретаремъ, когда для него была бы особенно выгодна роль придворнаго пѣвца, тѣмъ болѣе, что сама Екатерина не разъ вызывала его писать стихи въ родѣ „Фелицы“, — онъ не въ состояніи былъ создать ничего подобнаго, потому что, какъ самъ говоритъ, приближеніе ко двору, гдѣ онъ увидѣлъ передъ собой игру человѣческихъ страстей, охладило его, и онъ уже „почти ничего не могъ написать горячимъ, чистымъ сердцемъ въ похвалу государыни“.

Придворнымъ стихотворцемъ Державинъ никогда не былъ и не могъ быть; правда, что духъ современной ему литературы и самыя обстоятельства сильно влекли его въ сферу подобной дѣятельности, но тому противилась, съ одной стороны, сила и самобытность его таланта, а съ другой — энергическій его характеръ. Хвалебное стихотворство, какимъ оно является при разныхъ европейскихъ дворахъ прошлаго столѣтія, отличается холодною высокопарностью и бездушною сухостью. Поэзія Державина остается чуждою этого характера, и если нѣкоторыя изъ его одъ по направленію дѣйствительно подходятъ подъ этотъ разрядъ стихотворства, то по разсѣяннымъ въ нихъ красотамъ, онѣ носятъ однакожъ печать истинно-поэтическихъ созданій. Слѣдуетъ замѣтить, что въ отношеніи почти ко всѣмъ фаворитамъ Екатерины Державинъ хранилъ молчаніе. Даже Потемкина, при жизни его, онъ хвалилъ мало; въ Платонѣ Зубовѣ онъ похвалилъ его музыкальный талантъ и привѣтствовалъ этого вельможу за ласковый пріемъ

въ его домѣ. Валеріанъ Зубовъ внушилъ ему стихи своимъ несчастьемъ въ Кальтѣ и подвигами въ Персіи, Державинъ искренно уважалъ его, какъ человѣка. О другихъ любимцахъ нѣтъ и помину въ его стихахъ. Нельзя также забыть, что Суворова и Валеріана Зубова онъ продолжалъ воспѣвать въ то время, когда они были въ немилости и въ какую же пору? въ царствованіе императора Павла.

Главная ода Державина въ честь Потемкина написана была по смерти его. „Водопадомъ“ онъ воплотилъ въ величественный и вѣчный образъ свое глубоко-поэтическое пониманіе этого необыкновеннаго человѣка, который еще далеко не разъясненъ исторіей, но конечно не даромъ сохранилъ до конца полную довѣренность Екатерины и оставался во всѣхъ обстоятельствахъ ея совѣтникомъ — „рѣшитель думъ ея въ войнѣ и мирѣ, могущъ, хотя и не въ порфирѣ“. Въ этой удивительной одѣ Державинъ проявилъ во всей полнотѣ именно ту сторону своего духа, въ которой главнымъ образомъ заключалась тайна его могущественнаго дѣйствія на современниковъ. „Пѣвцомъ величія“ называлъ его Гоголь и это чрезвычайно мѣтко. Такимъ является Державинъ въ двухъ отношеніяхъ: какъ выразитель великихъ общечеловѣческихъ идей и какъ пѣвецъ величія Россіи и русскаго народа.

Если обратимся къ общимъ направленіямъ 18-го столѣтія, то найдемъ, что важная дума о человѣкѣ, о его отношеніи къ высшему міру и положеніи въ здѣшнемъ составляли вездѣ одну изъ господствующихъ темъ литературы и искусства. Это настроеніе проникло и къ намъ; но тогда какъ у другихъ русскихъ писателей оно порождало только скучное прозаическое нравоученіе, оно же у Державина становилось основою сильнаго и глубокаго лиризма. Даже и изъ лириковъ другихъ націй не было ни одного, который бы такими рѣзкими чертами, въ такихъ потрясающихъ картинахъ, умѣлъ выставлять противоположность между роскошью земныхъ наслажденій и ихъ непрочностью, и вмѣстѣ такъ сознательно изображать высоту духовной нашей природы.

Зная исторію дѣтства и юности Державина, мы недоумѣваемъ, какъ могъ развиться такой высокій идеалъ въ человѣкѣ, который не получилъ почти никакого воспитанія и провелъ лучшій возрастъ въ самомъ дурномъ обществѣ — сперва рядовымъ, въ низшей полковой сферѣ, а потомъ офицеромъ, въ смутѣ разврата, въ праздности, карточной игрѣ и разгулѣ всякаго рода. Но здѣсь мы находимъ и разгадку явленія. Изъ гибельной борьбы страстей эта сильная натура вышла съ торжествомъ, благодаря глубоко запечатлѣннымъ въ молодой душѣ воспоминаніямъ дѣтства и опытамъ жизни.

Дорого купленное нравственное перерожденіе отразилось въ поэзіи Державина религіознымъ ея направленіемъ въ послѣдующее время. Самымъ рѣшительнымъ выраженіемъ этого направленія была его ода „Успокоенно Невѣріе", которая, по собственнымъ его словамъ, первая обратила на него вниманіе любителей литературы, вѣроятно, переработанная имъ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ перваго ея зарожденія. Такимъ образомъ, и въ области духовной лирики, въ которой вѣнцомъ его славы сдѣлалась впослѣдствіи ода „Богъ", Державинъ собственнымъ опытомъ выстрадалъ свое творчество и здѣсь мы встрѣчаемся съ тою искренностью, на которую уже было указано, какъ на одно изъ существенныхъ свойствъ его духа, съ тѣмъ чистосердечіемъ, о которомъ самъ онъ говоритъ въ своемъ „Признаніи".

Объ одѣ „Богъ" въ наше время судили различно. Съ своей стороны, замѣчу только, что причины ея безпримѣрнаго успѣха должно искать въ силѣ ея лирическаго полета, глубинѣ религіознаго убѣжденія и величіи начертанныхъ въ ней образовъ. Сравнивъ оду „Богъ" съ лучшими произведеніями другихъ европейскихъ литературъ въ томъ же родѣ, мы будемъ невольно поражены ея превосходствомъ со стороны движенія, высоты лиризма и поражающей картинности. Въ отношеніи къ его духовной поэзіи вообще, можно прибавить, что въ ней, по замѣчанію покойнаго митрополита Арсенія, обнаруживается большое знаніе церковнаго богословія.

Потрясая своихъ современниковъ, какъ защитникъ Божіей правды на землѣ, Державинъ не менѣе возбуждалъ ихъ сочувствіе пламеннымъ изображеніемъ величія судебъ Россіи, ея исполинской силы и обширности, ея грознаго торжества надъ всѣми врагами. То была пора гордаго, юношескаго самосознанія русскаго общества, и Державинъ сдѣлался органомъ этого сознанія, или вѣрнѣе самочувствія.

Для таланта Державина было особеннымъ счастьемъ, что пора полнаго его развитія совпала съ царствованіемъ Екатерины. Въ этотъ героическій вѣкъ русской исторіи событія и люди своими исполинскими размѣрами именно соотвѣтствовали смѣлости этой оригинальной фантазіи, размаху этой широкой своенравной кисти. Въ тогдашней Россіи на всѣхъ поприщахъ дѣятельности встрѣчаются лица, которыя при всемъ разнообразіи своихъ физіономій, представляютъ одну черту общаго сходства: это—ихъ рѣзкія особенности, дающія имъ какъ бы типическій характеръ. Орловы, Потемкинъ, Суворовъ, Безбородко и другіе—все это чрезвычайно оригинальныя, своеправно обозначившіяся личности, въ которыхъ слабости такъ-же рѣзки, какъ и достоинства: во всѣхъ ихъ много поразительнаго, страннаго, загадочнаго для насъ, людей 19-го вѣка. Всѣ эти своеобразныя лица, вмѣстѣ съ громадными событіями, въ которыхъ они участвовали, прошли сквозь призму поэзіи Державина, и мысль, не разъ уже выраженная, что въ созданіяхъ его живетъ цѣлая эпопея чудной эпохи, совершенно справедлива. Если для таланта Державина было счастіемъ жить въ вѣкѣ Екатерины, то съ другой стороны, и время это могло гордиться появленіемъ поэта, призваннаго увѣковѣчить его въ образахъ. Но не одни герои встаютъ у него, какъ живые: онъ сохранилъ намъ очертанія и многихъ лицъ совершенно другого характера. И надъ всѣми этими лицами сподвижниковъ или приближенныхъ Екатерины господствуетъ ея образъ, самый разительный и величавый изъ всѣхъ не по одному мѣсту, которое она занимаетъ, но по истинному величію и генію. Никто не понималъ ея такъ высоко, никто

не изображалъ ея съ такимъ одушевленіемъ, съ такою поэтическою истиною и наглядностью, какъ Державинъ. Тѣ созданія его, которыя рисуютъ Екатерину, лучше исторіи сохранятъ для потомства прекраснѣйшія стороны ея существа и дѣятельности.

По мнѣнію нѣкоторыхъ критиковъ, Державинъ изображалъ только внѣшнія событія; но, вникнувъ глубже въ содержаніе его поэзіи, съ этимъ нельзя будетъ согласиться. Внѣшнія событія дѣйствительно доставляли поводъ къ его стихотвореніямъ и служили имъ рамкою; но достаточно прослѣдить ходъ его мыслей въ одахъ, посвященныхъ Фелицѣ, Шувалову и Строганову, въ „Вельможѣ", въ „Монументѣ Милосердія", чтобы убѣдиться, что самое глубокое сочувствіе питалъ онъ къ гражданской доблести, къ духу царствованія Екатерины, къ возникшимъ съ нею либеральнымъ и гуманнымъ идеямъ, которыхъ первымъ изъяснителемъ онъ и явился, какъ одинъ изъ передовыхъ людей своего времени.

Замѣчательно, что Державинъ былъ свидѣтелемъ и пѣвцомъ двухъ величайшихъ эпохъ славы Россіи. Онъ видѣлъ дѣла и торжества Екатерины, видѣлъ ужасы и усмиреніе Пугачевщины, славилъ подвиги Румянцева и Суворова, пѣлъ Елисаветинскаго министра Шувалова, и на его же вѣку совершилось нашествіе и паденіе Наполеона, прославился Александръ со своими полководцами и молодыми министрами. Какіе два различные вѣка, одинъ съ своимъ грознымъ концомъ, другой съ своимъ свѣтлымъ началомъ встрѣтились на глазахъ Державина! При воцареніи Александра талантъ поэта еще не утратилъ всей своей силы и въ его привѣтствіяхъ молодому царю слышались величавые отголоски лиры, славившей Фелицу. Достойно Екатерины обрисованъ имъ и внукъ ея, котораго Державинъ, уже при рожденіи его, въ поэтическомъ предчувствіи нарекъ человѣкомъ на тронѣ и котораго роль, какъ примирителя Европы, была имъ предначертана уже при самомъ началѣ войнъ съ Наполеономъ.

Такимъ образомъ, разнородныя явленія двухъ великихъ

эпохъ отразились различно въ поэзіи Державина, и не безъ основанія нѣкоторые писатели давно называли его поэтомъ-лѣтописцемъ своего времени. Такъ, когда литературное наслѣдіе его сдѣлалось извѣстнымъ во всемъ своемъ объемѣ, историческая сторона его стихотвореній выдается еще полнѣе и разительнѣе. Обстановленныя собственными его объясненіями, они становятся новою хроникою эпохи. При совершенномъ почти отсутствіи политическаго элемента въ тогдашнихъ нашихъ періодическихъ листахъ, при малочисленности у насъ мемуаровъ и сравнительной бѣдности анекдотической исторіи, сочиненія Державина, богатыя примѣненіями къ обстоятельствамъ и лицамъ, пріобрѣтаютъ еще не довольно оцѣненное значеніе. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаютъ его посмертныя мелочи, какъ то: эпиграммы, надписи и т. п., которыя уже имъ самимъ приготовлены были къ печати. Изъ нихъ мы въ первый разъ почерпаемъ историко-литературныя подробности, видимъ отношенія между тогдашними дѣятелями, узнаемъ тогдашніе взгляды на событія и лица, знакомимся короче съ тѣми вліяніями, подъ которыми находился самъ поэтъ. Съ этой стороны, его сочиненія всегда будутъ представлять обильный запасъ историческихъ данныхъ для ближайшаго изученія его времени. Передъ нами проходитъ въ его стихахъ цѣлая жизнь даровитаго русскаго писателя, тысячами нитей связанная съ жизнью всей эпохи.

И посреди всѣхъ лицъ, ярко начертанныхъ его кистью, съ особенною выпуклостью выступаетъ его собственный образъ, эта характерная физіономія сына Россіи XVIII вѣка. Державинъ неоспоримо принадлежитъ къ разряду тѣхъ типическихъ лицъ царствованія Екатерины, на которыхъ мы указывали; къ нему самому, какъ поэту, можно отнести слова, сказанныя имъ въ „Водопадѣ“ Потемкину:

Не шелъ ты средь путей извѣстныхъ,
Но пролагалъ ихъ самъ....

Оставляя за нимъ всѣ слабости и темныя стороны, мы всетаки должны признать въ немъ необыкновеннаго человѣка, который силою природныхъ способностей и энергической воли возвысившись изъ ничтожества, достигъ вліянія, почестей и славы. Какъ ни полонъ онъ противорѣчій, мы не можемъ не видѣть въ немъ въ высшей степени замѣчательнаго кореннаго русскаго по воспитанію, быту, уму и нраву. Несмотря на раннее, случайное знакомство его съ нѣмецкимъ языкомъ, ни его молодость, ни дальнѣйшая жизнь не могли привить къ нему ничего иностраннаго. Онъ родился и выросъ въ провинціи, въ приволжскихъ низовыхъ губерніяхъ; обстановка, среди которой онъ развивался, была довольно сходна съ тою, которую въ наше время такъ искусно и вѣрно изобразилъ нашъ покойный авторъ „Семейной Хроники". Во всѣхъ сочиненіяхъ Державина явственно проглядываетъ его глубокое знакомство съ жизнью и языкомъ народа, его давнее сліяніе съ церковью, его совершенное знаніе библіи и богослужебныхъ пѣсенъ. Первоначальная основа воспитанія была у него общая съ Ломоносовымъ; но какъ расходятся затѣмъ пути ихъ развитія. Классическое образованіе едва коснулось Державина скудными уроками латыни въ казанской гимназіи; ему не удалось побывать въ чужихъ краяхъ. Довольно обширныя историческія и литературныя знанія, которыми онъ насъ нерѣдко удивляетъ въ своихъ сочиненіяхъ, были плодомъ собственныхъ его трудовъ и большой начитанности. Въ Россіи, сравнительно съ другими странами, богатой самоучками, Державинъ является однимъ изъ самыхъ блестящихъ явленій этого рода. Вслѣдствіе того, образованіе его представляло, конечно, много пробѣловъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ онъ легче могъ сохранить полную самостоятельность и сдѣлаться оригинальнымъ. У русскихъ не было другого писателя, который бы представлялъ такія отличительныя черты творчества. Своеправное воображеніе его уже давно оцѣнено; но въ его умѣ было одно свойство, на которое, кажется, еще не обращалось довольно вниманія: это какая то насмѣшли-

вость или какъ ее тогда называли, издѣвка, которая иногда прорывалась у него посреди самаго торжественнаго настроенія и за которую Екатерина въ душѣ не любила его. Слѣдуя современнымъ литературнымъ обычаямъ, Державинъ хвалилъ, но посреди похвалы онъ готовъ былъ какъ будто невзначай разразиться („брякнуть въ слухъ“) какимъ нибудь смѣлымъ словомъ истины. Этимъ Державинъ особенно гордился, какъ выраженіемъ своего правдолюбія. По ходу всего его развитія рѣзкія противоположности были неизбѣжны въ существѣ его, и съ исканіемъ милости сильныхъ, какъ чертою тогдашнихъ нравовъ, въ немъ дѣйствительно соединялась прямота, выработанная собственнымъ его характеромъ— источникъ многихъ невзгодъ, постигшихъ его въ жизни. И такъ, чисто русская натура, выразившаяся въ поэзіи Державина, хотя со всѣми недостатками вѣка, его ясный сатирическій умъ, его пылкій нравъ, его здравый смыслъ, чуждый всякой болѣзненной сантиментальности и холодной отвлеченности, наконецъ его изумительно могучее и яркое воображеніе, — вотъ что составляетъ сущность его таланта и всегда останется достойнымъ изученія.

Все это придало поэзіи Державина оригинальный характеръ. Справедливо было замѣчено, что онъ изъ предѣловъ какой то безпочвенной области витіеватыхъ возгласовъ свелъ поэзію въ міръ осязательной дѣйствительности и жизни. Ломоносовскіе земные боги еще остались по прежнему на сценѣ, но они явились теперь съ людскими страстями и заговорили языкомъ человѣческимъ. Удаленіе Державина отъ школы, его влеченіе къ непосредственной жизни, его практическій смыслъ были первымъ началомъ всего возрожденія русской литературы. Отсюда уже ясно, какъ одностороннее мнѣніе, будто онъ не имѣлъ никакого вліянія на дальнѣйшія судьбы нашей поэзіи. Правда, что онъ не создалъ школы: хотя въ подражателяхъ ему и не было недостатка, но такъ какъ они не имѣли его таланта, то ихъ произведенія, нося на себѣ чуждый и искусственный отпечатокъ, не могли занять мѣста въ

исторіи литературы. Но Державинъ не только подалъ примѣръ сближенія поэзіи съ жизнью: онъ же первый, въ свое время, сталъ вводить въ русскую поэзію народность, которой начатки мы встрѣчаемъ только у Ломоносова. Народность явилась у Державина частью въ характерѣ его воззрѣній на природу, человѣка, общество, церковь въ духѣ его сатиры и шутки, частью въ изображеніи имъ разныхъ сторонъ русскаго быта, напр. въ „Кружкѣ" въ „Фелицѣ", въ одѣ „На счастіе", въ „Похвалѣ сельской жизни", въ посланіи къ Платову. Народность выразилась также въ языкѣ Державина. Несмотря на частую неточность и даже неправильность его оборотовъ, на встрчающееся нерѣдко небрежное обращеніе его съ формами языка, рѣчь его замѣчательна, во-первыхъ, своимъ поэтическимъ благородствомъ, во вторыхъ, чисто-русскимъ складомъ, обиліемъ выраженій и словъ, почерпнутыхъ изъ простонароднаго быта, наконецъ, умѣстнымъ употребленіемъ пословицъ и поговорокъ и заимствованіями изъ русской сказочной и пѣсенной литературы.

Но что еще болѣе обѣщаетъ прочности его славѣ, это тотъ великій нравственный и общественный идеалъ, который онъ постоянно стремился выставлять передъ своими согражданами. Его ода „Властителямъ и Судіямъ", циклъ одъ, изображающихъ „Фелицу", „Вельможа", ода „На возвращеніе Валеріана Зубова" (бывшаго тогда въ опалѣ) и нѣкоторыя другія поражали современниковъ своею смѣлостью. Въ одѣ „Властителямъ и Судіямъ" онъ, именемъ совѣсти и Бога, взываетъ ко всѣмъ земнымъ властямъ вообще. Въ „Фелицѣ" уяснилъ онъ самой Екатеринѣ идеалъ, къ которому она стремилась. Какъ ей, такъ и двумъ ея преемникамъ онъ, въ видѣ похвалъ, часто давалъ совѣты, выражалъ общественныя желанія, начертывалъ какъ бы программу достойной монарха дѣятельности. Въ „Вельможѣ" онъ противуполагаетъ могущественнымъ въ то время Зубову и Самойлову бывшаго долго въ немилости Румянцова и ставитъ его всѣмъ, власть имѣющимъ, въ примѣръ скромной доблести. Но трудно было бы

исчислить всѣ тѣ оды, въ которыхъ онъ, по словамъ Гоголя, усиливается начертать образъ крѣпкаго мужа правды, закаленнаго въ дѣлѣ жизни и борьбѣ, и этому идеалу умѣетъ онъ всегда придать черты того величія, о которомъ мы уже говорили. Что намъ нужды до того, что самъ онъ на дѣлѣ не вполнѣ осуществилъ этотъ идеалъ? Довольно, что въ минуты творчества онъ служилъ великимъ идеямъ человѣчества съ такимъ жаромъ, какого мы не замѣчаемъ ни у кого изъ другихъ поэтовъ. Силою своего пламеннаго воображенія, своей здравой мысли и рѣзкаго слова онъ переноситъ насъ въ тотъ высшій нравственный міръ, гдѣ умолкаютъ страсти, гдѣ мы невольно сознаемъ ничтожество всего житейскаго и преклоняемся передъ духовнымъ величіемъ. Таково содержаніе главныхъ одъ Державина: не смотря ни на какія измѣненія временъ, ни на какія успѣхи просвѣщенія и языка, образы, имъ начертанные, сохранятъ всегда свою яркость, и до тѣхъ поръ, пока идеи Бога, безсмертія души, правды, закона и долга будутъ жить не пустыми звуками на языкѣ русскаго народа, до тѣхъ поръ имя Державина, какъ общественнаго дѣятеля и поэта, не утратитъ въ потомствѣ своего значенія.

2) Поэзія Державина.

В. Г. Бѣлинскаго.

Цѣлый вѣкъ раздѣляетъ молодыя поколѣнія нашего времени отъ пѣвца Екатерины... Но отъ смерти Державина едва прошло четверть вѣка,—и не смотря на то, кажется, цѣлыя вѣка шли между имъ и нами... Читая его стихотворенія, теперь уже почти ничего не понимаешь въ нихъ безъ историческихъ нраво-описательныхъ комментарій на вѣкъ, котораго онъ былъ органомъ... Языкъ, образъ мыслей, чувства, интересы — все, все чуждо нашему времени... Но не умеръ Державинъ, такъ же, какъ не умеръ вѣкъ, имъ прославленный; вѣкъ Екатерины приготовилъ вѣкъ Александра, приготовившій нашъ вѣкъ,—между Державинымъ и поэтами нашего

времени существуетъ также кровно-родственная историческая связь, которая существуетъ и между этими тремя эпохами русской исторіи...

Ни объ одномъ поэтѣ не можетъ существовать столь противоположныхъ мнѣній, какъ о Державинѣ. Если разсматривать его съ эмпирически-исторической точки, то каждый стихъ его кажется чудомъ совершенства, а самъ онъ явится однимъ изъ величайшихъ поэтовъ древняго и новаго міра. Если же взглянуть на него съ чисто-эстетической точки, то можно поставить его чуть чуть не наравнѣ съ Сумароковымъ. Но то и другое заключеніе равно будутъ ложны и нелѣпы...

Какъ общечеловѣческое искусство, такъ и искусство каждаго народа, отдѣльно взятаго, имѣетъ свою исторію, которая есть ничто иное, какъ картина развитія искусства отъ его первоначальнаго исходнаго пункта до послѣдняго заключительнаго звена. Постепенность и послѣдовательность — законъ всякаго развитія. Если бы кто нибудь напечаталъ въ газетахъ, что посаженное имъ въ землю зерно изъ яблока взошло не стебелькомъ, а прямо яблокомъ, — всѣ стали бы надъ этимъ смѣяться, какъ надъ нелѣпостью, хотя бы это и было напечатано. Но когда писали и печатали, что лѣтъ черезъ тридцать послѣ первой оды Ломоносова („На взятіе Хотина“) явился на Руси поэтъ, одинъ совмѣстившій въ себѣ и Пиндара, и Горація, и Анакреона, и превзошедшій всѣхъ ихъ, порознь и вмѣстѣ взятыхъ,—надъ этимъ и теперь еще все смѣются, какъ надъ нелѣпостью...

Мы сказали выше, что ни одно стихотвореніе Державина не выдержитъ самой снисходительной эстетической критики. Дѣйствительно, ничего не можетъ быть слабѣе художественной стороны стихотвореній Державина. Содержаніе ихъ, по большей части, составляютъ нравственныя сентенціи, расположенныя и распространенныя риторически, въ формѣ разсужденія или диссертаціи. Отъ этого многія оды его непомѣрно длинны, непомѣрно прозаичны и... непомѣрно скучны. Истина составляетъ такое же содержаніе поэзіи, какъ и философіи,

а со стороны содержанія поэтическое произведеніе—тоже самое, что и философскій трактатъ; въ этомъ отношеніи нѣтъ никакой разницы между поэзіей и мышленіемъ. И, однакоже, поэзія и мышленіе далеко не одно и тоже: онѣ рѣзко отдѣляются другъ отъ друга своею формою, которая и составляетъ существенное свойство каждаго... Мышленіе дѣйствуетъ прямо черезъ разумъ и на разумъ... Въ поэзіи, напротивъ, фантазія является главною дѣйствующею силой, черезъ которую исключительно совершается процессъ творчества. Поэзія разсуждаетъ и мыслитъ—это правда, ибо ея содержаніе есть такъ-же истина, какъ и содержаніе мышленія; но поэзія разсуждаетъ и мыслитъ образами и картинами, а не силлогизмами и диллемами. Всякое чувство и всякая мысль должны быть выражены образно, чтобъ быть поэтическими. Кто не одаренъ творческою фантазіею, способною превращать идеи въ образы, мыслить, разсуждать и чувствовать образами, тому не помогутъ сдѣлаться поэтомъ ни умъ, ни чувство, ни сила убѣжденій и вѣрованій, ни богатство разумно-историческаго и современнаго содержанія. И если бы не такъ, то всего легче было бы сдѣлаться поэтомъ: стоило бы только узнать правила версификаціи, да благословясь, и начать писать диссертаціи размѣренными строчками, завостренными рифами...

Стихотворенія Державина всѣ, болѣе или менѣе, отличаются характеромъ риторическимъ, и, по крайней мѣрѣ, большая часть ихъ походитъ на диссертацію въ стихахъ... По величинѣ своей многія оды Державина рѣшительно не имѣютъ ничего общаго съ лирическою поэзіею. Лирика есть выраженіе преимущественно чувства, а въ этомъ отношеніи она приближается къ музыкѣ, которая исключительно изъ всѣхъ искусствъ, дѣйствуетъ прямо и непосредственно на чувство. Одна пьеса не можетъ быть выраженіемъ двухъ различныхъ чувствъ, а чувство проходитъ по душѣ мгновенно, какъ тотъ трепетъ восторга, отъ котораго священный холодъ пробѣгаетъ по тѣлу и „восторженною ратью“ поднимаетъ волоса на головѣ человѣка... И если такое чувство неослабно будетъ

владѣть читателемъ во все время, необходимое для прочтенія даже восьмидесяти, не только четырехъ-сотъ-пятидесяти стиховъ,—человѣческая натура не выдержитъ того, и результатомъ восторженнаго чтенія должны быть болѣзнь, утомленіе... Поэма, драма и, особенно, романъ — другое дѣло: тамъ умъ часто даетъ отдыхать чувству; тамъ комическія сцены и, по сущности выражаемыхъ предметовъ, прозаическія мѣста возбуждаютъ въ читателѣ разнообразныя ощущенія. Но держаться, въ продолженіи добраго получаса, или и болѣе, въ одномъ чувствѣ, въ одинаковой настроенности души,—это неестественно и потому невозможно. Державинъ въ поименованныхъ нами пьесахъ, кажется, всего менѣе разсчитываетъ на чувство: стихотворенія эти холодны и прозаичны, какъ школьная диссертація, стихи въ нихъ дурны до послѣдней степени, и рѣдко, очень рѣдко кой-гдѣ проблескиваютъ искорки одушевленія, сейчасъ и погасая въ водѣ риторики. Кажется, главною его заботою было высказать о предметѣ все, что только могъ онъ придумать о немъ. Порядка въ его мысляхъ нѣтъ никакого, а потому его длинныя резонерствующія оды не имѣютъ достоинства даже хорошо расположеннаго и округленнаго школьнаго разсужденія.

Конечно, не всѣ оды Державина таковы: но главный характеръ указанныхъ нами—длиннота, резонерство, риторика, безъобразность — болѣе или менѣе преобладаетъ рѣшительно во всѣхъ одахъ. Гармонической соотвѣтственности идеи съ формою, пластичности образовъ — въ нихъ нечего и искать. Читая оную оду Державина, иногда вы вдругъ увлекаетесь возвышенностью мысли, энергіей чувства, размашистымъ полетомъ фантазіи,—и вдругъ неловкій стихъ, натянутый оборотъ, странное выраженіе, а иногда риторика охлаждаютъ вашъ восторгъ, — и вы испытываете это нѣсколько разъ при чтеніи одной и той же оды, и по окончаніи ея чувствуете себя утомленнымъ и встревоженнымъ, но не удовлетвореннымъ и не услажденнымъ. Такъ, напр. „Водопадъ“ принадлежитъ къ числу блистательнѣйшихъ созданій Державина, а

между тѣмъ въ немъ то и увидите вы полное оправданіе нашей мысли объ общихъ недостаткахъ его поэзіи. Уже самая огромность этой оды показываетъ, что въ ея концепціи участвовала не одна фантазія, но и холодный разсудокъ. Поводомъ къ этой одѣ была вѣсть о кончинѣ Потемкина, поразившая поэта скорбнымъ чувствомъ и представившая его духовному оку въ новомъ свѣтѣ колоссальный образъ величайшаго изъ современныхъ ему героевъ. Это скорбное чувство, это возвышенное созерцаніе и должно было бы составить содержаніе оды. Но поэтъ приплелъ сюда же Румянцева, который, сидя подъ наклоненнымъ кедромъ, мечтаетъ о славѣ и времени, потомъ засыпаетъ и видитъ во снѣ свои подвиги, потомъ просыпается отъ грома сокрушенной ели и падшаго холма и видитъ передъ собой Россію въ образѣ воинственной жены, которая взываетъ къ нему: „Проснись"; при видѣ ея, онъ

„Вздохнулъ, и испустя слезъ дождь,
Вѣщалъ: „Знать, умеръ нѣкій вождь"!

и началъ разсуждать объ обязанностяхъ истиннаго вождя, о томъ, что лучше быть „менѣе извѣстнымъ, но болѣе полезнымъ" и т. п. Весь этотъ эпизодъ занимаетъ тридцать одну строфу, т. е. сто восемьдесятъ шесть стиховъ!!... Конечно, въ этомъ эпизодѣ, не выдержанномъ въ цѣломъ, есть прекрасныя мѣста; но онъ не идетъ къ дѣлу, безъ нужды плодитъ оду и охлаждаетъ восторгъ читателя, — такъ что прочесть „Водопадъ" съ одного раза, да еще вслухъ — трудъ изнурительный и для ума, и для груди... Всѣ эти 186 стиховъ можно выкинуть, и ода ничего не проиграетъ, напротивъ, много выиграетъ: въ ней будетъ меньше риторики и больше поэзіи... Первыя семь строфъ, заключающія въ себѣ картину водопада посреди дикой и мрачной природы въ осеннюю ночь, прекрасно настраиваютъ душу читателя къ возвышенно скорбному чувству, которымъ должна поразить его мысль о внезапномъ паденіи колосса,—и послѣ седьмой строфы:

Ретивый конь осадку городу и т. д.

можно перейти прямо къ 39-й:

Но кто тамъ идетъ по холмамъ и т. д.

А тридцать одну строфу, между седьмою и тридцать девятою, можно не читать: тогда впечатлѣніе отъ „Водопада“ будетъ гораздо сильнѣе; тогда останется для чтенія сорокъ шесть строфъ, или двѣсти семьдесятъ шесть стиховъ... И тутъ, сколько еще воды риторической! Какъ часто изнемогающее отъ возвышеннаго наслажденія чувство внезапно охладѣваетъ!

Повторяемъ, что выдержанность въ цѣломъ и частностяхъ, преобладаніе дидактики, сбивающееся на резонерство, отсутствіе художественности въ отдѣлкѣ, смѣсь риторики съ поэзіею, проблески геніальности съ непостижимыми странностями—вотъ характеръ всѣхъ произведеній Державина.

Какая же, спросятъ насъ, причина этого: та ли, что Державинъ не поэтъ, та ли, что его талантъ былъ незначителенъ, или что у него вовсе не было таланта? Ни то, ни другое, ни третье... Державинъ былъ человѣкъ, одаренный великими творческими силами, — и онъ сдѣлалъ все, что можно было ему сдѣлать въ то время. Не его вина, что онъ явился въ то, а не въ наше время; не его вина, что поэзія не падаетъ готовая прямо съ неба, а выростаетъ на землѣ, переходя черезъ всѣ степени развитія, какъ все растущее.

Никто самъ собою ничего не дѣлаетъ ни великаго, ни малаго; но, оглядѣвшись вокругъ себя, начинаетъ или продолжать, или отрицать сдѣланное прежде его: это законъ историческаго развитія. Чувствуя наклонность къ поэзіи, имя которой было ужъ печатно выговорено въ Россіи и о которой носились ужъ темные слухи въ небольшомъ грамотномъ кругѣ людей общества того времени, — Державинъ естественно не могъ не остановить своего вниманія на Ломоносовѣ и не подчиниться его вліянію. И Державина за это такъ-же можно упрекать, какъ младенца за то, что онъ лепечетъ языкомъ

отца своего, звуки котораго впервые огласили его слухъ, а не языкомъ, котораго звуковъ онъ не могъ слышать. Державинъ добродушно удивлялся генію Хераскова, высокому паренію Петрова; но его чутью дѣлаетъ большую честь, что онъ рѣшился подражать только Ломоносову. Еще большую честь дѣлаетъ Державину то, что съ 1779 года онъ пошелъ собственнымъ своимъ путемъ... Не думайте, чтобы „совершенно особый путь“ означалъ полную независимость отъ Ломоносова и совершенную самобытность: такой быстрый переходъ въ то время былъ бы скачкомъ, а въ исторіи нѣтъ скачковъ. Державинъ дѣйствительно пошелъ своимъ особымъ путемъ, но не выходя изъ подъ вліянія Ломоносовской поэзіи; въ поэзіи Державина явились первыя яркія вспышки истинной поэзіи, мѣстами даже проблески художественности, какая-то ему одному свойственная оригинальность во взглядѣ на предметы и въ манерѣ выражаться, черты народности столь нежданныя и тѣмъ болѣе поразительныя въ то время; и, вмѣстѣ съ тѣмъ, поэзія Державина удержала дидактическій и риторическій характеръ, въ своей общности, который былъ сообщенъ ей поэзіею Ломоносова. Въ этомъ видѣнъ естественный историческій ходъ.

Итакъ, очевидно, что Державинъ не могъ быть, а потому и не былъ поэтомъ художникомъ; его поэзія—лепетъ младенческій, исполненный жизни и прелести, но не рѣчь разумнаго мужа. И откуда же взялъ бы онъ художественность образовъ, пластическую отдѣлку формы, если въ его время о такихъ хитростяхъ не было понятія, и слѣдовательно не было въ нихъ и потребности? И потомъ можно ли винить его за риторику и дидактику, входящія какъ элементъ, во всѣ, даже лучшія его созданія, а въ посредственныхъ и слабыхъ играющія первую роль?

Конечно, за это никто не обвиняетъ его... Лучше подивиться тѣмъ свѣтозарнымъ проблескамъ поэзіи и художественности, которыми такъ часто и такъ ярко вспыхиваетъ дидактическая, по преобладающему элементу своему, поэзія

этого могучаго таланта. Натура Державина по преимуществу поэтическая и художественная, но время и обстоятельства положили непреодолимыя препятствія ея развитію... Это уже не чисто подражательная поэзія, какъ Ломоносова—въ ней уже слышатся и чудятся звуки и картины русской природы, но перемѣшанныя съ какою-то искаженною, на французскій манеръ, греческою миѳологіею.

Что въ Державинѣ былъ глубоко художественный элементъ, это всего лучше доказываютъ его такъ называемыя „анакреонтическія стихотворенія“. И между ними нѣтъ ни одного вполнѣ выдержаннаго; но какое созерцаніе, какіе стихи! Напр. „Побѣда красоты“. Изъ этого стихотворенія видно въ Державинѣ живое сочувствіе къ древнему міру, какъ свидѣтельство глубоко-художественнаго элемента въ натурѣ поэта. Но пьеса „Рожденіе красоты“ еще болѣе обнаруживаетъ это артистическое сочувствіе поэта къ художественному міру древней Греціи, хотя эта пьеса и еще менѣе выдержана, чѣмъ первая. Доказательствомъ же того, какими превосходными стихами могъ писать Державинъ, служитъ его стихотвореніе „Русскія дѣвушки“. Стало быть Державинъ могъ всегда писать прекрасными стихами? — Конечно, могъ, ибо онъ по натурѣ своей былъ великій поэтъ. — Отчего же онъ такъ рѣдко писалъ хорошими стихами? Оттого, что въ его время не было ни понятія о необходимости прекрасныхъ стиховъ, ни потребности въ нихъ; оттого что въ его время о поэзіи всего менѣе думали, какъ о красотѣ, не подозрѣвая, что поэзія и красота — одно и тоже. Поэтому Державинъ всего менѣе заботился о стихѣ, а такъ какъ онъ началъ писать очень поздно, то и не могъ овладѣть ни языкомъ, ни стихомъ, обладаніе которыми и величайшимъ поэтамъ достается не безъ тяжкаго труда.

Сколько бы ни разбирали пьесъ Державина—а все пришли бы къ одному и тому же результату: великъ былъ естественный талантъ Державина, а поэтомъ-художникомъ онъ всетаки не былъ; и цѣлый кругъ его поэтической дѣятельности пред-

ставляетъ собою только порыванiе къ поэзiи и достиженiе ея только мгновенными вспышками и неожиданными проблесками. Даже лучшiя, самыя поэтическiя его произведенiя, какъ напр. „Фелица“, могутъ намъ нравиться не иначе, какъ только подъ условiемъ изученiя, какъ факты историческаго развитiя русской поэзiи. Читая ихъ, мы должны оторваться отъ своего времени и своихъ понятiй и силою размышленiя, такъ сказать, заставить себя видѣть поэзiю и талантъ въ томъ, что въ современномъ намъ писателѣ назвали бы мы прозою и бездарностью. Однимъ словомъ, стихотворенiя Державина, разсматриваемыя съ эстетической точки, суть ничто иное, какъ блестящая страница въ исторiи русской поэзiи — некрасивая куколка, изъ которой должна была выпорхнуть, на очарованiе глазъ и умиленiе сердца, роскошно прекрасная бабочка... Повторяемъ: талантъ Державина великъ, но онъ не могъ сдѣлать больше того, что позволили ему его отношенiя къ историческому положенiю общества въ Россiи.

Вып. XXIII. **Е. А. Баратынскій.** (1800—1844). Избранныя сочиненія. Лирическ. я стихотвор.—Поэмы.—Прозаич. статьи.—Матеріалы для изученія поэта. Спб. 1896. Ц. 50 к.

Вып. XXIV. **Житье и хоженье Данила Русьскыя земли игумена.** (1106 — 1108). Текстъ воспроизведенъ по древнѣйшему списку XV вѣка, изданному Православнымъ Палестинскимъ Обществомъ. Текстъ памятника.—Объяснительныя статьи, съ приложеніемъ 2-хъ картъ. Спб. 1896. Ц. 50 к.

Вып. XXV. **Н. И. Новиковъ.** (1744—1778). Живописецъ. (1772 — 1773). Избранныя статьи изъ „Живописца". — Извлеченіе изъ „Трутня".—Матеріалы для изученія писателя. Спб. 1896. Ц. 35 к.

Вып. XXVI. **Древне-русскія драматическія произведенія.** Зачатки драмы въ произведеніяхъ народной поэзіи.—Пещное дѣйство и вертепъ.—Мистерія Симеона Полоцкаго о царѣ Навуходоносорѣ. — „Владиміръ", трагедокомедія Ѳеофана Прокоповича.—Объяснительныя статьи. Спб. 1898. Ц. 40 к.

Вып. XXVII. **В. Г. Бѣлинскій.** (1810—1848). Критическіе этюды. Ч. I. „Ревизоръ" Гоголя. — „Горе отъ ума" Грибоѣдова.—„Борисъ Годуновъ" Пушкина. Спб. 1898. Ц. 30 к.

Вып. XXVIII. **Кн. А. М. Курбскій и царь Іоаннъ IV Васильевичъ Грозный.** Избранныя сочиненія. Исторія Іоанна Грознаго, кн. Курбскаго. Переписка Іоанна Васильевича съ Курбскимъ.—Объяснительныя статьи.—Словарь. Спб. 1902. Ц. 55 к.

Вып. XXIX. **А. В. Кольцовъ.** (1802 — 1842). Стихотворенія. 87 стихотвореній. — Этюдъ В. Г. Бѣлинскаго и В. Н. Майкова.—Объяснительныя статьи. Спб. 1905. Ц. 50 к.

Вып. XXX. **И. И. Козловъ.** (1779 — 1840). Стихотворенія. Лирическія стихотворенія, оригинальныя и переводныя.—Поэмы.—Объяснительныя статьи. Спб. 1906. Ц. 55 к.

Вып. XXXI. **К. Н. Батюшковъ.** (1787 — 1855). Стихотворенія. LXXIII Лирическихъ стихотвореній.—XVIII Сатирическихъ пьесъ.—Объяснит. статьи. Спб. 1906. Ц. 50 к.

Вып. XXXII. **А. Н. Радищевъ.** Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. Текстъ произведенія.—Объяснительныя статьи. Спб. 1906. Ц. 50 к.

Вып. XXXIII. **В. А. Озеровъ.** (1769 — 1816). Трагедіи. Эдипъ въ Аѳинахъ. — Фингалъ.—Димитрій Донской.—Объяснительныя статьи. Спб. 1907. Ц. 45 к.

Вып. XXXIV. **И. Ф. Богдановичъ.** (1743 — 1802). Избранныя сочиненія. Душенька.—Радость Душеньки.—Объяснительныя статьи. Спб. 1907. Ц. 45 к.

Вып. XXXV. **В. В. Капнистъ.** (1757—1824). Избранныя сочиненія. Ябеда, ком... Оды.—Гораціанскія и анакреонтическія оды.—Посланія.—Сатиры.—Эпиграммы и надписи.—Объяснительныя статьи. Спб. 1907. Ц. 45 к.

Вып. XXXVI. **И. А. Крыловъ.** (1768 — 1844). Басни. Текстъ 201 басни съ примѣчаніями.—Объяснительныя статьи. Спб. 1908. Ц. 60 к.

Вып. XXXVII. **И. С. Тургеневъ.** (1818—1883). Рудинъ. Романъ въ XII главахъ с эпилогомъ. Полный текстъ романа.—Объяснительныя статьи. Спб. 1908. Ц. 50 к.

Вып. XXXVIII. **И. А. Гончаровъ.** (1812—1891). Обломовъ. Романъ. Спб. 190[illegible] Ц. 1 р. 25 к.

Вып. XXXIX. **А. С. Хомяковъ.** (1804—1860). Стихотворенія. 75 лирическихъ стихотвореній.—Объяснительныя статьи. Спб. 1909. Ц. 40 к.

Тоже. Серія вторая. Классическія произведенія иностранныхъ литературъ въ переводахъ русскихъ писателей.

Вып. I. **Пѣснь о Роландѣ.** Французскій народный эпосъ. Переводъ Чудинова. Текстъ памятника, съ примѣчаніями.—Объяснительныя статьи. Спб. 1896. Ц 50 к.

Вып. II. **Пѣснь о Нибелунгахъ.** Нѣмецкій народный эпосъ, переводъ Кудряшева. Текстъ авентюръ: I, II, XV — XVII, XXXVI — XXXIX и изложеніе содержанія остальныхъ.—Объяснительныя статьи. Спб. 1896. Ц. 45 к.

Вып. III. **Поэмы Оссіана** Джемса Макферсона. Переводъ и примѣчанія Е. В. Балабановой. Фингалъ, поэма въ VI пѣсняхъ. — Смерть Кухулина, поэма и ирландское сказаніе.—Объяснительныя статьи. Спб. 1897. Ц. 35 к.

Вып. IV. **Старшая Эдда** (Семунда мудраго). Сборникъ миѳологическихъ, гномической и эпическихъ пѣсенъ, въ переводахъ русскихъ писателей. Древне-Скандинавскій народный эпосъ. I—II миѳологическія пѣсни.—I гномическая. — I—XV эпическихъ.—Объяснительныя статьи. Спб. 1897. Ц. 40 к.

Вып. V. **Поэма** и избранные **романсы о Сидѣ**, въ переводахъ русскихъ писателей. Испанскій народный эпосъ. Полный текстъ Поэмы о Сидѣ.—Избранные романсы о Сидѣ.—Объяснительныя статьи. Спб. 1897. Ц. 50 к.

Вып. VI. **Луисъ Камоэнсъ.** Лузіады. Поэма въ десяти пѣсняхъ. Текстъ поэмы.— Объ[illegible] Спб. 1897. Ц. 50 к.

Вып. VII. **Данте Алигіери.** (1265 — 1321). Божественная комедія. Часть I. Адъ. [illegible] переводахъ русскихъ писателей. Полный текстъ XXXIV пѣсенъ. — Объяснительныя [illegible]. Спб. 1897. Ц. 55 к.

Вып. VIII. **Данте Алигіери.** (1265 — 1321). Божественная комедія. Часть II. [illegible]. Въ переводахъ русскихъ писателей. Полный текстъ XXXIII пѣсенъ. Примѣ-[illegible] Спб. 1897. Ц. 50 к.

Вып. IX. **Данте Алигіери.** (1265—1321). Божественная комедія. Часть III. Рай. [illegible] переводахъ русскихъ писателей. Полный текстъ XXXIII пѣсенъ. — Примѣчанія. Спб. [illegible] Ц. 55 к.

Вып. X. **Людовико Аріосто.** (1474 — 1533). Неистовый Роландъ. Поэма въ со-[illegible] пѣсняхъ въ переводахъ русскихъ писателей. Содержаніе поэмы Боярдо „Влю-[illegible] Роландъ".—Текстъ 17-ти пѣсенъ Аріосто и изложеніе содержанія остальныхъ, съ приведеніемъ лучшихъ отрывковъ.—Объяснительныя статьи. Спб. 1898. Ц. 75 к.

Вып. XI. **Франческо Петрарка.** (1304—1374). Избранные сонеты и канцоны въ переводахъ русскихъ писателей. I—XXV сонетовъ. — I—III канцоны. — Объяснительныя статьи. Спб. 1898. Ц. 25 к.

Вып. XII. **П. Бомарше.** Избранныя сочиненія. Пер. Чудинова. Спб. 1898. Ц. 55 к.

Вып. XIII. **Торквато Тассо.** (1544—1595). Освобожденный Іерусалимъ. Поэма въ [illegible] пѣсняхъ въ переводахъ русскихъ писателей. Переводъ I — IV, XII, XIII, XV, [illegible] и XX строфъ и изложеніе содержанія остальныхъ, съ приведеніемъ лучшихъ мѣстъ.—Объяснительныя статьи. Спб. 1899. Ц. 40 к.

Вып. XIV. **А. Шамиссо де-Бонкуръ.** (1781 — 1838). Избранныя произведенія въ [illegible] русскихъ писателей. Чудесная исторія Петра Шлемиля. — Избранныя стихо-[illegible] Спб. 1899. Ц. 35 к.

Вып. XV. **Г. Х. Андерсенъ.** (1805 — 1875). Избранныя сочиненія въ переводахъ [illegible] писателей. Часть 1-я. Сказка моей жизни. — Книга картинъ безъ картинъ.—[illegible] стихотворенія. Спб. 1899. Ц. 75 к.

Вып. XVI. **Г. Х. Андерсенъ.** (1805 — 1875). Импровизаторъ или молодость и [illegible] итальянскаго поэта. Романъ. Спб. 1899. Ц. 75 к.

Вып. XVII. **Джьованни Боккаччьо.** (1313 — 1375). Декамеронъ. Собраніе из-[illegible] новеллъ въ переводахъ русскихъ писателей. Вступленіе. Текстъ XX новеллъ.—[illegible]льныя статьи. Спб. 1899. Ц. 40 к.

Вып. XVIII. **Д. Дидро.** (1712 — 1784). Избранныя сочиненія въ переводахъ [illegible] писателей. Племянникъ Рамо.—Біографическій очеркъ. Спб. 1900. Ц. 40 к.

Вып. XIX. **В. Гёте.** (1749 — 1832). Фаустъ. Драматическая поэма въ 2-хъ частяхъ. [illegible] М. В. Вронченко. Текстъ I-й части.—Изложеніе II-й части. — Объяснительныя [illegible] Спб. 1900. Ц. 55 к.

Вып. XX. **А. де-Мюссе.** (1810—1857). Избранныя сочиненія, переводъ Чюмины [illegible] Лирика, поэмы: Ива, Порція.—Комедіи: Луизонъ, Дѣвичьи грезы. Капризъ.—[illegible]льныя статьи. Спб. 1901. Ц. 50 к.

Вып. XXI. **Дж. Г. Байронъ.** (1788 — 1824). Избранныя сочиненія въ переводахъ [illegible] поэтовъ. Лирическія стихотворенія.—Поэмы: Шильонскій узникъ.—Абидосская Не-[illegible] отрывки изъ Чайльдъ-Гарольда и Донъ-Жуана.—Объяснит. статьи. Спб. 1901. Ц. 50 к.

Вып. XXII. **В. Шекспиръ.** (1564 — 1616). Макбетъ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. [illegible] М. В. Вронченко. Текстъ трагедіи.—Объяснит. статьи. Спб. 1902. Ц. 40 к.

Вып. XXIII. **І. Уландъ.** (1787 — 1862). Избранныя стихотворенія въ переводахъ [illegible] поэтовъ. Пѣсни.—Баллады и романсы.—Объяснит. статьи. Спб. 1902. Ц. 30 к.

Вып. XXIV. **Калевала.** Финская народная эпопея. Переводъ Л. П. Бѣльскаго, [illegible]ской Академіей Наукъ удостоенный Пушкинской преміи. Руны: 1 — 3, 10, 21, [illegible] 41 и 42.—Объяснительныя статьи. Спб. 1902. Ц. 50 к.

Вып. XXV. **Древне-сѣверныя саги и пѣсни скальдовъ** въ переводахъ рус-скихъ писателей. I—IV саги.—Пѣсни скальдовъ.—Скандинавскія народныя пѣсни.—Объяс-нительныя статьи. Спб. 1903. Ц. 60 к.

Вып. XXVI. **Ж. Расинъ.** (1639 — 1699). Избранныя сочиненія въ переводахъ русскихъ писателей. Федра.—Гофолія.—Объяснительныя статьи. Спб. 1903. Ц. 40 к.

Вып. XXVII. **Избранныя юнацкія пѣсни сербскаго народа** въ переводахъ русскихъ писателей. Пѣсни о Коссовской битвѣ.—Пѣсни о Маркѣ королевичѣ.—Эпическія пѣсни разнаго содержанія.—Лирическія пѣсни.—Объяснительныя статьи. Спб. 1904. Ц. 50 к.